

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Спецвыпуск

Нижний Новгород

2020

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова. Спецвыпуск. — Н. Новгород: НГЛУ, 2020. — 166 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Ж. В. Никонова

Редакционная коллегия:

А. В. Иванов (*зам. главного редактора*), Р. М. Шамилов (*отв. секретарь*), М. А. Ариян,
О. В. Байкова (Киров), К. Э. Безукладников (Пермь), М. К. Бронич, М. А. Викулина,
Н. К. Гарбовский (Москва), Н. А. Голубева, М. А. Грачев, Б. А. Жигалев, В. И. Карасик
(Москва), С. Б. Королева, Л. П. Крысин (Москва), И. В. Леушина, Н. В. Макшанцева,
М. И. Никола (Москва), О. А. Обдалова (Томск), О. Г. Оберемко, Е. Р. Поршнева,
Л. В. Рацибурская, Т. Н. Синеокова, В. В. Сдобников, Д. Боксэ (США),
Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия),
К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий ВАК РФ

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2020

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

LUNN BULLETIN

Special issue

Nizhny Novgorod

2020

LUNN Bulletin. Special issue. — Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2020. — 166 p.

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

Zh. Nikonova

Editorial Board:

A. Ivanov (*Deputy Editor-in-Chief*), R. Shamilov (*Executive Secretary*), M. Ariyan, O. Baykova (Kirov), K. Bezukladnikov (Perm), M. Bronich, M. Vikulina, N. Garbovsky (Moscow), N. Golubeva, M. Grachev, B. Zhigalev, V. Karasik (Moscow), S. Koroleva, L. Krysin (Moscow), I. Leushina, N. Makshantseva, M. Nikola (Moscow), O. Obdalova (Tomsk), O. Oberemko, E. Porshneva, L. Ratsiburskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov, D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© ГГЛУ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА.....	7
Corona-Sprache: der Spiegel der Zeit in Wirtschaft Politik und Medien <i>Lacchein Barbara, Larisa A. Averkina</i>	<i>7</i>
Культурный код в аспекте переводческой деятельности <i>Барышев Н. В., Сдобников В. В.....</i>	<i>18</i>
Феномен прецедентности как фактор лингвистической безопасности (на примере эвфемии) <i>Голубева Н. А.</i>	<i>32</i>
Цифровизация и ее последствия для эритажных языков <i>Гусейнова И. А.</i>	<i>44</i>
Языковая политика в гуманитарном вузе <i>Краева И. А.....</i>	<i>59</i>
Политическая окраска цветообозначений в немецком политическом дискурсе <i>Никонова Ж. В., Бухаров В. М., Ястремская И. Г.</i>	<i>73</i>
Проблемные вопросы лингвистического анализа текстов типа «фейк-ньюс» (на примере немецкого политического дискурса) <i>Никонова Ж. В., Соловьева Е. В.</i>	<i>93</i>
Язык в сохранении исторической памяти <i>Савруцкая Е. П., Устинкин С. В.</i>	<i>103</i>
Дискурсивное конструирование актуальных событий в российских и англоязычных медиа в свете лингвистической безопасности <i>Тырыгина В. А.</i>	<i>111</i>
Лингвистическая безопасность России и ДАС — дистанционные альтернативные сервисы в образовании <i>Устинкин С. В., Кувакова И. М.....</i>	<i>127</i>
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ.....	139
Лингвистическая безопасность России в модусе мультилингвизма <i>Жигалев Б. А., Прохорова А. А.</i>	<i>139</i>
Жанры инвективы в публичном коммуникативном пространстве <i>Калинина М. А.</i>	<i>153</i>
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	164

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE	7
The Language of Coronavirus: Contemporary Use in Economics, Politics and Media	
<i>Lacchein Barbara, Larisa A. Averkina</i>	<i>7</i>
The Cultural Code in Terms of Translation Activity	
<i>Nikolay V. Baryshev, Vadim V. Sdobnikov</i>	<i>18</i>
The Phenomenon of Precedence as a Factor of Linguistic Security (A Case Study of German Euphemisms)	
<i>Nadezhda A. Golubeva</i>	<i>32</i>
Digital Transformation and Its Consequences for Heritage Languages	
<i>Innara A. Guseynova.....</i>	<i>44</i>
Language Policy in Humanities Universities	
<i>Irina A. Kraeva.....</i>	<i>59</i>
Political Coloring of Adjectives in German Political Discourse	
<i>Zhanna V. Nikonova, Valery M. Bukharov, Inna G. Yastremskaya.....</i>	<i>73</i>
On the Linguistic Analysis of Fake News Texts in German Political Discourse	
<i>Zhanna V. Nikonova, Ekaterina V. Soloveva</i>	<i>93</i>
Language in Historical Memory	
<i>Elizaveta P. Savrutskaya, Sergey V. Ustinkin</i>	<i>103</i>
Discursive Construal of Current Events in Russian and English Language Media in the Light of Linguistic Security	
<i>Valentina A. Tyrygina.....</i>	<i>111</i>
Linguistic Security of Russia and DAS (Distance Alternative Services) in Education	
<i>Sergey V. Ustinkin, Irina M. Kuvakova.....</i>	<i>127</i>
CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION.....	139
Linguistic Security of Russia in the Mode of Multilingualism	
<i>Boris A. Zhigalev, Anna A. Prokhorova.....</i>	<i>139</i>
The Genre of Invective in Public Discourse	
<i>Marina A. Kalinina.....</i>	<i>153</i>
CONTRIBUTORS' INFORMATION	164

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.112.2'373:811.112.2'27

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-si-7-17

CORONA-SPRACHE: DER SPIEGEL DER ZEIT IN WIRTSCHAFT, POLITIK UND MEDIEN

Lachhein, Barbara¹, Larisa A. Averkina²

¹Universität Duisburg-Essen, Essen, Deutschland, Staatliche Linguistische
Dobroljubov-Universität, Nischni Nowgorod, Russland

²Staatliche Linguistische Dobroljubov-Universität, Nischni Nowgorod, Russland

Mit dem Ausbruch des Coronavirus zu Beginn des Jahres 2020 gehen tiefgreifende gesellschaftliche Veränderungen und ein die neue Situation beschreibender Wortschatz weltweit einher. Nicht nur Universitäten sondern auch sprachpflegende Institutionen in Deutschland analysieren in einem fachübergreifenden Ansatz Quellen aus Politik und Medien. Um staatliche Maßnahmen zu kommunizieren und einem unmittelbaren Informationsbedürfnis der Bevölkerung nachzukommen, erweisen sich online-Glossare als ein geeignetes Mittel, den relevanten Wortschatz und dessen konzeptionelle Hinterlegung zeitnah bereitzustellen. Auf dieser Grundlage und zwecks Harmonisierung des Wortschatzes erarbeitet der europäische Übersetzungsdienst eine Vokabelübersicht für die Mitgliedsstaaten der Europäischen Union. Die deutsche Sprache hält verschiedene sprachliche Mittel bereit, das Corona-Geschehen adäquat zu kommunizieren und zeitnah zu erfassen. Das Ziel der Abhandlung besteht darin, den Prozess der Adaption von Sprache an gesellschaftliche Prozesse auf der Grundlage einer Internetrecherche in relevanten Institutionen in Deutschland aktuell abzubilden. Im Ergebnis wurde ersichtlich, dass neue Wortschöpfungen, Anglizismen, Redewendungen und Fachbegriffe einen zeitgegebenen Corona-Wortschatz prägen. Vieles davon ist kontextabhängig und erklärungsbedürftig, auch im Sinne einer sachgerechten Übertragung in eine andere Sprache. Themenbezogene Wörterbücher, Glossare und Podcasts sowie die umgehende Verwendung vorhandener, medizinischer Fachbegriffe in der Alltagssprache ermöglichen eine schnelle Reaktion auf die aktuelle Sprachentwicklung. Auch wenn unterschiedliche Forschungsschwerpunkte hervortreten, wird deutlich, dass die Corona-Krise die Bevölkerung weltweit herausfordert, bis dahin unbekannte Situationen, Nachrichten oder Regelungen zu bewältigen, so dass ein zeitbezogener, monothematischer Wortschatz die Kommunikation dominiert. Eine allgemeine Erweiterung des Wortschatzes konnte jedoch bis dato nicht festgestellt werden.

Schlüsselwörter: Corona-Virus; Corona-Glossar; Corona-Wortbildung; Sprachkritik; europäischer Übersetzungsdienst.

The Language of Coronavirus: Contemporary Use in Economics, Politics, and Media

Lachhein, Barbara¹, Larisa A. Averkina²

¹University Duisburg-Essen, Essen, Germany, N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

²N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Since the beginning of 2020, the outbreak of COVID-19 has been accompanied by far-reaching social changes worldwide and has produced a vast number of new terms describing the situation. Not only universities but also national German language institutions have been analyzing sources from politics and media. Launched with the intention to communicate the government's measures and to meet the population's immediate need for information, online glossaries have proved to be a suitable tool for making the relevant vocabulary and its conceptual content and background available in a timely manner. Along with virologists and politicians, linguists are also studying the pandemic-related situation, thus reinforcing a multidisciplinary approach to the global challenge. Given all this, in order to harmonize the current vocabulary, the European Translation Service has drawn up a vocabulary survey for the member states of the European Union. The German language provides various linguistic tools to record coronavirus-related events adequately. The key objective of this paper is to map the process of adapting language to social processes on the basis of Internet research conducted in relevant institutions in Germany. As a result, it has become apparent that new word constructions, anglicisms, idioms, and professional terms are shaping the emerging vocabulary related to the global pandemic. Much of this is context-dependent and in need of explanation and adequate translations into other languages. Thematically organized dictionaries, glossaries, and podcasts as well as the immediate use of existing medical terms in everyday language enable a quick response to current developments in language. Despite the ongoing emergence of different focus areas in research, it is clear that the coronavirus crisis has forced the whole global population to deal with formerly unfamiliar situations, news, and regulations, and thus the most current monothematic vocabulary continues to prevail in communication. However it is yet too early to speak of a general expansion of language and phraseology.

Key words: coronavirus-related words; coronavirus glossary; building coronavirus vocabulary; language criticism; European translation service.

1. Einführung

Über Ländergrenzen hinweg bestimmt gerade *ein Virus* den Lauf der Welt. *Es* oder *er* verändert das gesellschaftliche Leben und die Sprache, greift nicht nur in die Gesundheit sondern auch in den Wortschatz ein.

Das Ziel der Abhandlung besteht darin, den Prozess der Adaption von Sprache an aktuelle gesellschaftliche Prozesse abzubilden, fokussiert auf die Aufgabe, den adäquaten Wortschatz zu untersuchen. Hypothetisch steht die Adaption der Sprache an soziale Prozesse auf dem Prüfstand. Die Untersuchung basiert auf einer Internetrecherche von Beiträgen relevanter Institutionen und Medien in Deutschland. Im Ergebnis wurde ersichtlich, dass neue Wortschöpfungen, Anglizismen, Redewendungen und Fachbegriffe einen zeitgegebenen

Corona-Wortschatz prägen. Vieles davon ist kontextabhängig und erklärungsbedürftig, auch im Sinne einer sachgerechten Übertragung in eine andere Sprache.

2. Material und Methoden

Verschiedene sprachpflegende Institutionen in Deutschland, darunter das Mannheimer Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS), die Duden-Redaktion, die Gesellschaft für deutsche Sprache in Wiesbaden (GfdS), die deutsche Niederlassung der internationalen Schriftstellervereinigung P.E.N. (Poets, Essayists, Novelists), der Übersetzungsdienst der Europäischen Union, Universitäten und natürlich die Medien beobachten die Prozesse aufmerksam, bereiten sie wissenschaftlich und anwendungsbereit auf. Dabei erweist sich das Glossar als geeignetes Mittel, der Öffentlichkeit Informationen und Erklärungen rasch, kurz und knapp bereitzustellen.

Das **Leibniz-Institut** hat schon im März 2020 seinen Online-Auftritt um die Rubrik *Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie* erweitert (IDS 2020). Dieser enthält Definitionen der neuen Wörter, Wortverbindungen und -paare nebst Anwendungsbeispielen. Jeder kann Vorschläge einreichen. Im Glossar sind Begriffe enthalten, von A wie *AHA-Regel*, über N wie *Neue Normalität* bis hin zu W wie *Wohnzimmer-Work-out* und Z wie *Zweite Welle*. Außerdem wurden Spezialglossare ausgewertet, darunter ein Kinderglossar unter der Überschrift „Sprichst du coronisch?“ (Bold 2020). Es enthält nur wenige, jedoch für Kinder bedeutsame Begriffe. So ist unter *Ausgangsbeschränkung: Nicht mehr hingehen, wo man will* zu lesen oder unter *hamstern: Vorräte für harte Zeiten anlegen*.

Auch im **Digitalen Wörterbuch der deutschen Sprache** (DWDS) wurden schon frühzeitig Begriffe in einem Corona-Themenglossar gebündelt. Es beinhaltet neben Wörtern aus dem medizinischen Kontext, wie *Herdenimmunität*, auch solche, deren Gebrauch sich durch die Pandemie verändert, neu gebildet hat, oder Wörter, die vermehrt genutzt werden, wie *Kontaktsperre*. Auch neue Wörter, meist als Entlehnung aus dem Englischen, sind enthalten, wie *Lockdown* oder kreativ und zeitgemäß als neue Kombinationen, die *Coronaparty* (DWDS 2020).

Die Chefredakteurin der **Duden-Redaktion** Kathrin Kunkel-Razum kommentierte das hauseigene Corona-Glossar Ende Mai 2020 wie folgt: „Wir haben feststellen können, dass eine ganze Reihe von Wörtern, die inzwischen sehr stark verwendet werden, längst im Duden verzeichnet sind. Auch der Begriff Coronavirus <...>. Und dann gibt es neu entstandene Wörter. Man sieht sehr schön, wie produktiv das deutsche Wortbildungssystem ist. Komposita, die mit Corona beginnen gibt es in großer Fülle. <...> Und dann kommen die Anglizismen Lockdown, Shutdown, Social Distancing dazu.“ Vor der Aufnahme ei-

nes Wortes in den Dudenbestand, wird es geprüft, unter anderem, wie häufig es vorkommt und wie lange es präsent ist. Den langen Zeitraum gibt es noch nicht. „Aber die Leute haben ein Bedürfnis zum Nachschlagen. Deshalb steht beispielsweise Covid-19 jetzt schon auf Duden online.“, sagt die Chefredakteurin (Kunkel-Razum 2020).

Die **Gesellschaft für deutsche Sprache** deckt eine breite Palette Corona-bezogener Themen über Wortherkunft, -bildung und Schreibweise in Form fortlaufend veröffentlichter Serien ab. So erklären die Autoren in Serie 7 unter der Überschrift „Wir möchten unser Kind *Corona* nennen“, dass das Wort schon seit dem zweiten Jahrhundert als Mädchenname vermerkt wird. Wegen möglicher Hänseleien empfehlen die Autoren aktuell lieber einen anderen Namen zu wählen (GfdS 2020).

Auch die deutschen Schriftsteller verfolgen aufmerksam das sprachliche Geschehen und mahnen Politik und Medien zu einem überlegten Gebrauch der Worte. Die Präsidentin des deutschen **PEN-Zentrums**, Regula Venske, macht auf die wohl gegenwärtig am eindringlichsten angemahnte Verhaltensregel, das *Social Distancing*, aufmerksam. Ohne den medial eingeübten Kontext würde es bedeuten, dass man auf soziale Distanz gehen müsse, obwohl ein räumlich einzuhaltender Abstand gemeint ist. „Wir alle wissen, dass jetzt soziale Nähe gefragt ist: Kooperation und Verantwortung füreinander“, sagt sie und appelliert „an alle, denen unser Gemeinwohl und unsere Sprache am Herzen liegen“, lieber Begriffe wie *physische Distanz* oder *körperlicher Abstand* zu benutzen. „Man mag sagen, dass es derzeit dringlichere Probleme gibt, als Worte auf die Goldwaage zu legen“, sagt Venske weiter. „Aber Sprache prägt unser Denken und unser Verhalten“ (PEN-Zentrum 2020).

Der **Übersetzungsdienst der Europäischen Kommission** in Brüssel arbeitet unter dem Aspekt der Harmonisierung an speziellen Terminologie-Listen, die in ein Glossar für wichtige Corona-Wörter münden sollen. Methodisch werden vergleichende Übersichten der einzelnen Sprachen erstellt, alle Varianten der Einzelsprachen erfasst und, um Missverständnisse zu vermeiden, Empfehlungen zur Nutzung in offiziellen Texten gegeben.

Für Universitäten öffnen sich unter Krisenbedingungen spannende Forschungsfelder im Hinblick auf den Gebrauch der Sprache. Nicht nur Virologen und politische Verantwortungsträger beschäftigen sich mit dem Virus, sondern ebenso mit Kommunikation im weitesten Sinne befasste Wissenschaftler. Einer von ihnen ist Wolf P. Klein an der Universität Würzburg. Professor Klein geht weit in die Geschichte der Menschheit zurück und äußert sich in einem Interview mit den Nürnberger Nachrichten vom 21.06.2020 folgendermaßen: „Seuchen hatten schon immer auch eine sprachliche Dimension. Durch das Internet haben wir heute sehr viel mehr Material zur Verfügung als etwa bei der Pest im

14. Jahrhundert.“ Unter seinen Mitarbeitern herrsche zurzeit Sammelfieber in Sachen Corona-Sprache: soziale Netzwerke, Presseartikel, wissenschaftliche Veröffentlichungen, Webseiten, Corona-Tagebücher und so weiter würden systematisch erforscht. Davon inspiriert, konzipiert er eine Vorlesung zum historischen Vergleich der Seuchen-Sprachen (Merkel 2020).

Während Klein die Seuchenzeiten unter die Lupe nimmt, richtet Professor Diana Rieger, Kommunikationswissenschaftlerin an der **Ludwig-Maximilians-Universität München**, ihr Augenmerk auf den verantwortungsbewussten Gebrauch der Sprache unter Krisenbedingungen. Sie mahnt Politik und Medien zu einem überlegten Gebrauch der Worte und Metaphern.

Unter sprachpsychologischen Gesichtspunkten zählen Metaphern zu den fundamentalen Werkzeugen der Kommunikation in Politik, Öffentlichkeit und Werbung. Sie transportieren unbewusst Schlussfolgerungen über einen Sachverhalt (Schramm, Wüstenhagen 2014). Über die Sprache und die kognitiven Deutungsrahmen können Assoziationen geweckt, Meinungen gelenkt und Handlungen bestimmt werden: in Krisensituationen ein wichtiges Werkzeug, um erforderliche Maßnahmen zur Eindämmung der Pandemie umzusetzen. Entsprechend klingen die Kriegsansage des französischen Präsidenten Macron gegen Corona (Wiegel 2020) oder die Überschrift bei *heise online* „Schutzmasken im Kultur- und Wissenschaftskampf“ dramatisch. Eine so drastische Wortwahl verdeutlichte einerseits den Ernst der Lage. Sie sollte motivieren, staatlichen Vorgaben zu folgen. Andererseits erzeugten solche Worte in unseren Köpfen Angst. Rieger wendet sich daher an die Presse, „eine Sprache zu verwenden die uns dabei hilft, besser durch die Coronapandemie zu kommen“ (Rötzer 2020).

Im Folgenden sollen anhand ausgewählter Merkmale und Beispiele die Wortbedeutung und Wortbildung dargestellt werden.

Anglizismen: Ein Erklärungsansatz, warum so schnell so viele Wörter einen englischen Anklang haben, fußt auf der Verbreitung des Englischen als Wissenschaftssprache, wie sie zur Bewältigung der Pandemie weltweit Anwendung findet. Die Kieler Kommunikationsexpertin Susanne Kratzenberg vertritt die These, dass Anglizismen schnell Lücken füllen (Kratzenberg 2020). Jedoch ist festzustellen, dass die Bedeutung im Englischen und Deutschen nicht oder nur teilweise übereinstimmt, wie *Social Distancing* oder *Homeoffice* zeigen.

Social Distancing beschreibt im Englischen die physische Distanz zwischen Menschen. *Social* hat dort auch die Bedeutung *gesellig, in Gesellschaft* zu sein. Das deutsche Wort *sozial* impliziert dagegen *Solidarität, Verantwortung, Fürsorge* und *Gemeinsinn*. *Social Distancing* — wörtlich übersetzt *soziale Distanz* — assoziiert Bilder von gesellschaftlichem Abstand und einem Verbot des sozialen Miteinanders. Unter Corona-Bedingungen ist jedoch die Einhaltung eines Mindestabstands von 1,5 m gemeint.

Homeoffice existiert schon viele Jahre im deutschen Sprachgebrauch und beschreibt den in Vor-Corona-Zeiten nur schleppend eingeführten und akzeptierten Prozess der Telearbeit von zu Hause aus. Nun hat sich dieser Zustand schlagartig geändert. Inzwischen bieten 61 % der deutschen Unternehmen diese Beschäftigungsform an (Statista 2020). Anders sieht es in Großbritanniens Hauptstadt aus: Dort ist nur ein ausgewählter Personenkreis im *Homeoffice* — also im *Innenministerium* — tätig. Wer im Königreich zu Hause am Schreibtisch für seine Firma arbeitet, erhält den Stempel des „*Wfh*“ — Working from home — aufgedrückt.

Kollokationen: Auch zahlreiche Redewendungen erblicken das Licht der Coronawelt. Die *italienischen Verhältnisse* sollen dies veranschaulichen. Hier werden nun Schreckensbilder eines überforderten, kollabierenden Gesundheitssystems mit unzähligen Todesopfern wachgerufen. Diese Bilder waren so prägnant, dass Regierungen sich in der Pflicht sahen, umgehend zu handeln und entsprechend zu kommunizieren. Zur grundlegenden Regel aus dem deutschen Gesundheitsministerium wurde die sogenannte „AHA-Regel“ erhoben, leicht und für jeden verständlich: *Abstand halten* — *Hygiene beachten* — *Alltagsmaske (Mund-Nasen-Bedeckung) tragen*. Auf diese Weise die *Neue Normalität* meistern, trat eine neue Höflichkeitsfloskel ihren Siegeszug an: Der Satz *Bleiben Sie gesund!* hat sich zu einem etablierten Abschiedsgruß entwickelt. Jemandem wird Gesundheit gewünscht. Neben dem Wunsch rufen die Stellung des Verbs und die Intonation — also deutliche Merkmale einer Imperativform - auch eine Aufforderung, hervor.

Aha, so ist das also.

Komposita: Mit der Dynamik einer Kreativ-Direktorin ist Susanne Kratzenberg vom Corona-infizierten Sprachwandel begeistert. Ohne dem würden uns plötzlich die Worte fehlen. Nur was man benennen kann, kann man auch denken, aussprechen und diskutieren. Daher brauche alles Neue einen Namen und eine Krise, wie Corona, einen ganzen Wortschatz. Hierbei erweist sich eine Spezialität der deutschen Sprache als ausgesprochen nützlich: die Fähigkeit, Wörter zu neuen Begriffen, zu Komposita, zusammenzusetzen. Der Fantasie sind dabei keine Grenzen gesetzt. Das *Geisterspiel* im Fußball, ein *Nullsemester* an der Uni, der *Ellenbogengruß* anstelle des Händeschüttelns und viele Wörter mehr belegen eindrucksvoll, wie kinderleicht das gelingt (Kratzenberg 2020).

Kofferwörter: Mit den Komposita nicht zu verwechseln sind die Kofferwörter. Zwei Wörter gehen eine Liaison mit einer neuen Bedeutung ein, wie zum Beispiel Corona + Millenials. So trifft man auf die Generation der *Coronials*, leidet unter *Coronoia* (Corona + Paranoia) oder zählt nach Meinung einer führenden deutschen Politikerin als uneinsichtiger Mensch zu den *Covidioten*.

(Covid + Idioten). Zusammengefasst könnte man es auch *infodemisch* (Information + Pandemie) ausdrücken: *Aus zwei mach eins!*

Artikel: Heißt es nun *der* oder *das* Virus?

Das Coronavirus hielt schon 2003 mit Auftreten des Erregers Sars-Cov-1 in den Duden Einzug als ein „Virustyp, der Wirbeltiere infiziert und beim Menschen Erkältungskrankheiten auslöst“, verbunden mit der Empfehlung zum Gebrauch des Neutrums. Umgangssprachlich und unter Berücksichtigung regionaler Gewohnheiten sei aber auch die maskuline Form erlaubt, was von den Computerspezialisten umgehend angenommen worden ist und den Computervirus als eindeutig männlich identifiziert.

Adjektive: Auch sie können ähnlich den Substantiven fast beliebig neu gebildet werden. Die Mitarbeiter der GfdS fanden in der Presse Wortbildungen aus *Corona* und einem Adjektiv, wie *coronatauglich* (*Süddeutsche Zeitung*, 18.04.2020), *coronafrei* (*spiegel.de*, 22.04.2020), *coronageplagt* (*Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung*, 15.03.2020) und *coronabedingt* (*suedkurier.de*, 11.04.2020). Auch *coronar* ist in der *Süddeutschen Zeitung* am 11.04.2020 dokumentiert worden, jedoch nicht zu verwechseln mit dem phonetisch gleichen, allerdings mit dem Anfangsbuchstaben „K“ in der Medizin gebräuchlichen Fachterminus *koronar* „*die Herzkranzgefäße betreffend*“. Die Schreibweise mit „C“ deutet also auf den Zusammenhang mit dem Corona-Virus hin, wie in der Formulierung *coronare Notzeiten*.

Das Adjektiv *kontaktlos* hat durch die Maßnahmen gegen die Covid-19-Pandemie eine Bedeutungserweiterung erfahren. Bisher wurde es vor allem als Hinweis auf eine Zahlungsmöglichkeit, das *kontaktlose* Bezahlen beim Einkauf, genutzt. Durch die empfohlenen Abstandsregeln kommen nun weitere, auf Personen bezogene Bedeutungen hinzu: Pakete werden *kontaktlos* geliefert, die Beratung im Fachhandel erfolgt via Internet *kontaktlos*. Wer in Quarantäne leben muss, ist selbst *kontaktlos*, viele andere sind zumindest *kontaktbeschränkt*, (*Nachrichtensendung heute journal*, 08.04.2020) (GfdS 2020).

Lebenszyklus: Wortneuschöpfungen kommen und gehen. Welches Schicksal ereilt *Corona*? Das Team um Professor Klein verfolgt akribisch, „welche Wörter Eintagsfliegen sind und welche bleiben“. Von *Tonbändern* und *Kassettenrekordern* spricht heute niemand mehr. Sie sind als Gegenstände aus dem Alltag verschwunden. Irgendwann würde dies auch mit *Corona* geschehen (Merkel 2020). Ein Blick in das Corona-Lexikon zeigt jedoch, dass mit dieser Hoffnung ein großer Verlust verbunden wäre. *Corona* hat schließlich mehr zu bieten.

Die *Süddeutsche Zeitung* öffnet am 24. März 2020 unter der Überschrift „Das Wort, das seine Unschuld verlor“ eine wahre Fundgrube. In der Antike war *Corona* etwas

Schönes, Feierliches. Eine Corona krönte die Häupter von Kaisern, Dichtern, Siegern. Neben dem Triumph bekam *Corona* bei den Römern noch eine weitere Bedeutung, nämlich die einer herumstehenden Schar von Zuschauern. Entsprechend fällt die Wortbedeutung im Duden aus: *Korona* bezeichnet eine „Gruppe, Ansammlung von (jüngeren) Menschen, die gemeinsam etwas unternehmen“. Das könnten jene sein, die sich in Corona-Tagen zum Feiern in Parks treffen und als Party-Szene in die Medienberichterstattung, zurzeit wegen Nichteinhaltung der AHA-Regeln, meist negativ, eingehen. Damit träfe auch die zweite Duden-Wortbedeutung, als „Gruppe randalierender Jugendlicher“ zu. So befasst sich ein Kommentar im Zweiten Deutschen Fernsehen, ZDF, am 27. Juli 2020 mit der sommerlichen Vergnügungslust und konstatiert einen Trend zur Eskalation. „Während Corona trifft sich die Partyszene draußen. In Stuttgart, Frankfurt und Berlin eskalierte die Lage. <...> Ein unangemeldeter Rave mit 3000 Menschen ist in Zeiten einer Pandemie schlichtweg eine schlechte Idee — und außerdem verboten“ (Meyer, Ennemoser 2020).

Die Werbebranche fand in Vor-Corona-Zeiten ebenfalls Gefallen am Begriff. Der japanische Autohersteller Toyota war mit seinem *Toyota Corona* am Weltmarkt fast 40 Jahre erfolgreich. Die Zigarren aus Kuba *Small Club Corona* und *Petit Corona* sind es immer noch. In der Medizin gehört Corona zum Diagnosebestandteil verschiedener Haut- und Gefäßerkrankungen (Süddeutsche Zeitung 2020). *Coronafrisuren* und *Coronaspeck* geraten seit der Wiedereröffnung von Friseurläden und Fitnessstudios allmählich in Vergessenheit. „Kandidaten für eine Verankerung im Alltag sind vor allem solche Wörter, die auch eine konkrete Veränderung in der Welt beschreiben“, sagt der wissenschaftliche Direktor des IDS Professor Henning Lobin, und Professor Heidrun Kämper, Leiterin des Arbeitsbereichs „Sprachliche Umbrüche des 20. Jahrhunderts“ am Institut, fügt hinzu: „Wörter, in denen sich das persönliche Erleben ganz elementar verdichtet, die haben sicher eine gute Chance, auch weiter tradiert zu werden und übertragen zu werden auf andere Bereiche“ (IDS 2020).

Könnte also die „Neue Normalität“ als Synonym für die Covid-19-Pandemie ein solcher Kandidat sein, noch vor „Social Distancing“ oder „Homeoffice“? Einzelne Wörter transportierten nach Meinung Professor Henning Lobins eine ganze Menge an Zusatzimage. „Normalität“ sei eine überschaubare, planbare, Situation ohne Überraschungen, verbunden mit Verlässlichkeit und Vertrauen also eine Art Grundzustand. Die Corona-Normalität vergleicht er mit dem Fahren auf Glatteis, und man müsse sich erst darauf einstellen, dass das Risiko viel größer sei. Der Wiener Sprachphilosoph Paul Sailer-Wlasits hält einen weiteren triftigen Grund parat: Griffig sei der Begriff „Neue Normalität“; eine Alliteration, die leicht über die Lippen ginge, ein Euphemismus der die Gefahren und Risiken kaschiere (Smiljanic 2020).

Wahrscheinlich tausende neuer Wörter rund um Corona bereichern zurzeit die deutsche Sprache. Der in den Medien benutzte Wortschatz müsste also angewachsen sein. Doch tatsächlich ist während der Pandemie das Vokabular zumindest in den Onlinemedien geschrumpft. Woran liegt das? Die Antwort ist für Carolin Müller-Spitzer, Professorin für Germanistische Linguistik am Mannheimer Institut, IDS, klar: Man findet sie in Redundanz und Verdrängung. Mithilfe verschiedener Messverfahren konnte ihr Team feststellen, dass Mitte März 2020 der Höhepunkt der Monothematik zu verzeichnen war. *Corona* war das beherrschende Thema. Es wurde kaum noch über andere Themen, wie Kultur, Sport, Reisen oder Mode berichtet, das entsprechende Vokabular verstummte (Smiljanic 2020).

Die weltweit ausgerufene Pandemie rief ebenso Fragen auf dem Gebiet des Dolmetschens und Übersetzens hervor. Ein einheitliches Verstehen und Handeln über Ländergrenzen hinweg gilt als Erfordernis der Zeit. Maßnahmen, Einschränkungen und Vorschriften und damit die Bezeichnungen für diese weichen jedoch oft voneinander ab, in Deutschland, den Staaten der Europäischen Union und weltweit (GfdS 2020). Für eine Harmonisierung muss ein noch nicht etablierter Wortschatz nun aus einer Ausgangs- in eine Zielsprache übertragen werden. Die im Deutschen so hilfreichen Komposita sind in anderen Sprachen nicht immer möglich. So werden Sachverhalte mit einer Wortgruppe, z.B. *коронавирусная инфекция*, für *corona-virale Infektion*, also *Corona-Virus-Infektion*, oder in ganzen Sätzen wiedergegeben, wie im Beispiel *Hamsterkäufe* - im Litauischen: „*Dabar žmonės viską kaupia (perka) kaip žiurkėnai.*“ in der Übersetzung: „*Jetzt sammeln die Leute alles wie die Hamster.*“ Außerdem müssen für eine korrekte Übersetzung die semantischen Beziehungen klar zu entschlüsseln sein. Wie sieht es bei *Corona-Party* aus? Handelt es sich um eine Party für, gegen, mit, trotz oder in Zeiten von Corona?

Auf die Übersetzung international üblicher, oft englischer Begriffe und ihre Bedeutung im Deutschen wurde bereits eingegangen. Erinnerung sei an *social distance*. Ist eine *soziale Distanz* tatsächlich die richtige Übersetzung? *Homeoffice* ist bereits ins Deutsche übernommen worden. Aus Sicht des Dolmetschens und Übersetzens war *Hausbüro* nicht zutreffend und die Wortgruppe *Büro zu Hause* einfach zu lang. In der Zusammenarbeit zwischen den Zweigstellen der GfdS weltweit entsteht eine tabellarische Corona-Sammlung mit einer Auswahl an Übersetzungsvorschlägen (GfdS 2020).

Beispiel „Ausgangssperre“:

Englisch: curfew, curfew hours, travel curfew;

Französisch: confinement;

Italienisch: divieto di spostamenti (Reiseverbot);

Russisch: комендантский час, запрет выходить на улицу.

3. Ergebnisse

Als Fazit ist zum gegenwärtigen Zeitpunkt zu konstatieren, dass zahlreiche Wortneuschöpfungen, Anglizismen, Redewendungen und Fachbegriffe einen zeitbezogenen Coronawortschatz prägen. Vieles ist erklärungsbedürftig, auch im Sinne einer sachgerechten Übertragung in eine andere Sprache. Hilfe bieten neue Wörterbücher, Glossare und Podcasts. Die meisten erscheinen online, um schneller auf die aktuelle Sprachentwicklung reagieren zu können. Eine Bereicherung des Wortschatzes, auch zeitlich begrenzt, ist nicht zwangsläufig festzustellen. Welche Neologismen, Eingang in den Hauptwortschatz der Nationalsprache finden und damit den Wortschatz bereichern, wird von den Charakteristika der „neuen Normalität“ abhängen und bleibt abzuwarten.

4. Zusammenfassung

Es wurde deutlich, dass tiefgreifende gesellschaftliche Ereignisse unmittelbar in den Sprachwortschatz und Sprachgebrauch Einzug halten und damit einen natürlichen Anpassungsprozess widerspiegeln. Dieser wird wissenschaftlich-praktisch und fachübergreifend begleitet.

Список литературы / References

- Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise (2020, May 12). *IDS*. Retrieved from: <https://www1.ids-mannheim.de/sprache-in-der-coronakrise/> (In German).
- Bold, Michaela. (2020) Corona-Lexikon. Sprichst du coronisch? *BR*. Retrieved from: <https://www.br.de/kinder/corona-lexikon-sprichst-du-coronisch-100.html> (In German).
- Corona in der Welt (2020, August 12). *GfdS*. Retrieved from: <https://gfds.de/corona-in-der-welt/#> (In German).
- Coronafrei, vulnerabel und kontaktbeschränkt*: die aktuellen Covid-19-Adjektive (2020, August 12). *GfdS*. Retrieved from: <https://gfds.de/coronafrei-vulnerabel-und-kontaktbeschaenkt-die-aktuellen-covid-19-adjektive/#> (In German).
- Das Wort, das seine Unschuld verlor (2020, July 20). *Süddeutsche Zeitung*. Retrieved from: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/corona-andere-bedeutung-1.4853423> (In German).
- DWDS-Themenglossar zur COVID-19-Pandemie (2020, May 15). *DWDS*. Retrieved from: <https://www.dwds.de/themenglossar/Corona> (In German).
- Homeoffice und mobiles Arbeiten – ein Überblick (2020, August 09). *Statista*. Retrieved from: <https://de.statista.com/themen/6093/homeoffice/> (In German).
- Kratzenberg, Susanne. (2020) Wie Corona unsere Sprache infiziert. *New Communication*. Retrieved from: <https://www.new-communication.de/neues/detail/wie-corona-unsere-sprache-infiziert/> (In German).
- Kunkel-Razum, Kathrin. (2020) Wie hat die Coronakrise unseren Wortschatz verändert? *SRF*. Retrieved from: <https://www.srf.ch/news/panorama/sprachlicher-umgang-mit-corona-wie-hat-die-coronakrise-unseren-wortschatz-veraendert> (In German).

- Merkel, Christina. (2020) Fränkische Forscher: So verändert Corona unsere Sprache. *Nord-Bayern*. Retrieved from: <https://www.nordbayern.de/politik/frankische-forscher-so-verändert-corona-unsere-sprache-1.10196508> (In German).
- Meyer, Katharina Von, Ennemoser, Christina. (2020) Trend zu Eskalationen? — Party in Corona-Zeiten: Ein Blick ins Land. *ZDFheute*. Retrieved from: <https://www.zdf.de/nachrichten/panorama/coronavirus-party-polizei-berlin-stuttgart-opernplatz-hasenheide-100.html> (In German).
- Physische Distanz: Ja! ‚Soziale Distanz‘? Bitte nicht! (2020, May 12). *PEN-Zentrum*. Retrieved from: <https://www.pen-deutschland.de/de/2020/05/14/physische-distanz-ja-soziale-distanz-bitte-nicht/> (In German).
- Rötzer, Florian. (2020) Schutzmasken im Kultur- und Wissenschaftskampf. *Heise*. Retrieved from: <https://www.heise.de/tp/features/Schutzmasken-im-Kultur-und-Wissenschaftskampf-4876900.html> (In German).
- Schramm, Stefanie, Wüstenhagen, Claudia. (2014) *Das Alphabet des Denkens: Wie Sprache unsere Gedanken und Gefühle prägt*. Rowohlt Buchverlag. (In German).
- Smiljanic, Mirko Von. (2020) Wie Corona die deutsche Sprache beeinflusst. *Deutschlandfunk*. Retrieved from: https://www.deutschlandfunk.de/folgen-der-pandemie-wie-corona-die-deutsche-sprache.1148.de.html?dram:article_id=481524 (In German).
- Wiegel, Michaela Von. (2020) Macron und der sechsfache Krieg. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Retrieved from: <https://www.faz.net/aktuell/politik/corona-krise-in-frankreich-macron-erklart-virus-den-krieg-16682743.html> (In German).

УДК 81'25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-si-18-31

КУЛЬТУРНЫЙ КОД В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. В. Барышев¹, В. В. Сдобников²

¹Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия

²Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье культурный код рассматривается как компонент профессиональной переводческой компетенции, раскрывается зависимость успешности переводческой деятельности от степени владения культурным кодом, представленным в виде знания цитат, персоналий, дат. В качестве метода исследования с целью определения степени владения будущими переводчиками культурным кодом страны было проведено анкетирование студентов одного из университетов России. Результаты анкетирования студентов свидетельствуют о низком уровне владения ими культурным кодом и их недостаточной подготовленности к осуществлению переводческой деятельности. Делается вывод о том, что размывание культурного кода создает угрозу национальной безопасности и приводит к разрушению геополитического кода нации. Теоретическая значимость исследования заключается в определении современного состояния исторической памяти и культурного кода российского народа, репрезентированного в знаниях представителей молодого поколения, и в установлении зависимости национальной безопасности страны от степени владения ее культурным кодом и степени национальной идентичности ее граждан. Практическая значимость исследования заключается в возможности определения новых, дополнительных задач в процессе подготовки будущих переводчиков и в соответствующей перестройке обучения студентов переводу в связи с очевидной нехваткой у студентов знаний отечественной культуры.

Ключевые слова: культурный код; переводческая деятельность; культура; историческая память; национальная идентичность; геополитический код.

The Cultural Code in Terms of Translation Activity

Nikolay V. Baryshev¹, Vadim V. Sdobnikov²

¹Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia

²N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article discusses the cultural code as a component of the general professional competence of translators and interpreters, postulating that the success of any given translation activity depends on the degree to which the translator knows the cultural code, viewed here as knowledge of key quotations, personalities, and dates. It also argues that a country's national security depends upon the degree to which the population has mastered the country's cultural

code. The authors have conducted a survey among students of a Russian university to determine the degree to which they possess the Russian cultural code. The results of the survey reveal that the respondents' mastery of the cultural code is weak and inadequate, and thus they are not prepared to perform translation activity with required accuracy. The authors conclude that potential erosion of the cultural code poses a threat to national security and results in the destruction of the nation's geopolitical code. Theoretical relevance of the research lies in the authors' attempt to estimate the present condition of the collective memory and the population's mastery of the Russian cultural code as reflected in the younger generation as well as in determining the dependence of the country's national security, firstly, on the degree to which the population has mastered the cultural code and, secondly, on the population's grasp of its national identity. The practical value of this research project lies in the new additional challenges it sets for those who are involved in training translators and interpreters, calling educators to revise and improve current methods of teaching translation in view of the obvious insufficiency of students' knowledge of their national culture.

Key words: cultural code; translation activity; culture; collective memory; national identity; geopolitical code.

1. Введение

Вполне очевидно, что одно из важных условий успешного перевода — наличие у переводчика культурной компетенции, умения распознавать знаки культуры в переводимом тексте. Особое отношение к культурологическим аспектам перевода определило так называемый «культурный поворот» в переводоведении, означавший учет различий между разными культурами, условий функционирования текстов оригинала и перевода в разных культурах, результатов использования исходного и переводного текстов представителями разных культур (McLaren 1998; Gentzler 2001; Munday 2001; Snell-Hornby 2006; Nord 2007; Chen Yan, Jingjing Huang 2014; Прунч 2015). В настоящее время важность фактора культуры, на наш взгляд, даже несколько преувеличивается, что весьма заметно в работах исследователей, рассматривающих некоторые виды перевода (или того, что мы считаем собственно переводом) в качестве так называемой «транскреации» и, более того, указывающие на признаки появления «транскреационного поворота» в переводоведении (Katan 2016; Malenova 2017). В данном случае мы оставим без комментариев эти утверждения, поскольку это является темой отдельного разговора. Отметим лишь очевидную важность фактора культуры в переводческой деятельности.

Умение переводчика распознавать в тексте знаки культуры предполагает владение культурным кодом. В отечественной культурологии понятие «культурный код» оказалось в центре внимания исследователей после опубликования статьи В. В. Путина «Россия: национальный вопрос» («Новая газета», 23.01.2012). С тех пор в литературе появились разные определения культурного кода, предложенные с разных позиций и вскрывающие разные аспекты этого по сути многогранного явления. Так, В. В. Красных

считает, что код культуры (а именно это терминосочетание она использует в своей работе) есть сетка, которую «культура набрасывает на окружающий мир, членит его, категоризует, структурирует и оценивает его» (цит. по [Дормидонтова 2009: 202]). Н. В. Букина, рассматривая разные подходы к определению культурного кода, указывает, что в соответствии с гносеологическим подходом культурный код определяется «через призму познания окружающей действительности и получения информации» (Букина 2010: 236). С точки зрения теории коммуникации и переводческой деятельности значительный интерес представляет определение кода культуры, предложенное Н. А. Симбирцевой: «кодом культуры мы называем совокупность знаков и их комбинаций внутри историко-культурного периода, получившую вербальное и (или) невербальное выражение в текстах культуры, обладающую интерпретативной устойчивостью в пространственно-временном континууме и сохраняющую коммуникативный потенциал на уровне личностного восприятия и социально-культурных практик» (Симбирцева 2016: 161). В этом определении особое внимание привлекает указание на такую особенность культурного кода, как способность сохранять коммуникативный потенциал на уровне личностного восприятия и социально-культурных практик. По сути, речь идет о такой функции культурного кода, как обеспечение коммуникации между субъектами как в определенном пространственно-временном континууме, то есть на определенном историческом этапе, так и между представителями разных поколений. Именно эта мысль озвучивается автором предельно отчетливо: «Функция памяти, которую выполняют язык культуры и “культурный код”, обеспечивает передачу информации от одного поколения другому в пределах всей человеческой истории» (Симбирцева 2016: 162).

Очевидна связь культуры, культурного кода с языком, который С. Г. Тер-Минасова рассматривает, в частности, как кладовую культуры, «т. к. именно язык является хранителем культурных ценностей, что закреплено в лексике, грамматике, фразеологии, художественной и научной литературе» (Тер-Минасова 2000: 14). Именно поэтому нас интересует прежде всего вербальная информация, посредством которой в текстах означает (то есть представляется в виде знаков) культурная и историческая память народа.

В наших рассуждениях имплицитно предполагается наличие субъекта или субъектов, то есть носителей культуры, тех, кто владеет культурным кодом и пользуется языком в интересах коммуникации. О. В. Петрова пишет, что «<...> на каждом данном этапе существования культуры ее смысловой потенциал, ее дальнейшее развитие как раз и определяются активным сознанием погруженного в нее субъекта» (Петрова 2018: 206). К числу таких

субъектов относятся, несомненно, и переводчики. С точки зрения переводческой деятельности важным представляется умение переводчика узнавать, распознавать единицы, репрезентирующие элементы данной культуры, соотносить означающее с означаемым, извлекая общий смысл из высказывания, содержащего элемент культурного кода. Для этого необходимо обладание культурной памятью как одним из элементов переводческой компетенции. Культурная память предполагает знание культурных реалий разных исторических периодов, персоналий, умение соотносить даты с конкретными событиями, знание фразеологизмов, устойчивых выражений (то есть понимание их значения и смысла) и крылатых слов и их источников, то есть знание элементов культуры и способов их репрезентации в языке и речи. Культурная компетенция переводчика особенно важна на этапе восприятия / интерпретации текста оригинала. При этом мы исходим из гипотезы, что недостаточная культурная компетенция, то есть недостаточное владение культурными кодами может стать причиной значительных затруднений в процессе восприятия и понимания оригинала, даже если оригинал написан или озвучен на родном для переводчика языке, создан в рамках родной для него культуры.

Для этих подозрений есть определенные основания. Собственно, подозрение как таковое возникло при прочтении статьи в журнале «Мосты. Журнал переводчиков», адресованном как специалистам-переводчикам, так и переводчикам начинающим, то есть студентам. В тексте есть такое высказывание: «Наверное, у многих из нас есть скелет в шкафу. Но даже это не повод этот скелет повторно выпускать в мир» (Попова, Орел 2019: 64). Мелькнула мысль: а поймут ли студенты значение выражения «скелет в шкафу»? А понимают ли они содержащиеся в текстах на русском языке аллюзии, фразеологизмы, знакомы ли они с персоналиями, упоминание которых создает в тексте дополнительные оттенки смысла? Другими словами, достаточно ли их владение культурным кодом, что, собственно, и должно обеспечивать успешность осуществления переводческой деятельности, а в более широком смысле — их полную национальную идентичность?

2. Характеристика материала и методов исследования

Чтобы проверить, насколько обоснованы наши подозрения, было проведено анкетирование студентов на предмет знания ими русских крылатых выражений, терминов прошлых эпох, персоналий, знаменательных дат и устойчивых выражений, трансформированных в определенных текстах. Поскольку целью исследования было установить, в какой степени

студенты владеют кодом русской культуры, весь предложенный материал был русским.

В анкетировании приняли участие 35 студентов II–V курсов факультета гуманитарно-социальных наук и права (специальность 45.05.01 Перевод и переводоведение) и 15 студентов II курса факультета автоматизации и информатики Липецкого государственного технического университета (всего 50 человек).

Возраст участников опроса — от 17 до 22 лет.

Для всех участников опроса русский язык является родным, они заканчивали школы в России (подавляющее большинство — в г. Липецк и Липецкой области).

3. Результаты исследования и их обсуждение

Всем участникам была предложена анкета из 100 позиций, сгруппированных в 5 разделов, содержание которых отражено в приводимых ниже таблицах (в таблице указано сначала количество правильно ответивших на данный вопрос и — через дефис — количество давших неправильный ответ).

Отвечая на вопросы первого раздела анкеты, нужно было написать напротив каждой цитаты, кто автор этой цитаты и / или из какого произведения / работы / фильма / выступления она взята.

Таблица 1. Знание известных крылатых фраз

№ п/п	Цитата	Источник
1	А вас я попрошу остаться!	28-3
2	А вдоль дороги — мертвые с косами стоять. И тишина...	3-2
3	А я сошла с ума... Эх, какая досада.	28-4
4	Ба! знакомые всё лица.	5-1
5	Ваня, я ваша навеки!	12-4
6	Всерьез и надолго.	-1
7	Главное, чтобы костюмчик сидел!	9-3
8	Господин назначил меня любимой женой!	5-1
9	Дай папиросочку, у тебя брюки в полосочку!	2
10	Девочка, чего ты хочешь — чтобы тебе оторвали голову или поехать на дачу?	6
11	Дело помощи утопающим — дело рук самих утопающих.	9-2
12	Жить стало лучше, жить стало веселей.	2-1
13	Заметьте, не я это предложил!	4-4
14	Какая гадость эта ваша заливная рыба!	35

15	Кто возьмет билетов пачку, тот получит водокачку!	1-1
16	Кто ж его посадит? Он же памятник!	6
17	Лед тронулся, господа присяжные заседатели!	7-2
18	Муля, не нервируй меня!	5-2
19	Мы строили, строили и, наконец, построили!	18-2
20	На деревню дедушке.	2
21	Наши люди в булочную на такси не ездят!	10-2
22	Ну и рожа у тебя, Шарапов!	9-1
23	Ну, граждане алкоголики, хулиганы, тунеядцы, кто хочет сегодня поработать?	26-2
24	Поздравляю тебя, Шарик, ты балбес!	29-2
25	Поскользнулся, упал, закрытый перелом, потерял сознание, очнулся — гипс!	36-1
26	Пусть сильнее грянет буря!	1
27	Ребята, давайте жить дружно!	44-1
28	Рожденный ползать летать не может.	5-1
29	Смотри в корень!	
30	Сова! Открывай! Медведь пришёл!	36
31	Спасибо, я пешком постою.	
32	Тебя посадят, а ты не воруй.	1-4
33	Ури, Ури! Где у него кнопка?	1-2
34	Утром деньги — вечером стулья. А можно наоборот? Можно, но деньги вперед!	23
35	Учиться, учиться и учиться.	12-2
36	Человек — это звучит гордо.	2-1
37	Что день грядущий мне готовит?	3
38	Что такое хорошо и что такое плохо.	9-1
39	Я мзду не беру, мне за державу обидно!	1
40	Я не жадный, я домовитый!	12
41	Я тебе один умный вещь скажу, только ты не обижайся	6
42	Я тебя поцелую, потом, если захочешь.	2
43	Я требую продолжения банкета!	12-2

Ожидалось, что студенты проявят бóльшую вариативность в задании на знание цитат. Анализ же ответов показал, что студентам хорошо известен персонаж мультфильмов кот Леопольд с его знаменитой фразой «Ребята, давайте жить дружно!», мультфильмы про Винни-Пуха, Карлсона и троих друзей из Простоквашина, комедии «Бриллиантовая рука», «Ирония судьбы, или С легким паром», «Операция «Ы», или Новые приключения Шурика», сериал «Семнадцать мгновений весны» (см. Табл. 1). Это те произведения кино- и мультискусства, которые принято называть культо-

выми, которые никогда не сходят с телеэкранов, особенно в праздничные и выходные дни.

Еще около 40 % студентов знают мультфильмы про Чебурашку и знакомы с произведением Ильфа и Петрова.

Количество правильных ответов на остальные вопросы составило от 20 % до 0 %. Так, студенты практически не знают знаменитых произведений М. Горького, А. П. Чехова, А. С. Грибоедова, П. И. Чайковского, высказываний В. И. Ленина, не говоря уже о некоторых популярных во второй половине XX века советских фильмах.

В следующую группу попали цитаты из знаменитых произведений начала XX века, а также реалии общественно-политической жизни СССР. Анкетирваемым предлагалось объяснить, кто эти герои из исторического прошлого страны (см. Табл. 2).

Таблица 2. Знание терминов прошлых эпох

1	Великий комбинатор	6-2
2	Доктор Айболит	36-6
3	Молодогвардейцы	5-3
4	Октябрята	10-14
5	Панфиловцы	9-11
6	Прозаседавшиеся	2-1
7	Сыновья лейтенанта Шмидта	-4
8	Тимуровцы	10-12
9	Ударники	5-6
10	Юные ленинцы	1-2

Можно утверждать, что всё, что связано с жизнью школьников и их родителей в СССР (октябрята, юные ленинцы, тимуровцы, ударники) и с событиями Великой Отечественной войны (панфиловцы, молодогвардейцы), не является составной частью знаний об истории и культуре родной страны выпускника средней школы.

Если сами некоторые слова (октябрята, тимуровцы, панфиловцы) еще знакомы примерно половине опрошенных, то их смысловое наполнение представляет серьезную проблему для студентов и приводит в большинстве случаев к подмене понятий. Так, тимуровцы часто понимаются как образцовые пионеры, октябрята — как пионерская дружина, школьники-пионеры, члены партии (до 10 лет). Панфиловцы, по мнению половины ответивших, это или военнослужащие, или герои ВОВ, или танкисты-участники ВОВ, или защитники Москвы, или связаны со Второй мировой войной.

Отметим, что это варианты тех студентов, которые вообще дали ответ, большинство же предпочло оставить эти вопросы без комментариев.

Один из самых оригинальных ответов: сыновья лейтенанта Шмидта — это герои романа Жюль Верна «Дети капитана Шмидта».

Персонаж К. И. Чуковского доктор Айболит знаком большинству опрошенных, причем как при посредстве книги, так и снятого по ней мультфильма.

Далее студенам был предложен список известных соотечественников, где требовалось написать 1–2 предложения, чем знамениты эти люди.

Таблица 3. Знание персоналий

1	Андрей Туполев	5
2	Антон Макаренко	5-3
3	Аркадий Гайдар	29-9
4	Валентина Терешкова	30-14
5	Василий Чапаев	9-6
6	Виктор Васнецов	30-3
7	Владимир Ленин	28-19
8	Дмитрий Лихачев	5-7
9	Иван Кулибин	5-1
10	Иван Мичурин	6-4
11	Иван Папанин	1-2
12	Игорь Курчатов	1-4
13	Илья Репин	34-3
14	Константин Станиславский	8-14
15	Михаил Булгаков	43-1
16	Михаил Шолохов	39-1
17	Никита Хрущев	22-17
18	Семен Буденный	4-5
19	Сергей Королев	13-8
20	Юрий Гагарин	33-13

Как показывают результаты, на слуху у студентов имена космонавтов Валентины Терешковой, Юрия Гагарина, политиков и руководителей В. И. Ленина, Никиты Хрущёва, писателей Михаила Шолохова, Михаила Булгакова, Аркадия Гайдара, художников Ильи Репина и Виктора Васнецова. Их имена назвали подавляющее большинство опрошенных (см. Табл. 3).

Однако «узнаваемость» имени и точные знания о нем зачастую расходятся. Так, одна треть ответивших считают Юрия Гагарина не первым

космонавтом планеты, а одним из космонавтов, некоторые даже считают, что он первым совершил выход в открытый космос. Та же одна треть ответивших называют Валентину Терешкову женщиной-космонавтом, «забывая» уточнить о том, что она ПЕРВАЯ женщина-космонавт.

Практически половина ответивших не смогли точно описать роль В. И. Ленина и Н. С. Хрущева в истории страны. Они назвали В. И. Ленина политиком, вождем, революционером, отцом мирового пролетариата, основателем партии большевиков — но это отдельные характеристики. Полноценного описания его роли в истории, как правило, эти ребята не дали. Так же проблематично оказалось для многих охарактеризовать фигуру Н. С. Хрущева.

Мы посчитали, что художники Илья Репин и Виктор Васнецов в большинстве случаев были названы правильно потому, что были обозначены достаточным в данном случае словом «художник». Вряд ли многие смогли бы назвать их произведения, тем более что несколько человек назвали В. Васнецова автором картины «Утро в сосновом лесу».

Имя Аркадия Гайдара для четверти ответивших ассоциируется не с детской литературой, а с кино; скорее всего, его фамилию путают с фамилией Леонида Гайдая.

Таблица 4. Знание дат

1	ноябрь 1917–1921 гг.	10-11
2	1147 г.	17-4
3	1755 г.	6-2
4	988 г.	45-1
5	8 сентября 1380 г.	19-2
6	27 июня 1709 г.	9
7	26 августа 1812 г.	23-10
8	14 декабря 1825 г.	10-2
9	9 января 1905 г.	15-8
10	25-26 октября 1917 г. (7–8 ноября по новому стилю)	16-3
11	30 декабря 1922 г.	15-2
12	30 ноября 1939 г. – 13 марта 1940 г.	8-2
13	22 июня 1941 г.	34-6
14	19 ноября 1942 г. – 2 февраля 1943 г.	8-4
15	4 октября 1957 г.	13-3
16	12 апреля 1961 г.	30-4
17	26 апреля 1986 г.	17-2

Историческое событие, знание о котором показали подавляющее большинство респондентов, — это Крещение Руси. Две трети опрошенных

уверены в знаниях о дне начала Великой Отечественной войны и о дне первого полета человека в космос, причем 6 человек из 50 назвали 22 июня 1941 года днем начала Второй мировой войны. Половина опрошенных знают и помнят дату Бородинского сражения (см. Табл. 4).

Остальные 13 дат из 17 были названы не всеми студентами (меньше половины опрошенных). Интересен результат вопроса о времени Гражданской войны в России: знают эти даты только 20 % опрошенных, еще столько же соотносят эти годы с революцией, становлением СССР, первой мировой войной, а для 60 % опрошенных эти годы не ассоциируются в истории страны ни с чем.

Ответы студентов, связанные со знанием ими устойчивых выражений, наиболее ярко продемонстрировали степень владения студентами и родным языком (его лексикой и стилистикой), и реалиями современной жизни России, и культурными реалиями мира.

В Таблице 5 представлены результаты ответов на следующее задание: Укажите устойчивые выражения, на основе которых были созданы названия выпусков программ «Специальный репортаж» на телеканале «Звезда» и «Время» на «Первом канале».

Таблица 5. Знание устойчивых выражений

1	«Всплытие покажет» (о подводном флоте России и США)	22-1
2	«Верх вакцинизма» (об отказе западных стран признать российскую вакцину от Covid-19)	8-2
3	«Отравление с одним неизвестным» (о предполагаемом отравлении Алексея Навального)	16-1
4	«Провальный кабинет Белого дома» (о недостатках в деятельности Администрации США)	9-2
5	«Тень независимости» (о поддержке западными странами белорусской оппозиции)	20-1
6	«Социальные сети специального назначения»	5-1
7	«Принуждение к мифу»	11
8	«Углеродная бомба»	7-2
9	«Вирус раздора»	17-2
10	«Ковид на жительство»	22

Так, каждое задание было выполнено меньшей частью опрошенных: только 22 человека из 50 поняли связь с выражениями «вид на жительство» и «вскрытие покажет», 20 — с выражением «день независимости». Только треть опрошенных «узнали» выражения «яблоко раздора» и «уравнение с одним неизвестным». Остальные выражения знакомы только пятой части опрошенных и меньше.

Наиболее неожиданные ответы: «время покажет», «верх патриотизма», «верх неприличия», «дань независимости», «углеводная бомба», «корень раздора», «подвальный кабинет Белого дома».

4. Заключение

Результаты проведенного опроса позволяют сделать два весьма неутешительных вывода.

Во-первых, подтверждается наше предположение о том, что культурная компетенция студентов — будущих переводчиков как компонент переводческой компетенции оказывается недостаточной для понимания ими содержания и смысла текстов, которые могут выступить в качестве объекта перевода. Студенты не владеют культурным кодом в той степени, в которой это необходимо для успешного осуществления переводческой деятельности. Обобщая, можно сказать, что культурным кодом не владеет целое поколение молодых людей. То, что хорошо знакомо старшему поколению, оказывается неизвестным нынешним студентам. Между поколениями образовался разрыв, причем проявляется он не столько в отношении к жизненным ценностям (в этом отношении дети мало отличаются от родителей), сколько в отношении к культуре: представителей старшего поколения с большим основанием можно назвать носителями русской культуры, чем представителей младшего поколения. И становится особенно грустно, если мы говорим о будущих переводчиках.

Конечно, можно надеяться на то, что студент-переводчик, столкнувшись с чем-то непонятным в тексте оригинала, воспользуется поисковыми системами Интернета (хотя бы той же пресловутой Википедией) и таким образом ликвидирует пробел в собственных знаниях. Но суждено ли нашим надеждам сбыться? Ведь понятно, что нынешние молодые люди живут в собственном — особом — мире, а точнее, в узком мирке, в котором им совсем не тесно, а, напротив, вполне комфортно. Ощущение комфорта проходит только тогда, когда им приходится покидать свой мирок, как это бывает на занятиях по переводу. И студенты уже привыкли к тому, что все, что не является принадлежностью их мира, непонятно, неизвестно; и для них это давно стало нормой. А раз это норма, то зачем же прилагать дополнительные усилия к тому, чтобы непонятное сделать понятным? При всей приверженности студентов к Интернету максимум, что они сделают, это найдут, как по-английски (или на другом языке) передать фамилию, например, Хрущева, не вникая в то, какую роль он сыграл в истории нашей страны и почему он упоминается в переводимом тексте, какой дополнительный оттенок смысла автор привносит этим упоминанием. Да и это может произойти не во всех случаях. На отделении английского языка Выс-

шей школы перевода НГЛУ им. Н. А. Добролюбова из года в год студенты переводят текст, в котором упоминается *Joseph Goebbels*, и каждый год находят студенты, которые в переводе называют его «Джозеф Геббельс». Весьма показательный пример, свидетельствующий о том, что незнание персоналии не было превращено в знание. Овладения культурным кодом не случилось.

Во-вторых, наблюдаемая нами оторванность молодежи от русской культуры, столь очевидная, если судить по ответам наших респондентов, создает угрозу не только для лингвистической безопасности, но и для национальной безопасности. Здесь уместно вспомнить, что, по мнению С. Г. Тер-Минасовой, язык есть «орудие культуры, т.е. заложенные в языке менталитет, определенное видение мира, шкала ценностей “навязываются” носителю языка, формируя тем самым личность человека — представителя национальной культуры» (Тер-Минасова 2000: 14). Нельзя не согласиться и с И. И. Халеевой, которая вполне справедливо утверждает, что «культура и язык каждого этноса, каждого народа имеют свое неповторимое, самобытное лицо, выражающее индивидуальное начало каждого социума» (Халеева 2006: 108). Получается, что разрушение культурного кода в сознании молодежи создает препятствия для национально-культурной идентичности личности, приводит к размыванию геополитического кода не только русского этноса, но и российских этносов. В подтверждение этой мысли приведем определение идентичности: «Ментально идентичность личности представлена культурно обусловленной картиной мира со свойственными последней концептуальными системами, особенностями категоризации и концептуализации мира» (Гришаева, Цурикова 2004: 159). Именно эти концептуальные системы в силу их неподкрепленности соответствующим культурным кодом размыты в сознании молодежи, которая оказывается неспособной категоризовать мир так, как это делало и делает старшее поколение. Прервалась связь времен. *The time is out of joint*.

Так и хочется озадачиться извечными русскими вопросами: «Кто виноват?» и «Что делать?». Но это уже темы иных исследований.

Список литературы / References

- Букина Н. В. К вопросу методологии исследования культурных кодов // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 14. С. 232–237 [Bukina, Nina V. (2010) K voprosu metodologii issledovaniya kulturnyh kodov (On the Methodology of Cultural Codes Research). *Vestnik of Buryat State University*, 14, 232–237. (In Russian)].
- Вопросы заказчику. Отвечают И. В. Попова и М. А. Орёл // Мосты. Журнал переводчиков. 2019. № 3 (63) / 2019. С. 61–67. [Voprosy zakazchiku. Otvechayut Irina V.

- Popova i Maksim A. Orel (2019). *Bridges. Journal for Translators and Interpreters*, 3 (63) / 2019, 61–67. (In Russian)].
- Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учебное пособие. 2-е изд., доп. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. [Grishaeva, Liudmila I., Tsurikova, Liubov V. (2004) *Vvedenie v teoriyu mezhkulturnoi kommunikatsii* (Introduction to the Theory of Intercultural Communication). 2nd ed., rev. Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Дормидонтова О. А. Коды культуры и их участие в создании языковой картины мира (на примере гастрономического кода в русской и французской лингвокультурах) // Вестник ТГУ. 2009. Вып. 9 (77). С. 201–205. [Dormidontova, Olga A. (2009) *Kody kultury i ih uchastie v sozdanii yazykovoi kartiny mira (na primere gastronomicheskogo koda v russkoi i frantsuzskoi lingvokulturakh)* (Cultural Codes and Their Participation in Creation of Linguistic Picture of the Word (on the Example of Gastronomical Code in Russian and French Lingual Cultures). *Tomsk State University Journal*, 9 (77), 201–205. (In Russian)].
- Петрова О. В. Язык, культура, когнития, коммуникация // Подготовка переводчиков. Размышления преподавателя перевода. М.: Р.Валент, 2018. С. 206–209 [Petrova, Olga V. (2018) *Yazyk, kultura, kognitsiya, kommunikatsiya* (Language, Culture, Cognition, Communication). *Podgotovka perevodchikov. Razmyshleniya prepodavatelya perevoda* (Translators and Interpreters Training. Thoughts of a Translation Trainer). Moscow: R.Valent, 206–209. (In Russian)].
- Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. М.: Р.Валент, 2015. [Prunc, Erikh. (2015) *Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoi asimmetrii k politicheskoi* (Ways of Development of Western Translation Studies. From Linguistic Asymmetry to Political One). Moscow: R.Valent. (In Russian)].
- Симбирцева Н. А. «Код культуры» как культурологическая категория // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 157–167. [Simbirtseva, Natalya A. (2016) “Kod kultury” kak kulturologicheskaya kategoriya (“Culture Code” as a Category of Culturology). *Znanie. Ponimanie. Umenie* (Knowledge. Understanding. Ability), 1, 157–167. (In Russian)].
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. [Ter-Minasova, Svetlana G. (2000) *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya* (Language and Intercultural Communication). Moscow: Slovo. (In Russian)].
- Халеева И. И. Лингвистическая безопасность России // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76. № 2. С. 104–111. [Khaleeva, Irina I. (2006) *Lingvisticheskaya bezopasnost' Rossii* (Linguistic Security of Russia). *Herald of the Russian Academy of Sciences*, Vol. 76, 2, 104–111. (In Russian)].
- Chen, Yan, Jingjing, Huang. (2014) The Culture Turn in Translation Studies. *Open Journal of Modern Linguistics*, 4, 487–494.
- Gentzler, Edwin. (2001) *Contemporary Translation Theories*. Revised 2nd Edition. Clevedon, Multilingual Matters Ltd.
- Katan, David. (2016) Translation at the Cross-roads: Time for the Transcreational Turn? *Perspectives*, 24:3, 365–381.
- Malenova, Evgeniya. (2017) Subtitling Practice: From Translation to Transcreation. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 4 (10), 526–536.

- McLaren, Margaret. (1998) *Interpreting Cultural Differences. The Challenge of Intercultural Communication*. Norfolk.
- Munday, Jeremy. (2001) *Introducing Translation Studies. Theories and Applications*. London/New York.
- Nord, Christiane. (2007) *Translating as a Purposeful Activity. Functionalist Approaches Explained*. Manchester: St. Jerome Publishing.
- Snell-Hornby, Mary. (2006) *The Turns of Translation Studies. New Paradigms or Shifting Viewpoints?* Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

УДК 81'23

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-si-32-43

ФЕНОМЕН ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ КАК ФАКТОР ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЭВФЕМИИ)

Н. А. Голубева

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Цель настоящей статьи заключается в систематизации и описании эвфемизмов как прецедентных (производных) единиц языка и их роли в обеспечении лингвистической безопасности. Анализ эвфемизмов в немецком языке высвечивает их когнитивные особенности, которые заключаются в изменении исходного значения слова или языковой структуры. Эвфемизмы вербализуют мышление, основанное на имеющемся опыте, — прецедентное мышление, которое является одним из факторов лингвистической безопасности. Лингвистическая безопасность рассматривается в статье как специфический модус реализации мысли. Здесь показывается интерпретирующий потенциал эвфемии как языкового способа реализации лингвистической безопасности. Автор иллюстрирует манипулятивные возможности языка на разных его уровнях. Анализу подлежат лексический и грамматический способы функционирования эвфемии с акцентом на специфические виды дискурса. Здесь выделяются когнитивно-дискурсивные стратегии эвфемии.

В статье рассматриваются некоторые общие и частные, наиболее проблемные вопросы эвфемии, раскрываются смежные лингвистические термины. В ней описывается лексический вид эвфемии, ее функциональный потенциал и семантические сферы ее употребления. При анализе разных видов дискурса акцент делается на специфические виды дискурса. Наиболее полно представлены специфические дискурсивные реализации эвфемизмов — религия, экономика, армия. На материале немецкого языка рассматриваются когнитивные и дискурсивные особенности эвфемии как универсального языкового явления. Автор дает свое определение полидискурсивности как способности языкового феномена к реализации не внутренней, а внешней перспективы дискурса.

Ключевые слова: эвфемия; прецедентная единица; прецедентное мышление; дискурсивная стратегия; лингвистическая безопасность.

The Phenomenon of Precedence as a Factor of Linguistic Security (A Case Study of German Euphemisms)

Nadezhda A. Golubeva

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The aim of this article is to systematize and describe euphemisms as precedent (derived) units of the language and to define their role in ensuring linguistic security. The analysis of euphe-

misms in the German language highlights their cognitive peculiarities which consist in changing the original meaning of the word or its structure. Euphemisms verbalize the thinking process based on available experience, namely precedent thinking which is one of the factors of linguistic security. In this article, linguistic security is viewed as a specific mode of thinking, and the interpreting potential of euphemisms is shown as a way of maintaining linguistic security. The author illustrates manipulative capabilities of language on different levels, analyzing lexical and grammatical functions of euphemisms, with an emphasis on specific types of discourse, and singling out cognitive discourse strategies of using euphemisms. The article examines a number of general and particular problems associated with euphemisms and euphemization, analyzing closely related linguistic terms and describing the lexical aspect of euphemisms, their functional potential, and semantic spheres of their usage, with a special focus on euphemisms as used in religious, economic, and military discourse. Studying euphemisms in the German language, the author extrapolates her conclusions to cognitive and discursive peculiarities of euphemisms as a universal linguistic phenomenon, defining polydiscursiveness as the ability of a linguistic phenomenon to realize not the internal but the external potential of discourse.

Key words: discursive strategy; cognitive space; polydiscursiveness; perspective; euphemia.

1. Введение

Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении эвфемизмов — определенного когнитивно-тематического кластера языковых манипулятивных средств языка, которые активно используются мировым языковым сообществом для достижения коммуникативно-прагматических целей. Главная из этих целей направлена на достижение *лингвистической корректности*, читай, *безопасности*, понимаемой нами в рамках когнитивного подхода как *специфический модус реализации мысли*. В связи с этим существует необходимость более глубокого изучения лингвокультурных универсальных и специфических особенностей эвфемии в контексте реализации определенных коммуникативных стратегий в дискурсе. Кроме того, эвфемизмы мотивируют появление в лексиконе новых слов с изменившимся значением и расширяют альтернативное пространство языка, и стоят, таким образом, на службе его динамического развития. Обозначенные факторы объясняют актуальность исследования проблемы.

Новизна исследования заключается в рассмотрении прецедентного характера эвфемизмов как производных от уже существующих в языке знаков с акцентом на специфические виды дискурса. Традиционно предметом научного обсуждения лингвисты делают лексический способ реализации эвфемии. Автор статьи постулирует наряду с лексическим грамматический способ выражения эвфемии, а также правомерность использования термина «псевдоэвфемизм». Наша задача показать, как эвфемизмы объективируют прецедентное мышление и в лингвофилософском смысле направлены на достижение лингвистической безопасности.

Термин «эвфемизм» восходит к греческому *εὐφημία* / *euphēmía* — «слово с хорошим значением», с его компонентами *εὖ* / *eu* «хорошо» и *φημί* / *phēmí* «я говорю». Эвфемия трактуется, соответственно, как способ представления сущности / явления с целью смягчить, приукрасить, ретушировать истинные свойства, возможно, вызвать у партнера по коммуникации «эффект обмана» (Gemoll 1965: 43; Арапова 1990: 590). Эта прагматическая цель эвфемизма продиктована как разного рода табу, так и морально-этическими установками на аккуратное обращение с языком в чувствительных сферах, таких как медицина, политика, религия и др.

Логическим противочленом термина «эвфемизм» является термин «дисфемизм», или «какофемизм», — слово с огрубляющим, пренебрежительным, уничижительным семантическим эффектом, нередко с отрицательной коннотацией (Арапова 1990; Allen, Burr ridge 1991). В лингвистике оба термина традиционно дискутируются в контексте риторических фигур.

Как показывает научная практика, «благородное» говорение не очерчивается конкретной когнитивно-семантической областью или отдельно взятым языком, оно по своей онтологии универсально и имеет разные языковые способы выражения (Luchtenberg 1985; Schröder 1998; Болдырев 2010; Вильданова 2015; Кабанова 2017).

2. Методология исследования

В статье теоретическому и лингвистическому анализу подлежат эвфемизмы как прецедентные единицы языка, которые функционируют как результат их вторичного осмысления и вторичной категоризации и реализуют прецедентный (трансформированный) смысл. Подобный подход к анализу эмпирической базы предполагает изучение онтологических и гносеологических аспектов эвфемизмов, позволяет выявить их функциональную этимологию, то есть производный знаковый уровень и национально-культурный потенциал.

Основными методологическими установками для решения исследовательских задач в рамках настоящей статьи являются следующие:

- 1) когнитивная природа прецедента заключена в его воспроизводимом смысле, который является основой лексического, грамматического и других значений эвфемизма;
- 2) эвфемизм как прецедентная единица определяется ее многозначностью и синонимией в рамках языкового альтернативного и / или прецедентного пространства немецкого языка;
- 3) манипулятивная функция эвфемизма связана с реализацией лингвистической безопасности.

Эти положения являются методологически значимыми для анализа эвфемизмов как прецедентных единиц — семиотических знаков прецедентного мышления.

Для выявления функциональной эволюции эвфемизма применяются лингвистические методы: трансформационный, сравнительно-исторический, объяснительного описания, методы дефиниционного, контекстуального и дискурсивного анализа.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Прецедентное мышление — онтологический фактор функционирования прецедентных языковых единиц

Термин *прецедент*, соотносимый со словом *цедент* (лат. *cedere* — «уступать, отдавать свое право кому-либо»), известный в ряду однокоренных слов для обыденного знания как *инцидент* («случай, происшествие» (по недоразумению)), в лингвистическом ракурсе в теории референции как *антецедент* / *постцедент* (слева / справа замещаемая величина).

Этот термин пришел в языковую картину мира, как известно, из английского прецедентного права и основывается в юриспруденции на контрасте *было — не было*; в политологии трактуется как «поведение, решение в определённой ситуации, при определенных обстоятельствах, рассматриваемое как образец для действий или решений в аналогичных ситуациях, обстоятельствах» (Политология 1993: 316).

В психолингвистике этот термин сопоставляется с понятием «модель мира», которая отображает всю сумму представлений о мире в определенной традиции. Проекция этой модели нацелена «на мифологический прецедент, когда действительному историческому событию подыскивается прототип из мифологического прошлого» (Цивьян 1990: 19). Таким образом, прецедент понимается как герменевтически постигаемый «образец», динамично меняющийся в зависимости от эмпирической ситуации (Forrester 1996), в котором запускается механизм «проективной идентификации» смысла какой-либо единицы сознания (Руднев 2016). С когнитивной точки зрения прецедент — пресуппозиция существования некоторой сущности, знак наивной концептуализации, служащий *моделью научного знания* (Голубева 2020).

Из вышесказанного вытекает релевантность термина «прецедентная реальность», которая постулируется в (Руднев 2016) как представления о существовании прецедентов, наделенных психикой. Психику прецедентов, очевидно, следует понимать как *идентифицирующую проекцию*, которая отражает очень высокую степень воздействия прецедента, назовем это условно, объекта на нас, когда он (объект) переходит из одной социальной

реальности в другую. В прецедентных языковых единицах реализуются три вида идентифицирующей проекции — лингвистическая, пропозитивная и феноменологическая (Голубева 2020).

Наша реальность является непрерывным процессом поиска смысла как самой важной категории в жизни человека. Сильная воздействующая сила смысла на нашу психику заставляет людей давать себе установку на «проективную идентификацию» — прецеденты, в которых закрепляется и хранится этот смысл. Поэтому любая сущность, которая наполнена смыслом и наделена соответствующей воздействующей силой, является прецедентом, а их единство есть в нашем сознании ничто иное, как «прецедентная реальность», питающая «прецедентное мышление».

Прецедентное мышление, напрямую соотносящееся с одноименными терминами (*прецедент*, *прецедентная реальность* и др.), встраивается в широкую парадигму известных психолингвистике типов мышления. Лингвофилософское осмысление прецедентных языковых фактов (Голубева 2009) интуитивно указывает на то, что они реализуют мышление, фигурально выражаясь, «де жавю» / «всё старо, как мир», которое существует не на имеющих место догмах и общих законах постижения языкового знания, а на прецеденте (Forrester 1996). Прецедентом является все то, что «уже помыслил кто-то до нас, а мы просто движемся по колее, проторенной другими», то есть любая сущность, которая «предположена уже заранее» (Хайдеггер 2006: 35).

Априорность прецедентного мышления находит свое отражение в разных лингвофилософских аспектах, в частности, в тезисе о том, что «каждое осмысление образует отдельный синхронный срез, но хранит при этом память о предшествующих значениях и сознание возможности будущих» (Лотман 1967: 143), в концепции о «скрытом воспоминании», позволяющей интерпретировать прецеденты как спонтанные «всполохи» памяти, как человеческий опыт, каждый раз живущий в новом времени (Юнг 1997).

Мудрость человечества, неоспоримо, определяется жизненным опытом старцев, которые далеки от смелой юности, последняя, как правило, предпочитает системное мышление. Поколение пожилых людей мыслит прецедентно, так как они много раз «учились на своих ошибках». В молодости их системное мышление, которое обычно укладывается в должные схемы и нормы, часто давало сбои. Поэтому старшее поколение ориентируется на приобретенный опыт похожих случаев в жизни — на прецеденты — с их ценностной характеристикой, как положительной, так и отрицательной.

Так как наше сознание в целом настроено на прошлый опыт своего и чужого вербального или невербального поведения в сходных семантических ситуациях, то оно передает известные смыслы при помощи имеющихся языковых и / или феноменологических знаний. То, что «уже познано», передается нашим языковым сознанием в виде *прецедентного высказывания*. В отличие от более узкого понятия «прецедентное высказывание» как объекта в системе прецедентных культурологических феноменов, например, цитаты, «прецедентное высказывание» в данном случае явлено в психолингвистическом смысле как любое высказывание, любой речевой акт, апеллирующий к прецедентному мышлению.

Из сказанного закономерно вытекает необходимость упомянуть о некоторых ведущих методах анализа прецедентного мышления. К ним следует отнести *метод прецедента*, автором которого стал в 70-е годы XX в. преподаватель Гарвардской школы права К. Лангделл (Forrester 1996), и *прецедентный анализ* (Руднев 2016). Прецедентный анализ, следуя приведенному выше толкованию слова «прецедент», — это анализ реальных или воображаемых жизненных ситуаций, когда мы прибегаем к аналогии между актуальной (искомой) ситуацией и имевшей место в прошлом или программируемой в будущем ситуацией. Таким предстает прецедентный анализ в ключе обыденного знания.

С точки зрения языкового знания прецедентный анализ ориентирует на поиск похожего варианта языкового «поведения», выражающегося в употреблении той или иной прецедентной языковой единицы (структуры), то есть на поиск заключенного в них, известного нам — прецедентного смысла.

3.2. Лексический способ выражения эвфемии

Термин «эвфемизм» вписывается в целом в контекст лингвистической корректности, которая, по нашему мнению, предпосылает лингвистическую безопасность. Эвфемизмы используются для замены общеизвестных языковых единиц и форм с непринятым в той или иной языковой среде оценочным компонентом. Замена «нежелательных» слов возникла на ранней стадии развития общества, в котором источником словесного манипулирования стали мифология, суеверие и предрассудки. В цивилизованном обществе этот процесс обусловлен цензурным запретом, общекультурным и профессиональным этикетом, широко понимаемыми как табу.

Так как изначальная мотивация к употреблению эвфемизмов вышла из **религии** и **суеверия** Океании, целесообразно обратиться к лингвистическому анализу религиозного дискурса. Табу в религии основывается, очевидно, на глубокой вере в то, что слово и обозначаемое

есть одно и то же, что можно увидеть в пословице *Wenn man den Teufel nennt, er kommt gerannt* («Если черта позвать, то он прибежит»). Поэтому избегают слова и формулировки, прямо называющие денотат «черт» / «дьявол» *der Teufel / Deibel / Deixel / der Diabolus*. Их замещают другие слова — *der Gottseibeius* (досл. «Будь с нами Бог!») или *der Leibhaftige / der Satan / der Luzifer / der Dämon / der Böse* (нечистый дух / сатана / демон); *verflucht* вместо *verdammt* и крайне нежелательного, экспрессивно окрашенного *gottverflucht*. Сравним в русском языке: *Свят-Свят! Шут с ним!* вместо *Черт с ним!*

Очень аккуратно употребляется и слово *Gott* (Бог), что закрепилось также в русском языке: *He поминай Бога всуе!* Поэтому регулярными эвфемизмами вместо *Gott* выступают *Vater im Himmel* (Отец Небесный), *Herr* (Господь), *Allmächtiger / Allerbarmer / Ewiger* (Всесильный), *Schöpfer* (Создатель), *Jahwe / Jehova* (Бог в Старом завете), а также *Erlöser / Heiland* (Спаситель) вместо *Jesus* (Иисус Христос), *Menschensohn* (Сын Человеческий) вместо *Gottessohn* (Сын Божий).

Вторая религиозно-ритуальная сфера связана с табуизированным словом *Tod* (смерть). Она неизбежно присутствует в ситуациях погребения, эпитафиях, некрологах и других ритуализованных контекстах, например, *verschieden, heimgerufen / heimgegangen* (отошедший к постоянному месту); *Heimgang* (путь домой); *seinen letzten Gang / seine letzte Reise antreten* (отправиться в последний путь); *das Zeitliche segnen / zur ewigen Ruhe / in die Ewigkeit / in den ewigen Frieden eingehen* (уйти в вечность / на вечный покой); *Augen für immer schließen* (навсегда закрыть глаза).

В этой теме ведущей является метафора сна, ср., *eingeschlafen* (усопший), *sanft entschlafen* (заснуть спокойно / сладко / навеки заснуть). Одновременно здесь встречаются и **какофемизмы**, словесные замены для обозначения смерти с пейоративной функцией, например, *um die Ecke gehen / über den Jordan gehen / den Acheron überqueren* (отправиться на тот свет).

В **рекламе и торговом обиходе** эвфемизмы угадываются не сразу, ср., *Transpiration* (испарина) вместо *Schweiß* (пот). От употребления некоторых слов воздерживаются полностью. Эвфемизмы *preisgünstig / preiswert* (выгодно по цене) вместо *billig* (дешево) скрывают возможную неполноценность товара и / или финансовую напряженность покупателя — невозможность купить нечто лучшее, но дороже (Römer 1976).

Во второй половине XX в. эвфемизм *Haarglanzmittel* (блеск для волос) потеснил *Haarfärbemittel* (средство для окрашивания волос), так как на тот момент окрашенные волосы далеко не у всех жителей Германии вызвали положительные эмоции. Аналогично носители языка избегали

употребления слова *Toilettenpapier* (туалетная бумага). Вместо него фигурировало слово *Krepp* (креп) как разновидность ткани, похожей по признаку шершавой поверхности (Euphemismen im Alltagsleben 2010).

Эвфемизмы существуют также в военной тематике. Плодотворной сферой их употребления является **армия** (солдатский) язык. Солдатский язык отличается тем, что он в своем жаргоне обнаруживает богатый реестр на первый взгляд настоящих эвфемизмов, которые ошибочно принимают за эвфемизмы. Мотивацией их употребления солдатами являются угрожающие ситуации, когда на карту часто ставятся ранение или смерть. Поэтому эвфемизмы нередко именуются грубым, циничным или саркастическим образом как психическая компенсация потенциальной опасности. Можно ли в этом случае говорить о благоречивой стратегии эвфемизмов? Это, скорее, **какофемизмы** с маскирующей функцией, но агрессивной коннотацией для вторичного обозначения угрожающих существованию вещей и ситуаций.

Многим номинациям солдатской жизни присущ шутливый характер. Поэтому их логично именовать **псевдоэвфемизмами** (*псевдо*, читай: похожее, но не настоящее). К таковым можно отнести *knitterfreier Zylinder* («немнущийся цилиндр») вместо *Stahlhelm* (стальной шлем), *Heilsarmee* («армия спасения») для *NATO-Truppen* (войска НАТО), *Kanalarbeiterfrachtbrief* («ассенизаторская транспортная накладная») для *Toilettenpapier* (туалетная бумага), *Argumentationsverstärker* («усилитель аргументации») для *Waffe* (оружие), *Kettenfahrzeug* («гусеничная повозка») для слова *Panzer* (танк) (Soldatensprache 2015).

3.3. Грамматический способ выражения эвфемии

Грамматическим специфическим способом реализации эвфемии можно считать мотивированное опущение слов, известное еще в прежние времена и существующее в некоторых контекстах сегодня в письменном и устном дискурсе. К примеру, во времена известного австрийского композитора Ф. Й. Гайдна было принято из вежливости отказываться в своих письмах от слова *ich* «я», так как в почтительном общении это расценивалось как выражение излишней категоричности и эгоцентризма (Haydn 1965).

Это можно проследить в наши дни в текстах со строгой стилистикой, в которых в соответствии с принятыми правилами личное местоимение *ich* заменяется *wir* или безличным *es*:

Es finden sich in Ihrer Arbeit Fehler («В Вашей работе встречаются ошибки») или *Sie haben Fehler gemacht* («Вы допустили ошибки») вместо *Ich habe Fehler gefunden* («Я обнаружил ошибки») (Luchtenberg 1985: 104).

Достаточно известным морфологическим способом выражения вежливости в немецком языке является «этический» / «абсолютный» компаратив (*der Abmilderungskomparativ* / *der ethische Komparativ*) — сравнительная степень прилагательного, которая служит для «смягчения» интенсивности признака. Поэтому *alte Dame* (старая дама), *alter Herr* (старый господин) через сравнительную степень *ältere Dame*, *älterer Herr* получают значение «пожилая дама», «пожилой господин», а *größere Anschaffung* (значительное приобретение) воспринимается слушающим более скромно, чем «крупное приобретение». В этом случае реализуется функция валоризации.

Особое место отведено в ретуширующей функции пассивному залогу, который при необходимости скроет нежелательного деятеля в форме *безличного пассива* (*unpersönliches Passiv*). В пассивной конструкции общеизвестная информация об исполнителе действия становится «файлом по умолчанию»:

1) *Im zweiten Weltkrieg sind* (von den Faschisten) *sechs Millionen Juden vernichtet worden*.

2) *Die Berliner Mauer ist* 1961 (vom sozialistischen Block) *errichtet worden*.

Специфический эвфемистический прием (опущение члена предложения), наблюдаемый в безличном пассиве, имеет место в разных дискурсах, в том числе в сниженном разговорном регистре для облагораживания речи:

3) *Wer hat da einen* (einen Futz / Pforz / Schoas) *fahren lassen?* (Sedlaczek, Winder 2015: 155).

Вместе с тем пассив может выполнять какофемистическую функцию путем изменения семантического признака глагола. Так, нейтральный глагол *überraschen* (удивлять) получает содержательную интерпретацию с преобладанием пейоративного признака, сравни: *Paul wurde von Peter überrascht*. Здесь глагол *überraschen*, как следует из опроса информантов, понимается чаще как *ertappen* (застать кого-либо за чем-либо неприятным). В пассиве глагол *überraschen* предполагает вопрос *wobei* (за каким-то неудобным состоянием или занятием), а в активе *womit* (чем)? Это разделение находит свое подтверждение в английском и скандинавских языках (Kolb 1966).

Нельзя не вспомнить в контексте лингвистической корректности *дипломатический конъюнктив* (*der diplomatische Konjunktiv*), который реализует в предложении «вежливую сдержанность» для выражения:

– просьбы: *Könnten Sie bitte das Salz reichen?* («Подайте, пожалуйста, соль!»);

– констатации фактов: *Das dürfte eben der neue Chef gewesen sein* («Это, пожалуй, был наш новый шеф»);

– пожеланий / советов: *Ich an deiner Stelle würde das nicht tun* («Я бы на твоём месте не стала этого делать»).

В этой связи следует также отметить роль словообразовательной модели акронимов (сокращённых слов) в эвфемистической функции: *LMAA* для *das Götzzeit* (идолопоклонство), *BH* для *der Büstenhalter* (бюстгальтер), *WC* для *das Wasserklosett / die Toilette* (ватерклозет / туалет), *GV* для *der Geschlechtsverkehr* (половой акт) (Sedlaczek, Winder 2015: 155). Эти сокращения смягчают восприятие не совсем удобных для слуха своих полных словных эквивалентов.

4. Выводы и перспективы

Когнитивно-дискурсивный анализ эвфемизмов в немецком языке позволил установить следующее. Каждая эпоха рождает свои эвфемизмы. Высветились их когнитивно-лингвистические особенности, заключающиеся в передаче ими прецедентного мышления и изменённого исходного значения языковой структуры, что относит их к прецедентным единицам языка.

Исследование подтвердило тезис о возможности грамматического способа реализации эвфемизмов, который, как и лексический, нацелен на мотивированное смягчение языковой агрессии или возвышение признаков денотата / референта, когда вещи или сущности именуются так, что истинно мыслимое в значении слова не появляется или по меньшей мере не находится на его переднем плане. Мы увидели, что эвфемизмы ориентированы на выполнение таких когнитивно-дискурсивных стратегий, как валоризация, смягчение, ретуширование, маскировка, сокрытие в специфических видах дискурса, то есть имеют полидискурсивный характер.

Продолжением научной дискуссии могут стать вопросы об идентифицирующих проекциях в когнитивной структуре эвфемизмов, других языковых способах их реализации и их месте в иных дискурсивных практиках.

Список литературы / References

- Арапова Н. С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия. 1990. [Arapova, Natal'ya S. (1990) Evfemizmy (Euphemisms). In Yartseva, Viktoria N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopaedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)].

- Болдырев Н. Н. Когнитивный аспект эвфемизации (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 5–11. [Boldyrev, Nikolay N. (2010) Kognitivnyy aspekt evfemizatsii (na materiale angliyskogo yazyka) (Cognitive Aspect of Euphemization (on the Material of the English Language). *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 5–11. (In Russian)].
- Вильданова Г. А. Эвфемия и принцип вежливости в современном английском языке. М.; Берлин: Директ–Медиа, 2015. [Vil'danova, Guzel' A. (2015) *Evfemiya i printsip vezhlivosti v sovremenном angliyskom yazyke* (Euphemia and the Principle of Politeness in Modern English). Moscow; Berlin: Direkt–Media. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Вербализация прецедентного мышления в ракурсе межкультурной коммуникации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Вып. 3 (51). Н. Новгород: НГЛУ, 2020. С. 26–48. [Golubeva, Nadezhda A. (2020) Verbalizatsiya pretsedentnogo myshleniya v rakurse mezhkul'turnoy kommunikatsii (Verbalization of Case-based Thinking in the Perspective of Cross-cultural Communication). *LUNN Bulletin*, 3 (51), 26–48. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009. [Golubeva, Nadezhda A. (2009) *Slovo. Tekst. Diskurs. Precedentnye edinicy* (Word. Text. Discourse. Case Units). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University. (In Russian)].
- Кабанова И. Н. Динамика развития эвфемистического фонда современного английского языка // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и международная практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ялта, Симферополь, 4–5 мая 2017 г. / Гл. ред. А. Д. Петренко. Симферополь: ИТ «Ариал», 2017. С. 167–172. [Kabanova, Irina N. (2017) Dinamika razvitiya evfemisticheskogo fonda sovremennogo angliyskogo yazyka (Dynamics of the Development of the Euphemistic Fund of the Modern English Language). In Petrenko, Aleksandr D. (ed.) *Aktual'nyye problemy sovremennoy gumanisticheskoy nauki: otechestvennyye traditsii i mezhdunarodnaya praktika: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Yalta, Simferopol', 4–5 maya 2017 g.* (Topical Issues of Modern Humanistic Science: National Traditions and International Practice: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Yalta, Simferopol, 4–5 May 2017). Simferopol': IT «Ariall», 167–172. (In Russian)].
- Лотман Ю. М. Тезисы к проблеме: Искусство в ряду моделирующих систем // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 198. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1967. С. 143–146. [Lotman, Jurij M. (1967) Tezisy k probleme: Iskusstvo v ryadu modeliruyushchikh sistem (Abstracts to the Problem: Art in a Number of Modeling Systems). *Transactions of the Tartu State University*, 198. Tartu: Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta, 143–146. (In Russian)].
- Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост.: Ю. И. Аверьянов. М.: Изд-во коммерческого ун-та, 1993. [Aver'yanov, Yuriy A. (ed.) (1993) *Politologiya: Entsiklopedicheskiy slovar'* (Political Science: An Encyclopedic Dictionary). Moscow: Izd-vo kommercheskogo un-ta. (In Russian)].
- Руднев В. П. Прецедентный анализ // Ичин, Корнелија (отв. ред.) Славистический сборник REVIEW OF SLAVIC STUDIES. 90. 2016. С. 9–49. [Rudnev, Vadim P. (2016)

- Precedentnyj analiz (Case-based Reasoning). In Ichin, Kornelija (ed.) *Slavistic collection REVIEW OF SLAVIC STUDIES*, 90, 9–49. (In Russian)].
- Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. [Hajdegger, Martin (2006) *Chto zovetsya myshleniem?* (What is Called Thinking?). Moscow: Izdatel'skij dom "Territoriya budushchego". (In Russian)].
- Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. [Civ'yan, Tat'yana V. (1990) *Lingvisticheskie osnovy balkanskoj modeli mira* (Linguistic Foundations of the Balkan World Model). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Юнг К. Г. Миф и душа. Шесть архетипов. Киев–Москва: Port-Royal–Совершенство, 1997. [Yung, Karl G. (1997) *Mifi dusha. Shest' arkhetipov* (The Myth and the Soul. Six Archetypes). Kiev–Moscow: Port-Royal–Sovershenstvo. (In Russian)].
- Allen, Keith, Burridge, Kate. (1991) *Euphemism and Dysphemism*. Oxford: Basil Blackwell.
- Euphemismen im Alltagsleben (2010, February 13). In Wikipedia — *Die freie Enzyklopädie*. Retrieved from: [http:// euphemismen.de](http://euphemismen.de) (In German).
- Forrester, John. (1996) Thinking in cases. *History of the human sciences*, 9, 3, 1–25.
- Gemoll, Wilhelm. (1965) *Griechisch-deutsches Schul- und Handwörterbuch*. 9. Aufl., durchges. u. erw. v. K. Vretska. Mit einer Einführung in die Sprachgeschichte v. H. Kronasser. Wien / München: Freytag Verlag / Tempsky. (In German).
- Haydn, Joseph. (1965) *Gesammelte Briefe und Aufzeichnungen*. Dénes Bartha (Hrsg.). Kassel: Bärenreiter. (In German).
- Kolb, Herbert. (1966) Das verkleidete Passiv. Über Passivumschreibungen im modernen Deutsch. *Sprache im technischen Zeitalter*, 19, 173–198. (In German).
- Luchtenberg, Sigrid. (1985) *Euphemismen im heutigen Deutsch. Mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache*. Frankfurt am Main: Peter Lang. (In German).
- Römer, Ruth. (1976) *Die Sprache der Anzeigenwerbung*. 5. Auflage. Düsseldorf: Schwann. (In German).
- Schröder, Hartmut. (1998) *Euphemismen in der politischen Sprache im Rahmen des Hauptseminars Tabudiskurse*. Fakultät für Kulturwissenschaften Europa-Universität Viadrina. Frankfurt / Oder. (In German).
- Sedlaczek, Robert / Winder, Christoph. (2015) Das Unanständige und seine Wörter. Ein kleiner Streifzug durch einen tabuisierten Forschungsbereich der Sprachwissenschaft. *Der Sprachdienst*, 4–5, 59, 150–158. (In German).
- Soldatensprache. (2015, January 19). *Zeit Online*. Retrieved from: <http://zeit.de/1983/43/bruno-kreiskys-letzter-sieg/seite> (In German).

УДК 37.016:811

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-si-44-58

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЭРИТАЖНЫХ ЯЗЫКОВ

И. А. Гусейнова

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

В статье предпринимается попытка провести первичный анализ последствий цифровых трансформаций для эритажных языков (*heritage languages*), входящих в культурно-историческое наследие каждого этносоциума. Подобное исследование в многоязычном социуме требует применения комплексного подхода, предусматривающего учет социолингвистических параметров различных целевых аудиторий, коммуникационных каналов распространения и передачи информации, проведение дискурсивного анализа лингвистических средств, а также учет экстралингвистических факторов, влияющих на развитие различных типов среды. Не менее важным представляется изучение специфики социокультурного взаимодействия коммуникантов в профессиональной сфере, которое свидетельствует, прежде всего, об институциональном статусе участников коммуникации, а также о соблюдении / несоблюдении ими языковых норм. Последнее представляется нам чрезвычайно важным применительно к эритажным языкам и их лингвистическому статусу в институциональном дискурсе. Соблюдение / несоблюдение языковых норм во многом позволяет определить речевой портрет коммуниканта, с одной стороны, и оценить степень сохранности национальной идентичности, с другой. Оба аспекта являются ключевыми в различных видах институционального дискурса, в т. ч. политического, маркетингового, рекламного и других. В статье анализ институциональных аспектов межкультурной и межъязыковой коммуникации осуществляется с применением этиологического подхода, позволяющего определить степень важности социолингвистических параметров для достижения адекватности социокультурного взаимодействия представителей различных лингвокультур, осуществляемого опосредованно с применением различных языковых пар, в условиях эритажного билингвизма, а также в ходе межличностного взаимодействия. В статье также уточняются последствия глобального поворота к цифре касательно гуманитарного знания в целом, межъязыковой и межкультурной коммуникации в частности; рассматриваются области применения ресурсов эритажных языков, в т. ч. в локусном брендинге, в формировании имиджа, в ходе представления достижений науки и техники и т. п. В заключение делается вывод о необходимости сохранения языкового многообразия и его телеологического использования в различных видах институционального дискурса.

Ключевые слова: институциональная коммуникация; эритажные языки; эритажный билингвизм; межкультурная коммуникация; межъязыковая коммуникация; дигитализация.

Digital Transformation and Its Consequences for Heritage Languages

Innara A. Guseynova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

The article attempts to conduct a primary analysis of the consequences of digital transformation for heritage languages which make up the cultural and historical legacy of individual ethnic communities. In a multilingual society, such a study requires an integrated approach, which takes into account the sociolinguistic parameters of various target audiences, communication channels aimed to disseminate and transfer information, discourse analyses of linguistic means, as well as extralinguistic factors impacting the development of different environments. It is equally important to study the specificity of the socio-cultural interaction between communicants in the professional sphere, which primarily indicates the institutional status of participants in communication, as well as their observance / nonobservance of linguistic norms. The latter seems extremely important with regard to heritage languages and their linguistic status in institutional discourse. In many respects, observance / nonobservance of linguistic norms makes it possible, on the one hand, to define the linguistic portrait of the communicant and, on the other hand, to assess the survival of national identity. Both aspects are central across various types of institutional discourse, including political, marketing, advertising discourse etc. The analysis of the institutional aspects of cross-cultural and cross-lingual communication is carried out using an etiological approach that allows to determine the degree of importance of sociolinguistic parameters to achieve adequacy of socio-cultural interaction of representatives of different linguocultures. It is performed indirectly using various language pairs, in the context of heritage bilingualism, as well as interpersonal interaction. The article also expounds consequences of the global turn towards digital transformation affecting the overall knowledge in liberal arts and human sciences in general and cross-lingual and cross-cultural communication in particular. The study discusses areas of application of heritage language resources such as locus branding, image making, reports of scientific and technical achievements, etc. The article concludes by inferring the need to preserve linguistic diversity and its teleological use in various types of institutional discourse.

Key words: institutional communication; heritage languages; heritage bilingualism; cross-cultural communication; cross-lingual communication; digital transformation.

1. Введение

Анализ современной предметно-специальной литературы, в которой описываются последствия дигитализации, свидетельствует о наличии двух ярко выраженных подходов. В одном случае описываются преимущества социо-дигитализации, возможность применения цифровых технологий в утилитарных целях в бытовой сфере, а также их использование для решения научно-технических задач (Амелькин, Иванова 2011; Амелькин, Егорычев 2013, 2014; Горожанов 2015, 2017). В другом случае рассматриваются негативные стороны глобального перехода на цифру, связанные, прежде всего, с возникновением свободного времени у человека и существенного облегчения его труда в его практической деятельности (Крастев 2018; Евсюк 2020). Обобщая негативное влияние цифровых трансформа-

ций на гуманитарное пространство в целом, на наш взгляд, следует обратить научное внимание на изменения в институциональной коммуникации, которые в дальнейшем могут привести к утере навыков межличностного общения, основанного на соблюдении конвенциональных норм и правил всеми участниками социокультурного взаимодействия в профессиональной среде. Использование языка исключительно в утилитарных целях окажет влияние на употребление репертуара языковых средств в институциональном дискурсе и расширенное использование клише, речевых и этикетных формул, сигнализирующих основные фазы коммуникации. Иными словами, знания сложного формата, энциклопедические знания, знания о языке и пользовании языком будут востребованы не в полной мере, что приведет к слабой представленности вербального контента и повлечет за собой усиленное применение изобразительных средств, средств визуализации. Принято считать, что изобразительные средства способствуют формированию образного мышления, но применительно к виртуальному пространству — к формированию клипового мышления у пользователей ресурсов телекоммуникационной сети Интернет. Этот процесс обусловлен тем, что изображение является одним из основных инструментов познания реальной действительности. Многие зарубежные исследователи полагают, что человеческая когниция или интеллект могут быть настроены на выстраивание визуальных образов (Пол 2020). Это обусловлено тем фактом, что интеллект обладает способностью устанавливать корреляции между вербальным и визуальным компонентами, ср.: *Intelligenz hat also mit der Fähigkeit zu tun, visuelle Entsprechungsverhältnisse herzustellen* (Boehm 2007: 100).

Отсутствие мотивации к межличностному общению чревато социальными последствиями — одиночеством, потерей жизненных ориентиров, отсутствием интереса к социальному контакту и т. п., что приведет к возникновению и распространению эсхатологических мотивов — страха перед глобальной роботизацией, призванной заменить человеческий фактор, перед перемещениями в пространственно-временном континууме, перед представителями иных лингвокультур и др. Многие российские исследователи справедливо отмечают, что информационные технологии приносят в жизнь позитивные изменения, но и указывают на такие явления, как «фрагментарное мышление и клиповое сознание, отчуждение от наиболее необходимых данных значительной части общества, манипуляция общественным сознанием с помощью масс-медиа, усиление возможностей организации виртуального насилия, утрата ценностной идентичности» (Евсюк 2020: 187) и т. п. В итоге главными движущими силами эпохи по-

стцифровизации могут стать этнический национализм, религия, резкая смена страны проживания, а также кризис идентичности.

Перечисленные негативные стороны виртуальной реальности во многом препятствуют формированию «ценностных кодов», призванных обеспечить сохранность культурно-исторического наследия, языков и культур.

Цифровизация, как любое комплексное и масштабное явление, носит неоднозначный характер. Если ее преимущества для научно-технической стороны жизни очевидны, то последствия для гуманитарной сферы требуют дальнейших изысканий и поисков сфер ее применения, в которых информационные технологии будут приносить пользу и служить развитию гуманизированных коммуникативно-дискурсивных пространств. По мнению российских ученых, создание искусственного интеллекта на фоне стремительного развития социальных сетей порождает «множественные крупномасштабные социальные и политические эффекты, прогнозирование которых является вызовом для современного научного знания» (Михайленок, Малышева 2020: 85).

Осознавая значимость глобальных цифровых трансформаций, в нашей статье мы ограничимся анализом последствий цифровизации применительно к межкультурной и межъязыковой коммуникации на материале эритажных языков. Наш анализ мы строим с опорой на положение о том, что «язык всегда занимал — и до сих пор занимает — центральное место в осознании своей национальной идентичности, так как является важнейшим элементом коллективного восприятия культуры во многих сообществах» (Келльнер-Хайнкелле, Ландау 2015: 14–15).

2. Понятие эритажных языков и эритажного билингвизма

Проблематикой эритажных языков, как мы установили в ходе нашего анализа публикаций по тематике, занимаются преимущественно зарубежные исследователи и специалисты, которые являются потомками разных волн эмиграции, владеющие наряду с титульным языком нации страны проживания также унаследованным языком (англ. *heritage language*). Наиболее перспективными представляются изыскания, проводимые на материале русского языка и посвященные вопросам усвоения эритажного языка в стране пребывания и жительства (Benmamoun, Montrul, Polinsky 2013; Makarova 2020). Примечательно, что в ходе экспериментальных исследований был доказан более высокий уровень сформированности языковой компетенции у детей дошкольного возраста, находящихся в полиязычном пространстве, чем у детей, в социально-бытовом окружении которых используется только язык титульного народа. Отмечаются

также случаи языковой интерференции и переключения языковых кодов, маркируемое «вкраплениями» в эритажный язык лексики из языка титульного народа или, наоборот, употреблением лексических единиц, преимущественно существительных, из эритажного языка в доминирующий язык (Makarova 2020). «Сдвиг» научного интереса в сторону исследований эритажных языков и эритажного билингвизма наблюдается и в трудах, посвященных разным аспектам прикладной лингвистики (Leeuwen, Moed, Tijssen, Visser, Raan 2001). При этом большинством ученых подчеркивается возможность и необходимость изучения эритажных языков в междисциплинарном русле: *the rich interdisciplinary potential of heritage language studies* (Leeuwen, Moed, Tijssen, Visser, Raan 2001). Отметим также, что проблема эритажных языков является весьма значимой для тех лингвокультур, в которых представлены различные этносоциумы, а также для тех регионов, которые взаимодействуют с миграционными потоками. В свете вышеописанного обоснованными представляются два наблюдения. Первое связано с тем, что если миграционные потоки оказывают влияние на политическую, экономическую, социальную и иные сферы институционального дискурса, то, безусловно, они оказывают существенное влияние и на языковую ситуацию, ср.: *As we all know, the current migration to and inside Europe affects all sorts of politics, it is not surprising that it challenges language policy* (Lönz 2020: 110). Второе наблюдение связано с международными базами данных, в которых отражена международная научная публикационная активность, т. е. затронут институциональный аспект. Статистические данные свидетельствуют о том, что в международных базах научного цитирования доминирующим языком публикации является английский язык, так как 80 % научных работ, посвященных отраслевому знанию, например, медицине, представлены именно на английском языке, в то время как публикации на всех остальных распространенных языках, включая русский, немецкий, испанский и другие, составляют оставшиеся 20 %, ср.: *First, the outcomes are presented of our analysis of the Faculty of Medicine at University of Münster (Germany). Figure 1 shows per year-block the total output of the faculty (including papers in all languages), and the output in English-language journal publications only. The share of the latter is about 80 % of the former, which means that 20 % of the output consists of non-English language journal publications* (Leeuwen, Moed, Tijssen, Visser, Raan 2001: 338).

Рассмотрим ниже содержание понятий эритажного языка и эритажного билингвизма.

В открытых интернет-источниках утверждается, что эритажный язык — это унаследованный или наследуемый язык. Понятие эритажного языка применяется по отношению к языку, используемому в ситуации бы-

тового общения, общения в повседневной коммуникации, а также в кругу семьи, между родственниками и знакомыми, принадлежащими к одному и тому же этносоциуму, проживающими в силу разных обстоятельств за пределами страны происхождения. Эритажный язык используется наряду с доминирующим языком, но имеет ограничения по сферам его функционального употребления. Важно, что понятие эритажного языка применяется по отношению ко второму поколению эмигрантов, ср.: *the term heritage speaker typically refers to second generation immigrants* (Benmamoun, Montrul, Polinsky 2013: 132), т. е. по отношению к тем, кто оказался в инокультурной среде в раннем возрасте либо родился за пределами исторической страны проживания. При этом применительно к эмигрантам первого поколения используется термин *émigré language* (Benmamoun, Montrul, Polinsky 2013: 149).

Эритажные языки нередко упоминаются в контексте билингвизма, по этой причине в лингвистике представлен термин «эритажный билингвизм». Применительно к эритажным языкам билингвизм может быть представлен неравномерно. В одних случаях он присутствует на разных ступенях образования, транслируется в СМИ, осуществляется выпуск газет и журналов, публикуются литературные произведения и т. п. В других случаях эритажные языки ограничены бытовой сферой употребления. Глобализационные процессы, однако, породили тенденцию употребления эритажных языков в институциональной и профессионально ориентированной среде, что наблюдается в языковой ситуации стран франкофонного мира (Солнцев 2015), а также в испаноязычном регионе (Писанова, Альварес Солер 2019). В свете вышесказанного особое значение приобретают вопросы языкового обеспечения. Напомним, что под лингвистическим (языковым) обеспечением понимается «совокупность языковых средств, необходимых для адекватного функционирования языка в определенной сфере социального общения» (Словарь социолингвистических терминов 2006: 269). При этом прежде всего речь идет о развитии терминологических систем, специальных языков, комплексных знаков, а также динамическом развитии стилистических и жанровых систем, призванных поддерживать письменную и устную коммуникацию в различных сферах институционального общения — в институте образования, СМИ, сферах экономики и права и др. Комплексное решение поставленных задач при помощи эритажных языков весьма затруднительно. По этой причине происходит вытеснение эритажных языков из институциональной сферы, что, безусловно, порождает противоположную тенденцию — внедрение эритажных языков в коммуникативно-дискурсивное пространство телекоммуникационной сети Интернет. Следует также отметить и изменение функций литера-

турного языка, который все чаще приобретает институциональный характер — *der literarische Diskurs wurde immer mehr institutionalisiert* (Smyshliaeva 2013: 45), что подводит авторов литературных текстов к необходимости придерживаться не столько жанровых традиций, сколько соответствовать вкусам и предпочтениям читательской аудитории. В результате институционализации литературного дискурса открывается новая перспектива для эритажных языков.

3. Области применения эритажных языков в институциональной сфере

С точки зрения изучения родного и иностранных языков научный интерес представляют механизмы усвоения второго родного языка и одновременно использование этих механизмов при разработке лингводидактических стратегий освоения первого и второго иностранных языков. Некоторые ученые предпринимают попытку найти сходства между эритажным и креольским языками (Polinsky, Kagan 2007). Определенные сходства выражаются, прежде всего, в упрощении системы и структурах языка, ср.: *characteristics observed in the heritage languages* (Benmamoun, Montrul, Polinsky 2013: 169), представленном на всех языковых уровнях — грамматическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом, фонетическом.

Эритажный язык, представленный в ситуациях повседневной коммуникации, отличается жизнестойкостью, которая поддерживается всеми членами этносоциума. Одновременное употребление двух языков — доминирующего в институциональной сфере, или языка титульного народа, и эритажного в бытовом общении обуславливает устойчивость эритажного билингвизма. Безусловно, в коммуникации наблюдается взаимопроникновение языков титульного народа и эритажного, что способствует использованию эритажных языков в институциональной среде для трансляции и объективации национально-культурной, региональной, политической идентичности. Такая этнизация позволяет в условиях глобального поворота к цифре выгодно отличить представителя того или иного этносоциума от титульного народа и разнообразить *lingua franca*. Эритажные языки способствуют консолидации этносоциумов как внутри страны, так и за ее пределами, особенно в случаях географической разрозненности, присущей, например, франкоязычному или испаноязычному регионам.

Таким образом, эритажные языки используются в целях этнизации определенных сообществ и одновременно с целью преодоления попыток превратить язык титульного народа в своего рода *lingua franca*. Сбалансированное использование доминирующего и эритажных языков служит обеспечению лингвистической безопасности лингвокультур. Попытки на-

рушить данное сосуществование языков и культур приводит к эскалации этнических конфликтов, латентно присутствующих в ситуациях межкультурного и межъязыкового взаимодействия. Подчеркнем, что язык титульного народа выступает в качестве культурного интегратора, в то время как эритажные языки формируют основу политики полиязычия и способствуют созданию условий для развития эритажного билингвизма.

Для иллюстрации вышесказанного обратимся к теоретико-практическому изданию «Сказочный мир Евразии» (Wiesner, Tomskaya, Menzel, Guseynova 2020), в котором эритажные языки рассматриваются как культурно-историческое наследие, призванное сохранить богатство малоизвестных языков народов России.

Книга включает сказки народов России, стран Содружества, а также ближнего зарубежья. Как все сказки, они предназначены для детской читательской аудитории. Однако в сказках широко используется, прежде всего, лексика эритажных языков, которая вводится в повествование на фоне русского языка. Безусловно, этнонимы, прецедентные феномены, бытовые реалии, архаичная лексика, ретрокомпонент требуют особого авторского комментария. По этой причине авторский коллектив разработал специализированный глоссарий, в котором приводятся толкования заимствований из эритажных языков. Обратимся к конкретным языковым примерам, опубликованным в глоссарии: «мунгурки — выючные дорожные меховые сумки оленеводов-кочевников» (Wiesner, Tomskaya, Menzel, Guseynova 2020: 106); «Тазша бала — традиционный фольклорный персонаж, остро слов, бедняк, одерживающий верх над своими противниками, как правило, богачами» (Wiesner, Tomskaya, Menzel, Guseynova 2020: 107). Не менее важную роль в эритажных языках имеют имена собственные. В ряде случаев они утратили свое исходное сакральное значение, но для представителей определенного этносоциума они являются знаковыми, несущими в себе дополнительные смыслы: «Чэм-Чэмиликээн — имя характеризует добрую, радушную хозяйку» (Wiesner, Tomskaya, Menzel, Guseynova 2020: 108).

Ряд современных исследователей отмечает расширение присутствия эритажных языков в институциональной среде.

В своей монографии Т. В. Писанова и А. А. Альварес Солер пишут, что языковое разнообразие демонстрирует «динамическое взаимодействие нескольких сторон речевой деятельности: разных аспектов многоязычия, билингвизма и гибридизации языков» (Писанова, Альварес Солер 2019: 6). Указанные явления иллюстрируют пути социальной интеграции Испании и стран Латинской Америки в институциональной среде путем взаимопроникновения различных пространств коммуникации. В результате возника-

ет бинарное построение коммуникации. По мнению исследователей, в испанском языке используются две коммуникативные подсистемы: одна служит «языковому обеспечению повседневного общения (национальные варианты испанского языка и диалекты) и языковое обеспечение высших коммуникативных функций, относящихся к ареалу регулируемого речевого поведения» (Писанова, Альварес Солер 2019: 47). Стремление к преодолению географической разрозненности способствует интенсивному использованию ресурсов языка для распространения классической и тривиальной литературы, предметов быта и национально окрашенного искусства, особенной гастрономии и т. п., т. е. в целях реализации локусного брендинга, что достигается преимущественно путем использования элементов эритажных языков.

Сохранение эритажных языков во многом достигается благодаря их применению в современной аудиовизуальной продукции — в фильмах, комиксах, песнях, карикатурах и т. п. Эритажная лексика применяется при создании речевого портрета главных действующих персонажей, придает музыкальному оформлению этническую самобытность и т. п.

Глобальный поворот к цифре требует пересмотра всех видов человеческой деятельности и поиска вербальных и невербальных средств, способствующих сохранению национально-культурной специфики. По этой причине употребление эритажных языков в различных видах институционального дискурса становится все более интенсивным, поскольку они обеспечивают этнизацию виртуального пространства, конструируемого при помощи *lingua franca* или претендующих на такой лингвистический статус языков. Именно по этой причине билингвизм следует рассматривать в контексте глобальных тенденций (Бондалетов 2019).

Подытоживая вышеописанное, следует отметить, что эритажные языки развиваются под влиянием двух противоположных тенденций — стремления к стандартизации и унификации, обусловленной глобализмом, и стремления к сохранению национально-культурного своеобразия. Смешение элементов эритажных языков с языком титульного народа применяется при установлении контактов со всеми участниками социокультурного взаимодействия, представляющими один этносоциум. Эритажные языки служат объединению представителей одного и того же этносоциума, живущих в географически разрозненных пространствах. Таким образом, эритажные языки формируют общее пространство коммуникации, в котором представители одного и того же этносоциума узнают друг друга.

4. Некоторые особенности применения эритажных языков в институциональной коммуникации

В условиях глобализации информационные технологии дают возможность коммерциализации и монетизации знаний разного формата — *Wissen wird dabei zur Ware* (Forstner 2004: 15).

В ходе институционального общения, реализуемого без использования информационных технологий, языковые пары варьируют в зависимости от социокультурных параметров участников межкультурного и / или межъязыкового взаимодействия. Нами отмечены случаи одновременного использования трех языков (родного языка, первого и второго иностранного языков), а также переключения на четыре языка в ситуациях, когда в институциональной коммуникации принимают участие билингвы, владеющие двумя родными языками и двумя иностранными. В институциональной коммуникации, реализуемой оффлайн, переключение кодов осуществляется без ущерба для коммуникативно-прагматической цели общения, и даже приветствуется, поскольку свидетельствует о высоком статусе участников социокультурного взаимодействия, в то время как в онлайн-коммуникации наблюдается противоположная тенденция, которая выражается в сокращении количества языковых кодов. В этом контексте цифровизация, как основной результат глобализационных процессов, реализует «принцип оптимальности», который диктует перевод множества процессов в виртуальное пространство с целью упорядочивания различных видов человеческой деятельности. В связи с этим возникает вопрос о лингвистической безопасности или, шире, об экологии языков, прежде всего эритажных, нередко являющихся культурно-историческим наследием в регионах, в которых распространены ситуации билингвизма.

Экология языка — целенаправленная языковая политика, ориентированная на преодоление лингвистических последствий глобализационных процессов. Термин «экология языка» применяется преимущественно в метафорическом значении. В современных научных статьях и исследованиях упоминаются такие словосочетания, как «экология разума, экология межличностных отношений, экология общества, экология поведения» (Трошина 2020: 8). Экология языка в понимании отечественных ученых направлена на развитие любого языка, которое способствует его устойчивости в различных сферах его употребления. Применительно к эритажным языкам мы говорим об их использовании в повседневной коммуникации и об элементах их употребления в институциональной среде для достижения, например, стилистического эффекта или для демонстрации принадлежности к определенному этносоциуму. Устойчивое употребление любого языка в ситуациях социокоммуникативного взаимодействия способствует сохра-

нению его жизнеспособности (Карасик 2013), особенно в условиях глобализации и цифровой трансформации. При этом мы полагаем целесообразным обратить особое внимание на социолингвистические параметры, оказывающие существенное влияние на институциональную сферу, в т. ч. институциональную коммуникацию, виды институционального дискурса и жанровые системы, востребованные в институциональной среде и служащие:

- а) популяризации эритажных языков;
- б) сохранению культурно-исторического наследия;
- в) презентации различных достижений этносоциумов в разных типах среды.

Напомним, что институциональная сфера пронизана противоречиями антиномического характера, преодоление которых требует учета национально-культурной специфики, знания реалий, владения навыками ведения опосредованной межкультурной коммуникации. К ключевым конфликтогенным факторам институциональной коммуникации, выявленным в ходе анализа коммуникативных событий, происходящих в различных видах институционального дискурса, следует причислить категорию оценки, гендерный фактор и этнические стереотипы. Отметим, что именно указанные конфликтогенные факторы вербализуются или визуализируются при помощи элементов эритажных языков. Анализ вышеуказанных факторов на материале различных языков свидетельствует о том, что они применяются в институциональном общении между представителями различных лингвокультур либо осознанно, т. е. в качестве стратегии, способствующей развитию социокультурного взаимодействия в профессиональной сфере по двум сценарным планам — конструктивному и деструктивному, либо неосознанно, т. е. в тех случаях, когда участники социокультурного взаимодействия в условиях межкультурной коммуникации не владеют знаниями из области межъязыковой и межкультурной коммуникации и не обладают соответствующим опытом взаимодействия, осуществляемого в институциональном дискурсе при участии представителей различных этносоциумов. В данном случае развитие институциональной коммуникации также происходит в конструктивном или деструктивном ключе. Степень конфликта и социальной напряженности варьируется, что манифестируется при помощи определенного репертуара языковых и неязыковых средств, а также средств визуализации информации. Институциональная коммуникация, осуществляемая в различных типах среды при помощи элементов эритажных языков, учитывает в большей степени социолингвистические параметры целевых аудиторий.

Институциональная коммуникация, реализуемая между представителями различных институтов с элементами эритажных языков, с привлечением различных коммуникационных каналов распространения информации, способствует установлению диалога между представителями различных лингвокультур, осуществлению межкультурного и межъязыкового взаимодействия в различных типах среды, поддерживает «текучесть» среды при помощи определенного репертуара языковых и неязыковых средств, а также средств визуализации, элиминируя тем самым искусственные и естественные барьеры, затрудняющие профессиональное взаимодействие между этносоциумами.

5. Заключение

В результате анализа мы приходим к выводу о том, что *lingua franca* в эпоху глобального поворота к цифре во многом обуславливает разрушение выстроенных человеком культурных, политических, социальных, художественных и иных миров, поддерживает трансляцию апокалиптических мотивов при прогнозировании миров будущего, усиливает постоянно растущее непонимание между поколениями, недопонимание происходящих в окружающем мире процессов, отсутствие критичности по отношению к самому себе, а также неумение строить логические умозаключения и вскрывать взаимосвязи. Однако во избежание приведенных выше негативных последствий необходимо пересмотреть ресурсы эритажных языков, не умаляя интегративной культурной функции доминирующего языка. Безусловно, применение эритажных языков на фоне языка титульного народа или доминирующего языка носит амбивалентный характер, но их использование в конструктивном или деструктивном русле зависит от интенций и намерений участников институциональной коммуникации. Очевидно, что из всех областей социолингвистического прогнозирования (развитие языков в мире, судьба отдельных языков, развитие общественных функций языков, структурное развитие языков, развитие и взаимодействие языков) (Словарь социолингвистических терминов 2006: 271) наибольший научный интерес заслуживают вопросы комплексного взаимодействия эритажных языков с доминирующим языком в институциональной среде.

Список литературы / References

- Амелькин С. А., Егорычев А. А. Влияние оценки качества деятельности образовательного учреждения на учебный процесс // Вестник Ярославского регионального отделения РАЕН. 2014. № 1. Том 8. С. 4–10 [Amelkin, Sergej A., Egorychev, Aleksey A. (2014) Vlijanie ocenki kachestva dejatel'nosti obrazovatel'nogo uchrezhdenija na uchebnyj process (Influence of the Quality Assessment of an Educational Institution on

- the Learning Process). *Vestnik Jaroslavskogo regional'nogo otdelenija RAEN*, 1, vol. 8, 4–10. (In Russian)].
- Амелькин С. А., Егорычев А. А. Математические методы мониторинга качества образования // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2013. Т. 2. № 3 (17). С. 22–25 [Amelkin, Sergej A., Egorychev, Aleksey A. (2013) Matematicheskie metody monitoringa kachestva obrazovaniya (Mathematical Methods of Monitoring the Education Quality). *Izvestiya MGTU MAMI*, vol. 2, 3 (17), 22–25. (In Russian)].
- Амелькин С. А., Иванова О. С. Предельные возможности передачи информации в макросистемах // Моделирование и анализ информационных систем. 2011. Т. 18. № 3. С. 32–38 [Amelkin, Sergej A., Ivanova, Olga S. (2011) Predel'nye vozmozhnosti peredachi informacii v makrosistemah (Limiting Possibilities of Transmission of Information in Microsystems). *Modelirovanie i analiz informacionnyh sistem* (Modeling and Analysis of Information Systems), vol. 18, 3, 32–38. (In Russian)].
- Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика. Москва: Ленанд, 2019. [Bondaletov, Vasilij D. (2019) *Social'naja lingvistika* (Social Linguistics). Moscow: Lenand. (In Russian)].
- Горожанов А. И. Инструменты Web 1.0 и Web 2.0 в преподавании иностранного языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. Вып. 1 (154). С. 130–134 [Gorozhanov, Aleksey I. (2015) Instrumenty Web 1.0 i Web 2.0 v prepodavanii inostrannogo jazyka (Web 1.0 and Web 2.0 Tools in Foreign Language Acquisition Process). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 1 (154), 130–134. (In Russian)].
- Горожанов А. И. Разработка модельных курсов иностранных языков как продуктивный метод развития институциональной обучающей виртуальной среды // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2017. Вып. 6 (785). С. 62–70 [Gorozhanov, Aleksey I. (2017) Razrabotka model'nykh kursov inostrannykh yazykov kak produktivnyy metod razvitiya institutsional'noy obuchayushchey virtual'noy sredy (Designing Foreign Language Model Courses as a Method for Successful Development of the Institutional Virtual Learning Environment). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 6 (785), 62–70. (In Russian)].
- Евсюк А. В. Искусственный интеллект и угрозы информационной безопасности России в современных условиях (гуманитарные аспекты) // Сборник материалов круглого стола «Современный миропорядок и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации». Москва: ВАГШ ВС РФ, 2020. С. 187–201 [Evsjuk, Aleksandr V. (2020) Iskusstvennyj intellekt i ugrozy informatsionnoy bezopasnosti Rossii v sovremennykh usloviyakh (gumanitarnyye aspekty) (Artificial Intelligence and Russia's Cybersecurity Challenges in the Modern Circumstances (Humanities Aspects)). *Sbornik materialov kruglogo stola «Sovremennyy miroporyadok i yego vliyanie na national'nuyu bezopasnost' Rossiyskoy Federatsii»* (Proceedings of the Roundtable “Modern World Order and Its Influence on the National Cybersecurity of the Russian Federation”). Moscow: VAGSh VS RF, 187–201. (In Russian)].
- Карасик В. И. Ценностные параметры лингвоэкологического общения // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Волгоград: Перемена, 2013. С. 191–201 [Karasik, Vladimir I. (2013) Tsennostnyye parametry lingvoekologicheskogo obshcheniya (Value Parameters of Linguoecological Communication). *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve*

- (Emotive Linguoecology in Modern Communicative Space). Volgograd: Peremena, 191–201 (In Russian)].
- Келльнер-Хайнкеле Б., Ландау Я. М. Языковая политика в современной Центральной Азии: национальная и этническая идентичность и советское наследие. Москва: Центр книги Рудомино, 2015. [Kell'ner-Khaynkele, Barbara, Landau, Yakob M. (2015) *Jazykovaya politika v sovremennoj Tsentral'noj Azii: natsional'naya i etnicheskaya identichnost' i sovetskoje nasledije* (Language Policy in Modern Central Asia: National and Ethnic Identity and Soviet Legacy). Moscow: Tsentr knigi Rudomino. (In Russian)].
- Краснев И. После Европы; пер. с англ. А. Никитиной / Под ред. А. Смирнова и Я. Охонько. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. [Krastev, Ivan. (2018) *Posle Evropy* (After Europe). In Smirnova, Artem, Okhon'ko, Yakov. (eds); Nikitina, Anna. (trans.) / Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS. (In Russian)].
- Михайленок О. М., Малышева Г. А. Роботизация социальных сетей и ее политические последствия // Власть. 2020. Том 28. № 1. С. 85–92. [Mikhaylenok, Oleg M., Malysheva, Galina A. (2020) *Robotizatsiya sotsial'nykh setey i yeye politicheskiye posledstviya* (Robotization of Social Media and Its Political Implications). *Vlast'*, vol. 28, 1, 85–92. (In Russian)].
- Писанова Т. В., Альварес Солер А. А. Пространства коммуникации Испании и Латинской Америки: Многоязычие, литература, традиции перевода. Москва: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. [Pisanova, Tatyana V., Al'vares Soler, Anna A. (2019) *Prostranstva kommunikatsii Ispanii i Latinskoj Ameriki: Mnogoyazychie, literatura, traditsii perevoda* (Communication Spaces of Spain and Latin America: Multilingualism, Literature, Translation Traditions). Moscow: FGBOU VO MGLU. (In Russian)].
- Пол К. Цифровое искусство. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2020. [Pol, Kristiana. (2020) *Tsifrovoe iskusstvo* (Digital Art). Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian)].
- Солнцев Е. М. Французский язык в современном мире: Науч.-аналит. обзор // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб. обзоров ИНИОН РАН. Москва: ИНИОН РАН, 2015. С. 136–145. [Solntsev, Evgenij M. (2015) *Frantsuzskij jazyk v sovremennom mire: Nauch.-analit. obzor* (The French Language in Modern World: Scientific and Analytical Review. *Jazykovaya situatsiya v Evrope nachala XXI veka: Sb. obzorov INION RAN* (Linguistic Situation in Europe at the Beginning of XXI Century: Collection of Review Papers of INION RAN). Moscow: INION RAN, 136–145. (In Russian)].
- Трошина Н. Н. Экология языка: аналитический обзор. Москва: ИНИОН РАН, 2020. [Troshina, Natalya N. (2020) *Ekologija jazyka: analiticheskij obzor* (Ecology of a Language: Analytical Review). Moscow: INION RAN. (In Russian)].
- Benmamoun, Elabbas, Montrul, Silvina & Polinsky, Maria. (2013) Heritage Languages and Their Speakers: Opportunities and Challenges for Linguistics. *Theoretical Linguistics*. Mouton: De Greyter, 39 (3–4), 129–181.
- Boehm, Gottfried. (2007) *Wie Bilder Sinn erzeugen. Die Macht des Zeigens*. Berlin: Berlin University Press. (In German).
- Forstner, Martin (2004) Translation als Aufgabe. Zwischen politischer Einflussnahme und wettbewerblicher Marktorientierung — ein chancenloses Denkmodell? *Internationales CIUTI-Forum. Marktorientierte Translationsausbildung*. Bern: Peter Lang, 11–58. (In German).

- Leeuwen van Thed N., Moed, Henk. F., Tijssen, Robert, J. W., Visser, Martjin S., Raan van, Anthony F. J. (2001) Language Biases in the Coverage of the Science Citation Index and Its Consequences of International Comparisons of National Research Performance. *Scientometrics*. Leiden: Leiden University, vol. 51, 1, 335–346.
- Lönz, Michael. (2020) Migration and Linguistic Policy – Some Preliminary Remarks. *Bildung und Europa*. Anmerkungen zur Europaarbeit des Westfälischen Forums für Kultur und Bildung e.V. 1999 –2019. Bd. 13. Bielefeld: Medienverlag, 109–113.
- Makarova, Veronika, Terekhova, Natalia. (2020) Russian-as-a-heritage-language Vocabulary Acquisition by Bi-/multilingual Children in Canada. *Methods of Teaching Russian as a Non-Native and Foreign Language*. Canada: University of Saskatchewan. Vol. 18. № 4, 409–421.
- Wiesner, Hanne, Tomskaya, Maria, Menzel, Birgit & Guseynova, Innara. (Hg.) (2020) *Märchen aus Eurasien*. Ludwigshafen am Rhein: Llux Agentur & Verlag, Ludwigshafen. (In German).
- Polinsky, Maria, Kagan, Olga. (2007) Heritage Languages: In the ‘Wild’ and in the Classroom. *Language and Linguistics Compass*. Oxford: Blackwell Publishing Inc., 1 (5), 368–395.
- Smyshliaeva, Maria. (2013) *Von Čičikov bis Chodorkovskij: Unternehmer im Literatur- und Mediendiskurs Russlands*. Berlin: Frank & Timme: Verlag für wissenschaftliche Literatur. (In German).

Словари / Dictionaries

- Словарь социолингвистических терминов. М.: ИЯ РАН, 2006. [Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov (2006) (Dictionary of Sociolinguistic Terms). Moscow: IYA RAN. (In Russian)].

УДК 37.016:811

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-si-59-72

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ГУМАНИТАРНОМ ВУЗЕ

И. А. Краева

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

В настоящей статье рассматриваются основные теоретико-методологические основы языковой политики гуманитарного вуза, раскрываются меры, направленные на обеспечение лингвистической безопасности языков и культур, систематизируются ключевые направления деятельности российского гуманитарного вуза в условиях цифровых трансформаций, интернационализации науки и образования. Существенную роль в указанных выше процессах играет полифункциональность методики, служащая одновременной реализации комплекса научно-образовательных и воспитательных задач. Полипарадигмальный характер методики дает возможность осуществления междисциплинарных исследований и создания конвергентных образовательных программ, пригодных к использованию в разных типах среды в формате онлайн и офлайн. Основные идеи статьи раскрываются на примере подготовки кадров в области межкультурной и межъязыковой коммуникации с применением дистанционных образовательных технологий. В статье приводится разъяснение ключевых терминов «дистанционные образовательные технологии» и «онлайн-обучение (образование)», на конкретных примерах иллюстрируются их основные отличия, уточняются функциональные сферы их употребления, что является принципиальным для гуманитарного знания в целом и образовательного пространства в частности. В качестве приоритетных задач в области языковой политики гуманитарного вуза рассматриваются меры, направленные на сохранение и продвижение русского языка в качестве языка межнационального и институционального общения; приводятся меры, необходимые для сохранения эритажных языков как неотъемлемой части культурно-исторического наследия; обосновывается необходимость создания безбарьерной коммуникационной среды. В статье подчеркивается необходимость развития сетевого сотрудничества между отечественными и зарубежными профильными вузами, создания междисциплинарных программ, обеспечения условий для реализации включенного обучения на регулярной основе. В заключение делается вывод о разработке концептуальных основ языковой политики гуманитарного вуза, включающей четыре ключевых направления, поддерживающие науку, образование и воспитание в соответствии с концепцией устойчивого развития и обеспечения безопасности языков и культур.

Ключевые слова: языковая политика; лингвистическая безопасность; дистанционные образовательные технологии; информационные технологии; межъязыковая и межкультурная коммуникация; безбарьерная коммуникационная среда.

Language Policy in Humanities Universities

Irina A. Kraeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

The article considers theoretical and methodological foundations of language policies implemented in humanities universities, discusses measures that serve to maintain language and cultural security in different countries, and outlines the key objectives of Russian humanities universities with regard to digital learning and overall internationalization of education and science. Success in reaching these objectives depends on the polyfunctional nature of the proposed methodology since it is aimed at addressing both educational and research-related challenges. The polyparadigmatic character of the methodology lays the basis for further interdisciplinary studies and for initiating convergent educational programs adjustable to online and offline learning. Theoretical assumptions are based on the experience of implementing training programmes in the field of interlinguistic and intercultural communication with support of distance learning technologies. The article clarifies the terms *distance learning technologies* and *online learning*, which apply to the main concepts of the study, provides concrete examples to reveal the differences between these terms and specifies their usage, which is contributing for humanitarian knowledge in general and the learning space in particular. The article considers promotion of Russian as the language of ethnic and institutional interaction to be the main objective of language policies; views heritage languages as an integral part of cultural and historical legacy and discusses measures of their preservation; brings to the fore the importance of creating a barrier-free communicative zone. The article stresses the urgency of developing net cooperation with higher educational institutions both in and outside Russia, the importance of launching interdisciplinary programmes and creating conditions for inclusive education on a regular basis. Finally, it is emphasized that further scientific research in the field of language policy in higher education will contribute to language and cultural security. Language policy in higher education comprises four major directions responsible for science, learning and education in accordance with the concept of sustainable development and security of languages and cultures.

Key words: language policy; language security; distance learning technologies; information technologies; interlanguage and intercultural communication; barrier-free communicative zone.

1. Введение

В настоящей статье мы ставим перед собой цель обратить внимание на основные аспекты преподавания и обучения иностранным языкам и культурам в современном гуманитарном вузе с учетом современных тенденций, пронизывающих образовательное пространство. Следует упомянуть следующие тенденции:

1) цифровые трансформации, которые коренным образом влияют на ценностные системы этносоциумов и содержание ценностных ориентаций, транслируемых в дисциплинах общегуманитарной направленности;

2) заданный вектор на интернационализацию отечественной науки и образования, выражающуюся в стремлении представителей профессио-

нальных сообществ к разработке и созданию универсальных образовательных стандартов и образовательных моделей;

3) учет воспитательного компонента, обеспечивающего преемственность образовательных программ разных поколений и одновременно цементирующего традиции российского гуманитарного образования.

На наш взгляд, приведенные выше тенденции оказывают существенное влияние на педагогическую деятельность преподавателя теории и практики перевода, иностранных языков и культур.

2. Методологические основания языковой политики современного гуманитарного вуза

2.1. Лингвистические меры безопасности языков и культур в условиях дигитализации образовательного пространства

При анализе языковой политики гуманитарного вуза мы придерживаемся методологических оснований, подробно описанных в трудах отечественных исследователей (Гальскова, Василевич, Коряковцева, Акимова 2018). Наиболее существенным для языковой политики вуза представляется, однако, не столько полифункциональность методики как науки, сколько ее функция прогнозирования «будущего методической системы по иностранным языкам, определения горизонтов ее ближайшего и перспективного развития» (Гальскова, Василевич, Коряковцева, Акимова 2018: 32). Важным является замечание о теоретико-прикладном характере методики как науки (Гальскова, Василевич, Коряковцева, Акимова 2018: 34), демонстрирующем необходимость практического применения полученных знаний и их апробацию с последующим внедрением в образовательный процесс. Отметим, что в современных условиях именно цифровые трансформации являются регулирующим механизмом, определяющим научно обоснованную жизнестойкость каждой конкретной образовательной технологии (Амелькин, Егорычев 2013). Цифровая среда обеспечивает «конкурсный отбор» лингводидактических методик, и все попытки «отстоять» традиционные подходы, не отвечающие коммуникационным требованиям, будут интерпретироваться как неудачные технологии, не способные развиваться в дигитализированном пространстве. Сохранить традиционные методы обучения иностранным языкам и культурам будет на начальном этапе весьма сложно, прежде всего, в силу неустойчивости терминологического аппарата, который в настоящий момент не дает полного научного описания различий, объективно существующих между понятиями «онлайн-образование» и «дистанционные образовательные технологии» (далее ДОТ), хотя для специалистов в области межкультурной и межъязыковой коммуникации сфера их применения очевидна. Онлайн-ресурсы исполь-

зуются для заполнения досуговой деятельности, для саморазвития индивида и не требуют последовательного применения на регулярной основе, в то время как ДОТ служат целям профессионального и профессионально ориентированного обучения. По этой причине весомой становится культурно-просветительская деятельность гуманитарного вуза, служащая популяризации инновационного знания с учетом его содержательного контента, отграничивающего бытовую интерпретацию терминов от их научного толкования (Neave 2006).

Не менее значимым понятием для языковой политики гуманитарного вуза является понимание «полипарадигмальности методики» (Гальскова, Василевич, Коряковцева, Акимова 2018: 35). Ее «сквозной» характер позволяет взглянуть на теорию и практику преподавания межкультурной и межъязыковой коммуникации с учетом смены парадигм (Schulz 2007). Несмотря на то что в гуманитарном знании когнитивная парадигма занимает устойчивую позицию и развивается далее (Рахманкулова 2020), о чем свидетельствует возникновение гибридных направлений, таких как когнитивно-прагматическое, когнитивно-дискурсивное, социокогнитивное и др. (Обдалова, Харапудченко 2019), информационные науки перманентно претендуют на предмет и объект когнитивных исследований (Markless 2009). Именно в русле информационных наук стремительно развивается когнитивное моделирование, робототехническое направление, компьютерные технологии, программы памяти и т. п. Данную тенденцию, демонстрирующую «единство и борьбу» лингвистических и информационных наук, наглядно иллюстрирует употребление двух сходных по звучанию терминов — «коммуникативный» и «коммуникационный» — в СМИ и открытых источниках, а также употребление термина «коммуникация» в форме единственного и множественного числа (Dumitriu C., Timofti, Dumitriu G. 2014). В свете вышесказанного нам представляется важным уточнить содержательное наполнение обоих терминов и специфику их употребления в экспертных сообществах.

Так, все словари иностранных слов, изданные в начале XX века по настоящее время, придерживаются одинакового толкования термина «коммуникационный», а именно — относящийся к технике, например, пути водного или сухопутного сообщения, служащие передаче и распространению данных и т. п. (Полный словарь иностранных слов...: 1904). В подтверждение приведем определение из современного электронного издания: «[< лат; см. коммуникация] — относящийся к сообщению, к связи одного места с другим; коммуникационные линии — пути сообщения, связывающие район расположения армии с ее базой и тыловыми районами, в широком смысле — также пути сообщения, связывающие между собой различ-

ные отдаленные части государства» (Большой словарь иностранных слов: 2007). Иными словами, «коммуникация» и производные от этого термина прилагательные имеют два отличных друг от друга содержательных компонента. Первое соотношение «коммуникация / коммуникационный» имеет ярко выраженный технический характер и может употребляться в единственном и множественном числе, в то время как пара «коммуникация / коммуникативный» трактуется как общение и диалог и имеет непосредственное отношение к речевому процессу, коммуникативным ситуациям и социокоммуникативному взаимодействию.

По нашему мнению, для достижения синергетического эффекта гуманитарные науки следует ориентировать на разработку междисциплинарных проектов и создание на их основе образовательных программ конвергентного характера. Так, в исследовании, посвященном вопросам негативного воздействия современных социальных сетей на массового реципиента, авторы справедливо отмечают негативное воздействие «агрессивной среды Интернета в условиях мультимодальной поликодовой коммуникации в социальных сетях на трансформацию психофизиологических и когнитивных характеристик личности пользователей сети Интернет (применительно к молодежному контингенту)» (Потапова, Потапов, Лебедева, Агибалова 2020: 9). По мнению специалистов, только в результате объединения достижений в области медицины, прикладной лингвистики, психологии, языкознания и других наук возможно комплексное решение вопросов профилактики негативных проявлений в различных типах среды, в т. ч. борьбы с «академическим мошенничеством», и шире — «поиску эффективных мер предотвращения нечестных практик» (Дремова, Малошенок, Терентьев 2020: 339).

Подчеркнем, что к основным лингвистическим мерам безопасности применительно к языковой политике гуманитарного вуза следует отнести меры, направленные на популяризацию достижений отечественной науки и образования, культурно-просветительские мероприятия, ориентированные на трансляцию верифицированных знаний в разных типах среды, включая виртуальную, а также на разработку конвергентных образовательных программ, основанных на результатах междисциплинарных исследований (Коряковцева, Гальскова, Гусейнова 2018).

2.2. Лингвистические меры, обеспечивающие интернационализацию отечественной науки и образования

Для реализации стратегии интернационализации необходимо, прежде всего, определить концептуальные основы предлагаемых мер по популяризации российской науки и образования.

Во-первых, требуется уточнить специфику осуществления коммуникации в образовательном пространстве (Дмитриева, Оберемко 2020), а именно: компоненты классической модели коммуникации «автор — текст — реципиент». Современные молодые исследователи отмечают, что в модель дидактического дискурса входят «коммуниканты образовательного процесса и совокупность текстовых жанров, используемых в процессе обучения» (Редькина 2013). Применительно к дигитализированному образовательному пространству (Pettersson 2020) это замечание имеет принципиальное значение, так как требуется понимание того, на каком содержательном материале осуществляется обучение, выстроенное с применением ДОТ, ориентированное на международную целевую аудиторию.

Во-вторых, нужно определить содержание ДОТ применительно к подготовке кадров в области межкультурной и межъязыковой коммуникации. Так, В. И. Солопов под информационными технологиями в переводе понимает «технологии, позволяющие осуществить автоматический поиск лингвистической и экстралингвистической информации в Интернете, управлять электронными ресурсами <...>, подготавливать текст к переводу с помощью соответствующего программного обеспечения, переводить и редактировать переводы с помощью компьютера и Интернета, осуществлять верстку и архивацию страниц перевода, а также общение переводчика с заказчиками и коллегами» (Солопов 2016: 11). Данное содержание, на наш взгляд, отвечает традициям лингвистического образования и содержит конкретный перечень компетенций, которыми должен обладать современный выпускник для реализации своей профессиональной деятельности в условиях межкультурной и межъязыковой коммуникации. При подготовке современных лингвистических кадров существенным является вопрос о сохранении гуманизированных ценностных ориентаций и установок. Этому способствует аксиологический компонент гуманитарной науки в целом. В своем исследовании, отмечая аксиологичность познавательной способности человека, основанной на обладании высоким интеллектом, С. Г. Воркачев уделяет научное внимание этическому аспекту. Ученый пишет, что «познавательная способность в самом общем виде раскрывается как предрасположенность живого существа к успешному пониманию, обучению и решению практических и теоретических задач» (Воркачев 2017: 6). В контексте лингвистического образования в условиях глобальных цифровых трансформаций это предполагает осознанный выбор языка обучения. Известно, что большинство теоретико-практических курсов, ориентированных на международную целевую аудиторию, подготовлено на английском языке (Meneghini, Paker 2007; Vannini, Crosnier 2012). Безусловно, насыщение научно-образовательного пространства информацией

о достижениях российской гуманитарной и технической науки на английском языке способствует формированию позитивного имиджа России, особенно на фоне множества негативных публикаций в зарубежных СМИ. Одновременно, однако, принципиальной становится языковая политика гуманитарного вуза, поскольку любые ограничения в выборе языка обучения порождают социопрагматические последствия. Не случайно в экспертном сообществе остро дискутируется вопрос об эритажных языках и возможностях их использования в институциональной коммуникации, о «малых» языках, распространенных языках и т. п. (Benmamoun, Montrul, Silvina, Polinsky 2013). Неизбежное вытеснение языков из пространства телекоммуникационной сети Интернет приведет к потере статуса не столько языка, сколько престижа страны, ее политического, социально-экономического и культурно-исторического значения. В этом смысле сохранение многообразия языков в качестве языков обучения обеспечивает стабильность гуманитарного пространства и одновременно способствует лингвистической безопасности языков и культур.

В-третьих, потеря лингвистического компонента с точки зрения гуманитарных наук наносит ущерб гуманитарному знанию в целом. Приведем ставший уже классическим пример реформы орфографии, проводимой в разные периоды в разных странах. Так, описывая причины безграмотности (1927 г.), Л. В. Щерба делает акцент на реформе орфографии, повлекшей за собой пересмотр ценностного содержания понятия «ученого человека». По его мнению, «для высших слоев грамотных людей требования орфографии оправдывались наукой, и нарушать эти требования значило разрушать науку, значило разрушать родной язык, отрекаясь от его истории» (Щерба 2016: 149). Применительно к современному состоянию русского языка, используемого в социальных сетях, мы наблюдаем пренебрежительное отношение не только к правилам орфографии и пунктуации, но и небрежность по отношению к литературному языку, к стилю и грамматике (Cingel, Sundar 2012). Многочисленные конкретные примеры, иллюстрирующие вышеизложенное, представлены в диссертационных исследованиях, выполненных молодыми учеными на материале разных жанров и языков.

Учитывая вышеизложенное, мы полагаем целесообразным обратить внимание на ключевые аспекты языковой политики современного гуманитарного вуза:

1. Международное межвузовское сотрудничество требует реализации принципа преемственности при разработке и создании основных (профессиональных) образовательных программ, программ дополнительного образования и программ профессиональной подготовки и переподго-

товки кадров. Это позволит в дальнейшем учитывать потребности региона в современных кадрах и осуществлять на практике непрерывное лингвистическое, шире — гуманитарное, образование.

2. Международное межвузовское сотрудничество предполагает осуществление профессионального взаимодействия в различных типах среды, включая электронную. Этому способствует не только регулярная модернизация информационно-образовательных ресурсов, но и «разумное» применение дистанционных образовательных технологий на фоне стремительно развивающегося онлайн-образования с сохранением очного формата в обучении, например, проведение аудиторных занятий с определенной периодичностью, применение программ включенного обучения (стажировки, летние курсы, семинарские занятия и мастер-классы и др.) в двух режимах — с применением ДОТ и с очным присутствием в стране изучаемого языка в вузе-партнере.

3. Международное межвузовское сотрудничество предполагает сохранение языка обучения в стране пребывания. Применительно к русскому языку это означает его сохранность в качестве языка науки и образования в институциональной среде наряду с другими языками, претендующими на лингвистический статус *lingua franca*.

4. Международное межвузовское сотрудничество реализуется в полной мере с учетом воспитательного компонента, основанного на соблюдении и сохранении системы базовых этических ценностей, разделяемых в различных лингвокультурах, независимо от социолингвистических параметров (Kurth, Guseynova 2020). Воспитательный компонент ориентирует участников образовательных отношений на формирование профессиональных компетенций, на расширение кругозора, на практическое освоение различных видов коммуникативно-дискурсивного пространства, на преодоление социально обусловленных барьеров и т. п.

Таким образом, интернационализация отечественной науки и образования во многом опирается на знание, теоретико-практическое применение и регулярную трансляцию аксиологических мотивов в различных типах среды, а также на научно обоснованную и логически выстроенную систему применения образовательных технологий, учитывающих потребности различных этносоциумов и представителей лингвокультур.

3. Актуальные задачи в области языковой политики гуманитарного вуза (воспитательный компонент)

В условиях менеджмента изменений (англ. *Change Management* [Voet, Vermeeren 2016]) роль и задачи высшего учебного заведения приобретают особую значимость, что обусловлено необходимостью установле-

ния институциональных связей между университетом и, с одной стороны, работодателями, бизнес-структурами, обеспечивающими как финансовую и экономическую устойчивость региона, так и высокую занятость населения, а с другой — органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Безусловно, подобные задачи стоят перед всеми ведущими вузами России, независимо от их статуса — статуса опорного вуза, научно-исследовательского или социально и культурно значимого для региона в целом.

Данные обстоятельства требуют от всех участников образовательных отношений пристального внимания к научным, учебным и социальным аспектам, что приводит к обновлению содержания обучения, изменению тематики научных и исследовательских работ, пересмотру перечня элективных курсов, участию представителей работодателей в государственной итоговой аттестации, учету их мнения при составлении программ дополнительного образования и т. п. Это свидетельствует о необходимости создания партнерских отношений на всех уровнях. В свете вышесказанного приоритетным становится профессиональное взаимодействие и умение найти точки пересечения практических интересов.

Процессы сближения науки и бизнеса, образования и экономики не могли не коснуться и особой категории вузов — гуманитарных университетов, призванных поддерживать ценностные ориентации, философию и культуру гуманизированных отношений в разных видах пространства, включая электронную среду (Derbas, Dusserre 2020).

Применительно к лингвистическому образованию вышеуказанные обстоятельства оказывают существенное влияние на языковую политику вуза, поддерживающего трансфер культурных ценностей и придерживающегося принципа полиязычия, сохранения исторического наследия, традиций.

Языковую политику гуманитарного вуза необходимо развивать, по нашему мнению, в четырех основных направлениях.

Первое направление связано с сохранением и развитием русского языка во всех его возможных статусах — языка международного общения, языка межнационального общения, русского языка как иностранного. Особую значимость в свете вышесказанного приобретает экология языка, которая связана не только с сохранением его богатства, но и с трансляцией достижений литературы и культуры за пределами Российской Федерации.

Второе, не менее значимое направление связано с распространением русского языка как языка науки. Несомненно, значимость приобретают фундаментальные и научно-прикладные исследования, направленные на лингвистическое сопровождение региональных, отраслевых корпоратив-

ных программ развития; на развитие информационно-коммуникационных технологий, служащих обогащению институциональной обучающей виртуальной среды; на развитие систем профильного образования с учетом лингворегионального компонента и др.

Третье направление перспективно с точки зрения сохранения гуманизированных и человеческих ценностей. Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ) рассматривает в качестве одного из приоритетов сохранение и развитие языков и культур малых народностей России, а также стран СНГ, которое включает в себя образовательную, научно-исследовательскую, просветительскую, проектную деятельность в области истории и культуры, многоязычного поликультурного образования, социальной инженерии. Ведь МГЛУ является Базовой организацией по языкам и культуре государств-участников СНГ на протяжении двух десятилетий (Соловьев 2018).

Четвертое направление можно охарактеризовать как экспертное. Оно связано с разработкой механизмов и стратегий сохранения и развития языков малых народностей России и стран СНГ, в т. ч. эритажных; с изучением основных тенденций и приоритетов социально-экономического развития регионов России с учетом глобального поворота к «цифре»; с проведением лингвистической и правовой экспертизы нормативно-правовых актов и гуманитарных проектов, реализуемых в условиях цифровой экономики; с осуществлением диагностики социальных процессов в молодежной среде; с формированием условий для профессионального и личностного развития молодых специалистов, представляющих различные этносоциумы, с их последующей интеграцией в образовательную, научную и социально значимую деятельность; с разработкой виртуальных информаториев для различных целевых аудиторий, в том числе для лиц с ОВЗ, ориентированных на создание безбарьерной научно-образовательной среды.

4. Заключение

Подытоживая результаты наших аналитических наблюдений, мы приходим к следующим обобщениям и выводам.

Во-первых, становится очевидной необходимость развития сетевого сотрудничества между российскими и зарубежными профильными вузами.

Во-вторых, языковая политика гуманитарного вуза должна принимать во внимание лингворегиональный компонент и ориентироваться на изучение иностранных языков и культур с учетом социолингвистических особенностей близлежащих территорий, номадических векторов, миграционных процессов и стратегий выстраивания политических, социально-экономических и культурно-исторических связей.

В-третьих, экология языков и культур является ключевой задачей гуманитарных вузов, поскольку в результате объединенных усилий возможна популяризация научных достижений из разных областей знаний, сохранение культурно-исторического наследия, обеспечение преемственности ценностных систем в безбарьерном дигитализированном коммуникативно-дискурсивном пространстве.

Таким образом, концептуальная языковая политика гуманитарного вуза внесет свой вклад в лингвистическую безопасность языков и культур России, а также позволит продемонстрировать потенциал российского гуманитарного знания в мировом масштабе.

Список литературы / References

- Амелькин С. А., Егорычев А. А. Математические методы мониторинга качества образования // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2013. Т. 2. № 3 (17). С. 22–25 [Amelkin, Sergej A., Egorychev, Aleksej A. (2013) Matematicheskie metody monitoringa kachestva obrazovaniya (Mathematical Methods of Monitoring the Education Quality). *Izvestiya MGTU MAMI*, vol. 2, 3 (17), 22–25. (In Russian)].
- Воркачев С. Г. *Lumen naturale: аксиология интеллекта в языке*. Москва: Флинта, Наука, 2017. [Vorkachev, Sergej G. (2017) *Lumen naturale: aksiologija intellekta v jazyke* (Lumen naturale: Axiology of Intellect in a Language). Moscow: Flinta, Nauka, 2017 (In Russian)].
- Гальскова Н. Д., Василевич А. П., Коряковцева Н. Ф., Акимова Н. В. Основы методики обучения иностранным языкам. Москва: КНОРУС, 2018. [Galskova, Natalya D., Vasilevich, Aleksandr P., Korjakovceva, Natalya F., Akimova, Natalya V. (2018) *Osnovy metodiki obuchenija inostrannym jazykam* (Basics of Methods of Teaching Foreign Languages). Moscow: KNORUS. (In Russian)].
- Дмитриева Е. Н., Оберемко О. Г. Межкультурная и межэтническая коммуникация — основа подготовки лингвиста к межкультурному диалогу в процессе обучения в вузе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Вып. 52. С. 127–142. [Dmitrieva, Elena N., Oberemko, Olga G. (2020) *Mezhkul'turnaja i mezhetnicheskaja kommunikacija — osnova podgotovki lingvista k mezhkul'turnomu dialogu v processe obuchenija v vuze* (Intercultural and Interethnic Communication as the Basis for Training College Students Majoring in Linguistics for Intercultural Dialogue). *LUNN Bulletin*, 52, 127–142. (In Russian)]. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-127-142
- Дремова О. В., Малошонок Н. Г., Терентьев Е. А. В поисках справедливости в университете: критика и оправдание академического мошенничества студентами // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Альманах-2020: сборник. Москва: ВЦИОМ, 2020. С. 336–364. [Dremova, Oksana V., Maloshonok, Natalia G., Terentiev, Evgeniy A. (2020) *V poiskah spravedlivosti v universitete: Kritika i opravdanie akademicheskogo moshennichestva studentami* (Seeking Justice in Academia: Criticism and Justification of Student Academic Dishonesty). *Monitoring obshchesstvennogo mnenija: ekonomicheskie i social'nye*

- peremeny*. (Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes). Almanakh-2020. Moscow: Russian Public Opinion Research Center, 336–364 (In Russian)].
- Коряковцева Н. Ф., Гальскова Н. Д., Гусейнова И. А. Современное лингвистическое образование: перспективы развития. Коллективная монография. Москва: Издательство: Московский государственный лингвистический университет, 2018. [Koryakovtseva, Natalia F., Galskova, Natalya D., Guseynova, Innara A. (2018) *Sovremennoe lingvisticheskoe obrazovanie: perspektivy razvitija*. (Modern Linguistic Education: Prospects of Development). Collective monograph. Moscow: MSLU. (In Russian)].
- Обдалова О. А., Харанудченко О. В. Когнитивно-прагматические и лингвостилистические характеристики англоязычного устного научно-академического дискурса // Язык и культура. 2019. № 46. С. 102–125. [Obdalova, Olga A., Kharapudchenko, Olga V. (2019) Kognitivno-pragmaticheskie i lingvostilisticheskie harakteristiki anglojazychnogo ustnogo nauchno-akademicheskogo diskursa (Cognitive Pragmatic and Linguistic Characteristics of English Scientific Academic Discourse). *Jazyk i kul'tura* (Language and Culture), 46. 102–125. (In Russian)]. DOI: 10.17223/19996195/46/6
- Потапова Р. К., Потапов В. В., Лебедева Н. Н., Агibalова Т. В. Поликодовая среда Интернета и проблемы валеологии. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2020. [Potapova, Rodmonga K., Potapov, Vsevolod V., Lebedeva, Natalia N., Agibalova Tatiana V. (2020) *Polikodovaja sreda Interneta i problemy valeologii*. (Polycode Internet and Problems of Valeology). Moscow: Izdatel'skij Dom JaSK. (In Russian)].
- Рахманкулова С. Е. Современная когнитивная лингвистика в преподавании грамматики иностранного языка // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Вып. 49. С. 86–103. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-49-1-86-103 [Rakhmankulova, Svetlana E. (2020) *Sovremennaja kognitivnaja lingvistika v prepodavanii grammatiki inostrannogo jazyka* (Cognitive Linguistics Approaches to Teaching Foreign Grammar). *LUNN Bulletin*, 49, 86–103. (In Russian)]. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-49-1-86-103
- Редькина О. Ю. Текст и речевой жанр: место в иерархии языковой системы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 20 (311). Филология. Искусствоведение. Вып. 79. С. 85–88. [Redkina, Olga Ju. (2013) *Tekst i rechevoj zhanr: mesto v ierarhii jazykovoj sistemy* (Text and Discourse Genre: Its Place in Hierarchy of Language System). *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 20 (311). *Filologija. Iskusstvovedenie*, 79, 85–88. (In Russian)].
- Соловьев В. А. Формирование единых профессиональных стандартов в информационном пространстве стран СНГ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 1 (789). С. 319–331. [Solovjov, Vadim A. (2018) *Formirovanie edinyh professional'nyh standartov v informacionnom prostranstve sran SNG* (Formation of Common Professional Standards in the Information Space of the CIS Countries). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1 (789), 319–331. (In Russian)].
- Солопов В. И. Компьютер. Интернет. Перевод. Москва: Мозартика, 2016. [Solopov, Vladimir I. (2016) *Kompjuter. Internet. Perevod* (Computer. Internet. Translation). Moscow: Mozartika (In Russian)].

- Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. Москва: Флинта, Наука, 2016. [Shcherba, Lev V. (2016) *Izbrannye raboty po russkomu jazyku* (Selected Works on the Russian Language). Moscow: Flinta, Nauka. (In Russian)].
- Benmamoun, Elabbas, Montrul, Silvina, Polinsky, Maria. (2013) Heritage Languages and Their Speakers: Opportunities and Challenges for Linguistics. *Theoretical Linguistics*, 39, 129–181. DOI: 10.1515/tl-2013-0009
- Cingel, Drew P., Sundar, Shyam S. (2012) Texting, Techspeak, and Tweens: The Relationship between Text Messaging and English Grammar Skills. *New Media & Society* 14, 1304–1320. DOI: 10.1177/1461444812442927
- Derbas, Nadia, Dusserre, Emmanuelle, Padró, Muntsa. (2020) Eventfully Safapp: Hybrid Approach to Event Detection for Social Media Mining. *Journal of Ambient Intelligence Human Computation*, 11, 87–95. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12652-018-1078-7>
- Dumitriu, Constanța, Timofti, Iulia C., Dumitriu, Gheorghe. (2014) Communicative Skill and/or Communication Competence? *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, vol. 141, 489–493. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.05.085.
- Ingwersen, Peter. (1994) Information Science as a Cognitive Science. *Informations- und Wissensverarbeitung in den Sozialwissenschaften*. In Heinrich Best, Brigitte Endres-Niggemeyer, Matthias Herfurth, H. Peter Ohly (eds). VS Verlag für Sozialwissenschaften, 23–56. DOI: 10.1007/978-3-322-93603-5
- Kurth, Ulrike, Guseynova, Innara. (eds.) (2020) *Bildung und Europa. Anmerkungen zur Europaarbeit*. Bielefeld: Medien-Verlag. (In German).
- Markless, Sharon A. (2009) New Conception of Information Literacy for the Digital Learning Environment in Higher Education. *Nordic Journal of Information Literacy in Higher Education* 1, 25–40. DOI: 10.15845/noril.v1i1.17
- Meneghini, Rogerio, Packer, Abel L. (2007) Is There Science beyond English? Initiatives to Increase the Quality and Visibility of Non-English Publications Might Help to Break down Language Barriers in Scientific Communication. *EMBO Reports*, 8 (2), 112 – 116. DOI: 10.1038/sj.embor.7400906
- Neave, Guy R. (2006) *Knowledge, Power and Dissent: Critical Perspectives on Higher Education and Research in Knowledge Society*. Paris: UNESCO.
- Pettersson, Fanny. (2020) Understanding Digitalization and Educational Change in School by Means of Activity Theory and the Levels of Learning Concept. *Education and Information Technologies*, 26, 187–204. DOI: 10.1007/s10639-020-10239-8
- Schulz, Renate A. (2007) The Challenge of Assessing Cultural Understanding in the Context of Foreign Language Instruction. *Foreign Language Annals*, 40 (1), 9–26.
- Vannini, Laurent, Crosnier, Hervé. (2012) *NET.LANG: Towards a Multilingual Cyberspace*. Maaya Network, C&F editions.
- Voet, Joris, Vermeeren, Brenda. (2016) Change Management in Hard Times: Can Change Management Mitigate the Negative Relationship Between Cutbacks and the Organizational Commitment and Work Engagement of Public Sector Employees? *The American Review of Public Administration*, vol. 47, issue 2, 230–252. DOI: <https://doi.org/10.1177/0275074015625828>

Словари / Dictionaries

- Большой словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. М.: ИДНК, 2007. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words [*Bolshoj slovar' inostrannyh slov* (2007) (Big Dic-

tionary of Foreign Words). Moscow: IDDK. Retrieved from https://gufo.me/dict/foreign_words (In Russian)].

Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке.

Составлено по лучшим источникам М. Попов. Москва: Товарищество И. Д. Сытина, 1904. [*Polnyj slovar' inostrannyh slov voshedshih v upotreblenie v russkom jazyke. Sostavleno po luchshim istochnikam M. Popov. (1904) (Complete Dictionary of Foreign Words that Entered into Usage in the Russian Language. Compiled on the basis of Resources Provided by M. Popov). Moscow: Tovarishchestvo I. D. Sytina. (In Russian)]*].

УДК 811.11.2'42:811.112.2'27:811.112.2'38

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-si-73-92

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОКРАСКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ж. В. Никонова, В. М. Бухаров, И. Г. Ястремская

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье анализируется функциональный потенциал базовых адъективных цветообозначений в современном немецком политическом дискурсе, иллюстрирующий случаи их политической окраски. С помощью различных методов лингвистического исследования изучается специфика функционирования прилагательных *rot*, *orange*, *gelb*, *grün*, *blau*, *violett* в немецкоязычных текстах политической тематики. На конкретных примерах доказывается, что все они имеют политическую окраску, демонстрируя реализацию как традиционных, так и новых значений, отражающих современные реалии общественно-политической жизни Германии. Также выявляется частотность реализации отдельных значений исследуемых языковых единиц в немецком политическом дискурсе. Устанавливается, что самым частотным является цветообозначение *grün*, функционирующее в публицистических текстах политической тематики для названия политической партии *Die Grünen*, стиля правления данной партии и политической позиции электората. Данное цветообозначение является в политическом дискурсе современной Германии также цветом экологии и защиты окружающей среды, цветом надежды. Кроме того, выявляются языковые факты реализации таких значений, как «добытый из природных источников, возобновляемый» в словосочетании *grüne Energie* и «введение в заблуждение относительно экологических последствий или экологического воздействия чего-либо» в словосочетании *grün waschen*. Вторым по частотности функционирования в немецком политическом дискурсе среди базовых цветообозначений является цветообозначение *rot*, традиционно символизирующее кровь, террор, революции и войны, а также борьбу, протестные движения, массовые демонстрации и акции. Также оно обозначает форму государственного строя, является цветом левых партий и выражает принадлежность к определенным политическим партиям и стиль правления. Кроме того, данное цветообозначение имеет значение предупреждения в ситуации опасности высшей степени и часто в текстах политической тематики символизирует Российскую Федерацию, а также все, что с ней связано. Наименее частотным является цветообозначение *violett*, которое может выражать принадлежность к немецкой политической партии *Die Violetten*, является цветом немецкого общественного объединения *Aktionsbündnis Amoklauf Winnenden* и имеет значение предупреждения в ситуации опасности высшей степени (при природных катастрофах). Полученные результаты исследования расширяют имеющиеся в политической лингвистике и современной германистике сведения о семантическом пространстве базовых цветообозначений в немецком языке, иллюстрируя их политическую окраску.

Ключевые слова: цветообозначения; прилагательные; функционирование прилагательных; немецкий политический дискурс.

Political Coloring of Adjectives in German Political Discourse

Zhanna V. Nikonova, Valery M. Bukharov, Inna G. Yastremskaya

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article analyzes the functional potential of basic adjective color-coding in modern German political discourse, illustrating cases of its political connotation. Using a variety of linguistic research methods, the authors examine functional peculiarities of color adjectives such as *rot*, *orange*, *gelb*, *grün*, *blau*, and *violett* in German-language texts related to politics. Specific examples show that all these adjectives are politically colored, demonstrating the realization of both traditional and contemporary meanings that reflect modern realities of German socio-political life. The research also reveals the frequency of conveying specific values through the usage of color adjectives in the German political discourse. It is established, for instance, that the most frequent is the color adjective *grün*, used in non-fiction political texts to designate the political party *Die Grünen* and shedding some light on its style of governing and the political position of its electorate. Within the political discourse of modern Germany this color designation is also a verbal marker of ecological and environmental concerns as well as the color of hope. The authors also discuss such additional meanings of *grün* as “extracted from natural sources, renewable” in the phrase *grüne Energie* and “misleading in terms of environmental effects or environmental influence something causes” in the phrase *grün waschen*. The second most frequently used basic color meaning in German political discourse is the color designation *rot*, traditionally symbolizing blood, terror, revolution, and war, as well as struggle, protest movements, mass demonstrations, and campaigns. It also denotes a specific form of a country’s political system and remains the main color of left-wing parties, expressing adherence to certain political parties and the style of their government. In addition, this color code serves as a strong warning in situations of grave danger and, in texts on political topics, often symbolizes the Russian Federation and everything related to it. The least frequent is the color designation *violett*, which can express membership in the political party *Die Violettten*. It is the color of the German public association *Aktionsbündnis Amoklauf Winnenden* and retains vital importance as a sign of warning in emergency situations (such as natural disasters, etc.). The results of the study contribute new information on the semantic space of color codes to the field of political linguistics and modern German studies, illustrating political connotations of basic color codes in German.

Key words: color values; adjectives; the functioning of adjectives; German political discourse.

1. Введение

Окружающий мир наполнен множеством цветов самых разнообразных тонов и оттенков. Естественно, что возникает необходимость различных цветообозначений во всех сферах жизнедеятельности человека.

Изучение цветообозначающей лексики в языкознании ведется на протяжении многих десятилетий (см., например, [Gipper 1957; Ludwig 1966; Wittmers, Pfütze 1967; Свешникова 1969; Gericke 1970] и мн. др.), но как лингвокультурный феномен цветообозначения стали объектом исследования лингвистов во второй половине XX века, получив новое осмысление на рубеже веков, в том числе на примере различных лингвокультур в

контексте основных положений зарубежной и отечественной политической лингвистики (Braem 1985; Altmann 1999; Reidel 1999; Вендина 2000; Heller 2005; Кулинская 2002; Бабайцев 2007; Борисова 2008; Bernhart 2008; Кукушкина, Гайдукова 2009; Зольникова 2010; Никонова, Соловьева 2019 и др.)

Наиболее детальное описание символизма цветообозначений в немецком политическом дискурсе представлено в работах психологов и культуроведов (см. [Василевич 1987, 1988; Gerike 1990; Lehmann 1998; Kaiser 2006; Schüler 2006; Späti 2010; Керимов 2013] и др.). Однако, несмотря на неугасающий интерес научного сообщества к исследованию цветообозначений в немецком языке, относительно малоизученной на сегодняшний день является проблема их функционирования в политическом дискурсе современной Германии. Тем более, что текущие глобальные изменения непосредственно отражаются на реалиях политического мира и языке политики.

Эскалация напряженности, противостояние, открытые, в том числе военные, конфликты, клевета, травля стали обычными спутниками отношений не только между людьми и общественными группами, но и между отдельными государствами и коалициями стран. Мировое пространство наполняется сильными эмоциями, порой распространяющимися на разные континенты. Возрастающий политический колорит порождает новые значения и контексты употребления языковых средств.

Это определяет актуальность настоящей работы, цель которой — выявление особенностей функционирования базовых адъективных цветообозначений в современном немецком политическом дискурсе, иллюстрирующих политическую окраску адъективных цветообозначений и их субстантивных дериватов в текстах политической тематики.

2. Характеристика материала и методов исследования

Предметом исследования выступает функциональный потенциал базовых адъективных цветообозначений и их субстантивных дериватов в современном немецком политическом дискурсе, иллюстрирующий случаи их политической окраски. В качестве базовых рассматриваются цвета радужного спектра — *rot, orange, gelb, grün, blau, violett*.

В качестве практического материала исследования использовались фрагменты текстов современных немецких публицистических изданий последних 15 лет, данные немецких публицистических онлайн-изданий политической тематики, в том числе примеры, отобранные в корпусном словаре немецкого языка Института Немецкого Языка г. Мангейм *COSMAS II* (*Corpus Search, Management and Analysis System*). Общий объем эмпириче-

ского материала составляет 480 текстовых единиц. Всего отобрано для анализа около 730 примеров цветообозначений.

В ходе исследования применялись такие методы лингвистического анализа, как метод сплошной выборки, метод компонентного анализа значений лексических единиц, метод контекстуального анализа значений базовых цветообозначений, метод лингвистического описания и классификации языковых средств, а также приемы обобщения фактического материала и математического подсчета.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Лингвистический анализ контекстов употребления базовых цветообозначений в немецком политическом дискурсе показал следующие результаты.

Rot

Благодаря многообразию своих символических значений *rot* (красный цвет) в современном немецком политическом дискурсе занимает одно из ведущих мест среди всех встречающихся цветообозначений. Исторически красный цвет был всегда тесно связан с политикой. Политизации красного во многом способствовало разнообразие его значений в немецкой лингвокультуре. Традиционно красный — цвет, обозначающий все, что связано с агрессией, яростью, силой, динамикой и энергией. Согласно результатам исследования, в немецком политическом дискурсе *rot* является, прежде всего, цветом 1) **крови, террора, революций и войн**, например: *Neun Namen hatte die Terrorzelle rot auf einer Todesliste markiert, allen voran Parteichef Markus Beisicht* (FOCUS 17.03.14: 74–76). Цветообозначение *rot*, выраженное в данном примере обстоятельством образа действия, свидетельствует о преступных замыслах террористических организаций; 2) **борьбы, протестных движений и массовых демонстраций**, например: *Rund 20 000 Regierungsgegner haben gestern in der thailändischen Hauptstadt Bangkok an die blutigen Straßenschlachten vor neun Monaten erinnert. Die Demonstranten waren in Rot gekleidet, der Farbe der Protestbewegung* (SDZ 10.01.2011: 32); 3) **формы государственного строя**. В мировой политике на текущем этапе красный цвет ассоциируется с такой формой государственного строя, как коммунизм: *Die vier Geschichten aus unterschiedlichen Gegenden spannen die vier Ecken eines Bildes auf, in dem aus dem Rot des alten Kommunismus die Blutspur eines raubtierhaften Turbokapitalismus geworden ist* (SDZ 16.01.2014: 10). В указанном примере цветообозначение *rot*, представленное субстантивированным прилагательным *der Rot*, символизирует так называемый традиционный «красный» коммунизм Китая, от которого, по словам повествующего, в силу вмешательства «хищного»

турбо-капитализма, остался лишь кровавый след; 4) **цветом левых партий и политической принадлежности**, например: *Doch egal, ob politisch rot oder schwarz: Egal, ob Verkehrsminister Manfred Stolpe oder Wolfgang Tiefensee, beide Sozialdemokraten, oder die CSU-Politiker Ramsauer und Dobrindt: Alle haben den Kanal vernachlässigt, der Rückstau an Investitionen ist enorm* (SDZ 15.02.2014: 33). В данном примере выражение *politisch rot* говорит о том, что оба политика, несомненно, принадлежат к немецкой партии SPD, что подтверждается в примере и далее с помощью лексемы *Sozialdemokraten*; 6) **стиля правления**, например: *„Wir haben Schwarz gewählt und werden rot regiert“ G. Horst Seehofer CSU-Vorsitzender* (FOCUS 16.06.2014: 38). В данном примере цветообозначение *rot*, выраженное обстоятельством образа действия при сказуемом *regieren* («управлять»), указывает на то, что управление в данных районах происходит в стиле партии SPD.

Анализ языковых фактов свидетельствует о том, что цветовой символизм красного цвета в современном немецком политическом дискурсе имеет и другие символические значения: *Peking im Smog ist erstens praktisch unbewohnbar und erlebt zweitens eine Art nuklearen Winter. Und wie oft hat die Regierung bis heute Alarmstufe „rot“ ausgelöst, die höchste der vier Warnstufen bei Smog?* (SDZ 11.04.2014: 3). В данном примере красный цвет используется в значении 7) **предупреждения в ситуации опасности высшей степени**. Условия жизни в Пекине представляют непосредственную угрозу здоровью и жизни его жителей, о чем в данном примере может свидетельствовать лексема *unbewohnbar*.

Как показало исследование, в последние несколько лет в немецкой прессе цветообозначение *rot* все чаще стало появляться в еще одном значении. Сегодня красный цвет в немецком политическом дискурсе прочно связывают 8) **с Российской Федерацией и всем, что ее касается**, например: *Allerdings zeigt dieses kleine Schaubild die große und bittere Wirklichkeit, mit der das Land derzeit konfrontiert ist: links, riesig und bedrohlich, in rote Farbe, die russische Schwarzmeerflotte auf der Krim mit ihren mehr als 40 mächtigen Kriegsschiffen* (SDZ 03.03.2014: 2). Так, в приведенном примере красным цветом обозначен Черноморский флот России, расположенный у берегов Крыма и несущий собой, по словам автора, несомненную угрозу.

По частотности реализации указанные значения *rot* в современном немецком политическом дискурсе располагаются следующим образом: самые частотные значения — это «политическая принадлежность» (18,6 %), «кровь, террор, революции и войны» (18 %), «борьба, протестные движения, массовые демонстрации и акции» (16 %), менее частотные: «форма государственного строя» (9,4 %), «левые партии» (7,3 %), «стиль правле-

ния» (13 %). Нередко встречаются контексты, в которых *rot* имеет значение «предупреждение в ситуации опасности высшей степени» (9,9 %) и символизирует Российскую Федерацию и все, что к ней относится (7,8 %).

В целом проведенный анализ языковых факторов показал, что цветообозначение *rot* занимает второе место по частотности употребления среди всех цветообозначений после цветообозначения *grün*. Процент употребления данного цветообозначения в проанализированных примерах составляет — 26,6 %.

Orange

Оранжевый цвет — один из наиболее значимых цветов в современном глобальном политическом дискурсе, цвет, сыгравший значительную роль в политической жизни мирового сообщества последних лет.

На символическом уровне оранжевый цвет традиционно выражает энергетику, жизненную силу, авантюризм, импульсивность, жизнелюбие. Сила и энергия оранжевого цвета, вероятно, и стали решающими факторами, которые способствовали проникновению в семантическую сферу данной лексемы политической окраски.

Как показал анализ, в немецком политическом дискурсе цветообозначение *orange* соотносится с 1) **понятием *orange Revolution* («оранжевая революция»)**, одним из примеров цветных революций применительно к политическим событиям на Украине в 2004 году. Цветообозначение *orange* часто встречается в политическом дискурсе в данном сочетании, выступая в качестве определения существительного *Revolution*, например: *Es ist nicht lang her, da schien die Demokratie als politische Form auch Außerhalb der EU und Nordamerikas attraktiv und historisch geradezu unabwendbar zu sein. Der Rosenrevolution 2003 in Georgien folgte 2004 die orange Revolution in der Ukraine und 2005 der Umsturz in Kirgistan* (DZ 22.03.2007: 6). Оранжевый цвет в качестве прилагательного отражается в названии украинской революции в отличие от цветной революции в Грузии, получив-

шей название «революция роз»; 2) **стилем правления, называемым *orange Regierung*** (опять же на примере Украины), например: *Timoschenko weist alle Vorwürfe zurück und will in anderen Bereichen sparen, vor allem aber die Steuerhinterziehung und die Korruption bekämpfen — eine Aufgabe, an der allerdings schon die erste „orange Regierung“ 2005 kläglich gescheitert ist* (taz 22.01.2008: 9); 3) **протестными движениями**, однако, в отличие от примеров с цветообозначением *rot*, данные протестные движения не носят выраженный агрессивный характер. Так, в следующих примерах оранжевый цвет фигурирует как символ протестных акций социального характера: *Marmor wie der scheidende NDR-Chef Jobst Plog sahen daher gestern orange:*

In dieser Farbe protestiert die MitarbeiterInnen-Initiative „Freie im Norden“ gegen die missliebigen Auflagen. Zur gestrigen Hausversammlung gab's orange Blumensträuße am orange Teppich für den neuen hohen Herrn (taz 11.01.2008: 17). Оранжевый цвет в данном случае является цветом протестного движения сотрудников телекомпании NDR против абсурдных ограничений в отношении объемов работ; 4) *политической партияей Piratenpartei Deutschlands*, не так давно появившейся на политической арене Германии, так как является официальным цветом этой партии: *Dass sich die Piraten innerhalb eines halben Jahres von Umfragespitzenwerten um die zwölf auf mittlerweile ziemlich stabile drei Prozent runter gearbeitet haben, muss man eigentlich gar nicht thesenreich erklären. Die Verhältnisse haben sich ganz einfach normalisiert. Ein cooler Name, ein pfiffiges Werbekonzept, eine positiv besetzte Parteifarbe (orange), die Botschaft „Jeder kann mitmachen“, die pseudoreligiöse Überhöhung des Internets und die (kostenlose Downloads versprechende) Forderung nach der Abschaffung allen geistigen Eigentums - das wäre mit drei Prozent bei Bundestagswahlen sogar noch üppig honoriert* (NN 16.02.2013: 2). Цветообозначение *orange* как официальный цвет партии в данном примере выражается прилагательным.

Также установлено, что цветообозначение *orange* в политическом дискурсе используется в значении 5) *предупреждения в ситуации опасности второй степени*. Подобная реалья современности, вероятно, связана с расположением цветов в радужной палитре. Посмотрим на следующие примеры: *Heimatschutzminister Ridge gab eine Reihe von Fernsehinterviews zu den Terrorwarnungen: „Wir dürfen nicht zulassen, dass uns diese Bedrohung davon abhält, Amerika zu sein.“ Er rechtfertigte die Entscheidung der Regierung, nur die zweithöchste Terrorwarnstufe (orange), nicht aber die höchste (rot) auszurufen: "Wenn wir auf rot gegangen wären, hätten wir praktisch das ganze Land geschlossen* (RZ 24.12.2003:14). В данном случае цветообозначение *orange* используется для предупреждения ситуации опасности террористического характера, кроме того подчеркивается тот факт, что террористическая ситуация не достигла пика развития.

Кроме того, цветообозначение *orange* в данном значении в политической публицистике применяется не только в случаях террористической опасности, но также в случаях техногенных и природных катастроф: *Quito Ecuadors Behörden haben wegen der Gefahr eines neuen Ausbruchs des Vulkans Tungurahua Alarmstufe Orange ausgelöst und Evakuierungen angeordnet. Seit einer Woche ist der gut 5000 Meter hohe Vulkan äußerst aktiv, über seinem Gipfel steht einen Kilometer hohe Aschewolke* (НМ 28.04.2011: 45). Ситуация с извержением вулкана представляет определенную опасность, вулкан ак-

тивен, но ситуация еще не достигла критической отметки, извержения не последовало, была введена оранжевая — вторая ступень опасности.

Анализ частотности функционирования цветообозначения *orange* в современном немецком политическом дискурсе в различных значениях показал следующие результаты: «оранжевая революция» (31 %), «стиль правления», так называемый *orange Regierung* (19 %), «протестные движения» (13 %), «политическая партия *Piratenpartei Deutschlands*» (21,4 %), «предупреждение в ситуации опасности второй степени» (15,6 %).

В целом цветообозначение *orange* в своих значениях прочно вошло в современный немецкий политический дискурс, о чем может свидетельствовать проведенный анализ и подсчет языковых фактов. Процент употребления цветообозначения *orange* составил 11,5 % от общего числа примеров.

Gelb

Желтый цвет считается наиболее противоречивым по своей символике цветом. Традиционно желтый цвет символизирует радость, веселье, изобилие, солнце и тепло, в то же время — это цвет предательства, трусости, презрения, отчуждения и болезни.

В современном немецком политическом дискурсе желтый цвет несет в себе множество символических значений, в большей степени отличных от традиционных. В ходе исследования установлено, что цветообозначение *gelb* в немецком политическом дискурсе символизирует: 1) **либеральную партию FDP**, так как наряду с синим желтый является официальным цветом данной партии: „*Wir Europäer werden nur gemeinsam stark genug sein, unseren Wohlstand und unser Lebensmodell in dieser veränderten Welt mit neuen wachsenden Kraftzentren in Asien, Afrika und Lateinamerika zu behaupten*“, meint Westerwelle. Und — *apropos Traum* — *in welchen Farben soll dieses künftige Europa erstrahlen? In Gelb und Blau, den Farben der Liberalen, gefiele es dem 51-Jährigen besonders gut. In Zeiten der Krise in Europa sind das für den Mann aus Bonn die Farben der Hoffnung* (FOCUS 14.01.2013: 115). В данном примере в представлении министра иностранных дел объединение государств Европы могло бы послужить гарантом их сохранения и процветания в быстроменяющемся мире, и важнейшую функцию на себя могла бы взять либеральная партия *FDP*, чьими цветами являются желтый и голубой; 2) **партийную принадлежность**, например: *Kommt es übermorgen zur Einigung? Wird interessant, mit FDP-Mann Jarchow und CDU-Kollege Wellenreuther sitzen sich zwei waschechte Politiker gegenüber. Zudem ist Ertel mit Ex-Grünen-Chefin Krista Sager verheiratet. Gelb, Schwarz und Grün an einem Tisch. Am Ende soll die blau-weiß-schwarze Lösung stehen* (НМ 30.05.2013: 34). В приведенном примере цветообозначение *gelb* так же, как

и другие цветообозначения, выражает партийную принадлежность политиков, в частности, принадлежность г-на Ярхова к партии *FPD*.

В современном немецком политическом дискурсе проявляется и другое символическое значение желтого цвета. Цветообозначение *gelb* используется в значении 3) **предупреждения в ситуации опасности слегка повышенной степени**, например: *Nach erneuten Eruptionen am Vulkan Popocatepetl südöstlich von Mexiko-Stadt haben die Behörden die Warnstufe in der Region auf Phase 3 Gelb angehoben. Zuvor hatte der Popocatepetl eine Aschewolke von mehr als zwei Kilometern Höhe ausgestoßen* (taz 08.07.2013: 10). Фаза 3, обозначенная в немецкой лингвокультуре желтым цветом, говорит о том, что взрывная активность вулкана при извержении облака пепла достигла среднего уровня и большой опасности пока не представляет. Желтый в значении степени опасности может применяться не только в случаях опасности природного характера, но и в случаях террористической угрозы, например: *Nach den Anschlägen in Saudi-Arabien und Marokko und aus Angst vor neuen Attentaten im eigenen Land haben die USA am Dienstag die Terror-Alarmstufe erhöht. Die Heraufsetzung der Alarmstufe in den USA von „erhöht“ (gelb) auf „hoch“ (orange) begründete der stellvertretende Minister für Innere Sicherheit, Asa Hutchinson* (taz 30.05.2003: 10). В данном примере цветообозначение *gelb*, несущее значение опасности средней степени, сменяется на цветообозначение *orange*, обозначающее более высокий уровень опасности, так как террористическая обстановка, по мнению руководства США, заслуживает большего внимания и принятия более серьезных мер безопасности.

В ходе исследования также удалось определить такие значения цветообозначения *gelb*, как 4) **антиядерное движение**, например: *Zeichen des Widerstands: Das gelbe X ist das wohl bekannteste Symbol des stillen Protestes, ein Zeichen der Anti-Atom-Bewegung aus dem Wendland. Das X soll außerdem an den Slogan „Wir stellen uns quer“ erinnern und die Farbe Gelb ist abgeleitet vom „radioaktiv“ Warnhinweis* (taz 25.09.2012: 23). В данном примере цветообозначение *gelb*, одним из значений которого также является «радиоактивная опасность», в сочетании с символом «X» выступает как главный символ антиядерного движения в Германии; 5) **все, что связано с Украиной**, для которой желтый цвет является национальным цветом. Появление цветообозначения *gelb* в таком значении неудивительно на фоне последних политических событий, происходящих в мире, например: *Mitten in der Ukraine-Krise geht es darum, wie die von Russland annektierte Halbinsel Krim künftig auf der Landkarte aussehen könnte. „Da haben wir eine Lösung, die wir zücken können“, sagt Redakteur Reinhold Schlimm. Voraussichtlich werde man die Grenze durch eine gestrichelte Linie kennzeichnen, jedoch bleibe die Krim*

auf der Karte weiterhin gelb wie die Ukraine und nicht grün wie Russland. Der textliche Hinweis könne „von Russland verwaltet“ lauten, sagt Schlimm. „Das ist am neutralsten.“ (ММ 17.05.2014: 10). Приведенный пример свидетельствует о том, что желтый на географических картах по умолчанию рассматривается в Германии как цвет Украины. Такой символизм желтого можно наблюдать и на следующем примере: *Außerhalb der Fanmeile ist die Euphorie der ersten Tage verflogen. Das ukrainische Gelb sieht man nur noch selten. Am anderen Dnipro-Ufer, dem Reich der Plattenbauten, könnte man sogar vergessen, dass die EM immer noch läuft* (taz 27–12: 04). Фраза «украинский желтый» в приведенном примере дает ясное представление о том, что речь в тексте идет именно о национальном цвете этой страны.

Частотность реализации указанных значений цветообозначения *gelb* в современном немецком политическом дискурсе составляет: «немецкая либеральная партия FDP» (28 %), «политическая принадлежность к немецкой либеральной партии FDP» (19,6 %), «Украина и все, что с ней связано» (16,8 %), «антиядерное движение в Германии» (13,2 %), а также «предупреждение в ситуации опасности средней степени (как природной, так и террористической)» (22,4 %).

В целом процент употребления данного цветообозначения от общего числа примеров функционирования цветообозначений в немецком политическом дискурсе составил 14,7 %.

Grün

Цветообозначение *grün* в современном политическом дискурсе несет в себе большое количество смысловых значений. Зеленый цвет — синоним жизни, чистой природы, гармонии, здоровья, спокойствия. Именно этот цвет является символом свободы, безопасности и надежности. Не случайно, что часто этот цвет воспринимается как символ природы, окружающей среды и экологии. Символические значения зеленого цвета так или иначе находят свое отражение в современном немецком политическом дискурсе. Анализ практического материала позволяет выделить следующие его основные значения:

1) традиционное значение зеленого цвета как *цвета надежды*, например: *Am Armgelenk trägt Maede Soltani zwei grüne Bändchen. Grün ist die Farbe der Demokratiebewegung in ihrer Heimat. Und grün ist die Farbe der Hoffnung. Die will sie nicht aufgeben: Schon einmal hatte ein Richterspruch gegen ihren Vater vor dem Revisionsgericht keinen Bestand, das Verfahren endete mit einem Freispruch in allen Punkten. „Meinen Vater“, sagt Maede Soltani, „wird dieses Regime nicht brechen.“* (SDZ 16.04.2012: 33). Мэдэ Солтани надеется на лучшую участь для своего отца, который был обвинен в пропаганде и действиях, направленных на подрыв государственного режима в

своей стране. Зеленый цвет в данном примере символизирует надежду на изменение, надежду на лучшее будущее; 2) название **политической партии Германии Die Grünen**, партии, появившейся в связи с актуализацией экологических проблем в 70–80 гг. и использующей цветообозначение «зеленый» в качестве своего официального цвета. Утвердив зеленый цвет в качестве цвета партии, *Die Grünen* положили начало политизации зеленого цвета в целом. Цветообозначение в форме субстантивированного прилагательного используется непосредственно в официальном названии партии: *Die Grünen haben nach ihrem schlechten Wahlergebnis ihre bisherige Führung fast komplett abgeräumt, die SPD hat sich mit den Grünen für ihre herbe Wahlniederlage noch nicht ernsthaft befasst* (DZ 31.10.2013: 9).

Указанное цветообозначение имеет в немецком политическом дискурсе и другие значения, которые, однако, находятся в тесной связи с данным значением: 3) **стиль правления** (*grün regieren*), где цветообозначение *grün* выступает в качестве обстоятельства образа действия при сказуемом *regieren*: *An diesem Dienstag ernennt das Kabinett deshalb nur die parteilose Bärbel Schäfer, bislang Leiterin des Rechtsamtes im grün regierten Freiburg, zur neuen Präsidentin in eben diesem Regierungsbezirk* (SDZ 28.02.2012: 6). Зеленый в данном случае указывает на то, что в администрации города *Freiburg* находится абсолютное большинство представителей данной партии «зеленых»; 4) **политическая позиция электората** (*grün wählen*), где цветообозначение *grün* также выступает в качестве обстоятельства образа действия при сказуемом *wählen*: *München — Die Grünen wollen sich im Bundestagswahlkampf mit sozialen Themen profilieren. Soziale Gerechtigkeit ist eines der Hauptmotive, grün zu wählen* (SDZ 07.02.2012: 1). Зеленый цвет в данном примере сигнализирует о том, что речь идет именно о выборе партии *Die Grünen*. В примере *Ich wähle grün, weil ich Umweltschutz wichtig finde. Die Wirtschaft zu stärken finde ich aber auch wichtig - deswegen bin ich eigentlich auch für die Elbvertiefung, da sind die Grünen aber dagegen. Aber es gibt eben keine Partei, bei der alles passt* (BZ 15.01.2013: 21) конкретизируется политическая позиция говорящего, который делает выбор в пользу партии *Die Grünen*, чья политическая программа ему ближе всех; 5) **экология и защита окружающей среды**, тесно связанные с символизмом зеленого цвета: *Horst Frank trat die grüne Welle los, die inzwischen ganz Baden-Württemberg erfasst hat: Die alten Jeans hat der ehemalige Maoist längst gegen ein Sakko eingetauscht. Manche fragen sich, was eigentlich noch Grün an dem Politiker sei. Die Konstanzer sagen dann: „Der OB fährt viel Rad.“* (SDZ 07.02.12: 6). В данном примере цветообозначение

grün выражает значение экологически правильного поведения и заботы об окружающей среде.

Рассмотрим еще один пример: *Brüssel. Bundeslandwirtschaftsministerin Ilse Aigner (CSU) ist der Plan grün genug: Was sie in zweitägiger Sitzung mit ihren EU-Kollegen ausgehandelt habe, werde für „ein wirksames Greening“ des gemeinsamen Agrarmarktes sorgen. In den nächsten sieben Jahren werde also in Europa Ackerbau und Viehzucht auf eine viel schonendere Weise betrieben: mit mehr Rücksicht auf die Natur, Tierwelt, Ressourcen, Klima. Grüne und Umweltschützer können indes in dem Paket nur grüne Spuren-Elemente entdecken* (BZ 21.01.2013: 32). Речь в тексте идет о том, что в вопросе аграрного развития Европы планируется сосредоточить больше внимания на защите окружающей среды и улучшить экологическую обстановку в Европе, цветообозначение *grün* в данном случае отражает экологически направленный характер будущих изменений.

Экологические вопросы во многом определяют политику современной Германии. Неудивительно, что зеленый цвет в данном значении приобрел такое широкое распространение в политическом дискурсе и получил новые значения, например, *grüne Energie*, что в переводе на русский язык означает «зеленая энергия» или «возобновляемая энергия»: *In den nächsten zehn Jahren werden sich die Kapazitäten in Deutschland von 45 auf 90 Gigawatt verdoppeln. Damit lässt sich bei idealen Bedingungen - wenn die Sonne scheint und der Wind weht — das ganze Land mit grüner Energie versorgen* (SDZ 27.08.2012: 16). Адъективное цветообозначение *grün* в данном контексте получает значение «добытый из природных источников, возобновляемый».

Учитывая тот факт, что проблема экологии в настоящий момент является особенно значимой для немецкого общества в целом, неудивительно, что цветообозначение *grün* в политическом дискурсе приобрело еще одно новое значение. В словосочетании *grün waschen*, представляющем собой критическое обозначение PR-методов, нацеленных на введение потребителя в заблуждение относительно целей организации в обеспечении экологичности продукции или услуг, с тем чтобы получить политическую и общественную поддержку и создать имидж экологически ориентированной компании, цветообозначение *grün* имеет б) значение **введения в заблуждение относительно экологических последствий или экологического воздействия чего-либо**: *Opfer der Giftgas-Katastrophe im indischen Bhopal protestierten am Donnerstag in London gegen den Olympia-Sponsor Dow Chemical. Der Chemie-Konzern hatte 1999 die Firma Union Carbide aufgekauft, die 1984 eine der größten Industrie-Katastrophen der Geschichte verursacht hatte. Schätzungen zufolge starben damals bis zu 25 000 Menschen, die*

*meisten aus einem Elendsviertel in unmittelbarer Nähe der Pestizidfabrik. Etwa eine halbe Million Menschen leidet bis heute unter den Folgen der Katastrophe. "Wir protestieren, weil Dow versucht, seine Verbrechen grün zu waschen" (SDZ 27.07.2012: 33). Организация *Dow Chemical*, ставшая в свое время виновницей выбросов ядовитых газов в атмосферу, по мнению многих, своим спонсорством в Олимпиаде пытается спрятаться под маской экологической рачительности. Данный смысл передается как раз посредством словосочетания *grün waschen*.*

В целом обработка языковых фактов путем математического подсчета частотности дискурсивной реализации отдельных значений цветообозначения *grün* в немецком политическом дискурсе показала, что своей политизацией в немецком языке зеленый цвет во многом обязан тесной связи с партией *Die Grünen*. Чаще всего зеленый цвет в текстах политической тематики ассоциируется именно с политической партией *Die Grünen* (35 %), выражает стиль правления данной партии (19,8 %) и политическую позицию электората (14,2 %). Также зеленый цвет в политическом дискурсе Германии ассоциируется с экологией и защитой окружающей среды (11,7 %) и является цветом надежды (5,6 %). Кроме того, цветообозначение *grün* в словосочетании *grüne Energie* получает значение «добытый из природных источников, возобновляемый» (9 %), а в словосочетании *grün waschen* зеленый цвет приобретает значение введения в заблуждение относительно экологических последствий или экологического воздействия чего-либо (4,7 %).

По частотности употребления среди всех проанализированных в проведенном исследовании базовых цветообозначений *grün* занимает приоритетное место (27,1 % от общего числа языковых фактов).

Blau

Голубой цвет традиционно символизирует бесконечность, истину, преданность, верность, спокойствие, аристократизм, либерализм. Это цвет самой природы: цвет неба, цвет воды. Синий цвет во флагах государств — символ свободы, объединения, принадлежности к большому целому.

Анализ практического материала показал, что в немецком политическом дискурсе цветообозначение *blau* символизирует 1) **либеральную партию FDP**, являясь, наряду с желтым, официальным цветом данной партии. Кроме того, цветообозначение *blau* в немецкой публицистике часто фигурирует в качестве 2) **цвета ЕС и НАТО**, прежде всего, в качестве цвета их флагов, например: *Es gibt keine andere vernünftige Erklärung für das, was Moskau mit der Ukraine macht, als Geopolitik. Und nach deren Regeln verhält sich Russland logisch: All die Vasallen- und Pufferstaaten, die zur Sowjetzeit auf der Karte einen roten Wall an Russlands West-*

grenze bildeten, sind heute blau eingefärbt - blau wie die Flaggen von EU und Nato (SDZ 03.05.2014: 15).

Цветообозначение *blau* символизирует здесь ЕС и НАТО. Голубая окраска стран в примере указывает на то, что эти страны, прежде ориентировавшиеся или входящие в СССР, сегодня поменяли свой курс и обратились к Западу.

Цветообозначение *blau* часто появляется в немецкой прессе, символизируя также 3) **демократическую партию США**, например: *Das zweite Experiment heißt Chris Christie. Als republikanischer Gouverneur in einem Staat mit zwei demokratischen Parlamentskammern hat er keine andere Wahl, als dem politischen Gegner die Hand zu geben. Nach dem verheerenden Hurrikan Sandy im Herbst 2012 erhob Christie diesen Stil zum Markenzeichen. All seine Energie widmete er den Sturmopfern in seinem Küstenstaat. Die politischen Farben Rot und Blau waren wie weggespült, Christie umarmte sogar den demokratischen Präsidenten Obama, weil der schnell Geld und Helfer geschickt hatte* (SDZ 10.01.14: 18). В указанном примере данное цветообозначение выражено субстантивированным прилагательным *der Blau*. Крис Кристи представляет республиканскую партию (официальный цвет — красный) в государстве с двумя парламентскими палатами, придерживающимися демократических политических взглядов (официальный цвет — голубой). *Rot und Blau* свидетельствуют о том, что в данной ситуации различия между двумя политическими силами на определенное время как будто перестают существовать.

Цветообозначение *blau* ассоциируется в Германии также с 4) **полицией**, т. к. синий цвет является цветом полицейской формы в Германии: *Aus BGS wird Bundespolizei. Den neuen Namen für den Bundesgrenzschutz beschließt das Kabinett im Januar, ab 1. Juli soll er gelten. Auch das Erscheinungsbild der Innenminister Otto Schily (SPD) unterstellten Truppe verändert sich: Die Beamten erhalten die Polizeifarbe Blau* (FOCUS 26.05.2014: 13). Данный пример показывает, что синий цвет является цветом Федеральной полиции в Германии, ранее — Федеральной пограничной охраны, после переименования поменявшей также и цвет своей формы.

В последнее время цветообозначение *blau* в немецкой прессе также появляется в контексте различных национальных кампаний и программ, например: 1. *Um ein Zeichen gegen das Rauschtrinken zu setzen, startet die Krankenkasse DAK-Gesundheit jetzt zum fünften Mal ihre Präventionskampagne „bunt statt blau — Kunst gegen Komasaufen“. Seit 2010 wurden bei „bunt statt blau“ bereits 52 000 Schüler mit ihren Plakaten zu Botschaftern gegen das Komasaufen* (RZ 17.01.2014: 15). Цветообозначение *blau* в данном примере выступает в названии кампании *bunt statt blau*, направленной на борьбу с

алкогольной зависимостью, организованной общенациональной медицинской страховой службой *DAK-Gesundheit*. 2. *Das soll sich jetzt ändern, und damit wollen die Verantwortlichen auch die EU-Wasserrahmenrichtlinie umsetzen, die den Mitgliedstaaten vorschreibt, ihre Gewässer in einen guten ökologischen Zustand zu bringen.* „Die Renaturierung des Bachs ist eine erhebliche ökologische Aufwertung“, betonte Rummel. Nach Angaben von Dagmar Menges kostet die Umgestaltung 80 000 Euro. 90 Prozent finanziert das Land über das Förderprogramm „Aktion Blau plus“. 10 Prozent kommen vom Kreis aus dem Ausgleichstopf für den Bau des Industriegebiets Plaidt Süd (RZ 15.02.2014: 27). В данном примере, цветообозначение *blau* употребляется в названии программы по восстановлению природных водных источников *Aktion Blau Plus*.

В ходе исследования встретились также языковые факты функционирования цветообозначения *blau* в значении 5) **национального цвета Украины наряду с желтым**, например: *In der Westukraine gilt den Menschen im Süden und Osten als Hort von Nationalisten und Separatisten. Die beherrschenden Farben in der Stadt sind Blau und Gelb, die Farben der Ukraine und Europas. Die große Mehrheit der Menschen hier will die Ukraine als Gesamtstaat erhalten* (DZ 06–14: 4). *Blau und Gelb beisammen: Seit Dezember schwenken Demonstranten in Kiew nicht nur die ukrainische, sondern auch die europäische Flagge. Jetzt gibt es die Annäherung auch offiziell; beim Gipfel in Brüssel unterzeichneten beide Seiten ein Abkommen. Nun suchen sie einen Kurs gegenüber Moskau* (SDZ 22.01.2014: 8). В приведенных примерах цветообозначение *blau*, выраженное субстантивированными прилагательными, символизирует как официальный цвет Украины, так и цвет Европы. В последнее время в связи с последними политическими обстоятельствами примеров с двойным значением голубого становится все больше.

Статистика частотности реализации указанных значений: «немецкая либеральная партия *FDP*» (21,9 %), «ЕС и НАТО» (19,8 %), «полиция Германии» (14,6 %), а также «Украина и всё, что с ней связано» (12,5 %), «демократическая партия США» (10,4 %).

В целом следует отметить, что цветообозначение *blau* не так часто фигурирует в текстах политической тематики. Процент частотности употребления данного цветообозначения от общего числа примеров составил 13,2 %.

Цветообозначение *violett* по сравнению с остальными цветообозначениями не настолько широко распространено в немецком политическом дискурсе.

Фиолетовый цвет традиционно имеет значения интеллекта, святости, религиозности, покаяния, смирения, умеренности. Вместе с тем это цвет печали, ностальгии, траура.

В современном немецком политическом дискурсе символизм цветообозначения *violett* также находит свое отражение. Установлено, что данное цветообозначение может выражать 1) **политическую принадлежность, а именно принадлежность к немецкой партии Die Violetten**, например: *Mein Vorschlag an Sie: Namenswechsel! Christlich Demokratische Alternative Liste (CDAL), Synonym: Chamäleonpartei. Da wäre für jeden was dabei. Und genau das ist auch der Vorteil des Chamäleons: Es verändert die Farbe, je nach Situation. In bunt stecken ja auch alle Farben drin; ob Rot-Grün, Schwarz-Grün-Gelb, Rot-Rot-Grün, sogar braun und violett ist darin enthalten* (taz 27.06.2012: 24). Цветообозначение *violett* в данном примере наряду с другими цветообозначениями указывает на то, что речь идет о политических партиях, каждый цвет характеризует какую-либо партию или коалицию. *Violett* же является основным цветом партии *Die Violetten*: *Heute gibt es außer dem Proletariat auch das Prekariat, es gibt Alg II und Hartz IV, es gibt Arbeiter, die Aktien kaufen, und SPD-Vorsitzende, die Arbeitslose beschimpfen, es gibt einen Aufschwung mit Abschwunggefühl, es gibt die Neue Mitte, die aber auch schon wieder alt ist. Dafür ist die CDU jetzt orange, fast schon rot. Und die Linkspartei schleicht sich in den Umfragen in Violett heran. Es ist, als sei die SPD nur kurz mal aufgestanden, um sich umzusehen in dieser neuen Welt, und seitdem hämen Gysi-Bisky-Lafontaine: „Weggegangen, Platz vergangen! Ätschibätsch.“* (DZ 26.07.2007: 14). В данном примере цветообозначение *violett* используется для передачи того, что стиль правления партии *Die Linken* по различным опросам стал похож на стиль правления партии *Die Violetten*.

Цветообозначение *violett* еще является 2) **цветом общественного объединения Германии Aktionsbündnis Amoklauf Winnenden** по борьбе с насилием в школе: *Aktionsbündnis Amoklauf Winnenden: Hardy Schober hingegen hat es sich zur Aufgabe gemacht, die Erinnerung nicht verblassen zu lassen. Er gab seinen Beruf als Immobilienmakler auf und arbeitet nun im Vorstand des Aktionsbündnisses. Mit drei weiteren Mitarbeitern hat er im November ein großes Büro in der Innenstadt von Winnenden bezogen. Tischtücher, Kissen, Kerzenhalter, selbst Hardy Schobers Krawatte — alles ist in Violett gehalten, der Farbe des Logos des Aktionsbündnisses* (DZ 11.03.2010: 18). Данное значение цветообозначения *violett* связано и с его традиционным значением цвета траура, так как данная организация основана в память жертв событий 2009 года, в результате которых погибло несколько человек.

Так же, как и красный, фиолетовый цвет в немецком политическом дискурсе имеет значение 3) **предупреждения в ситуации опасности высшей степени (при природных катастрофах)**, например: *In Nordfriesland fuhr keine Fähre zwischen Sylt und Dänemark. Die Meteorologen riefen gestern Morgen für die nordfriesische Küste die höchste Warnstufe „violett“ aus* (ММ 10.11.2007: 16). Цветообозначение *violett* в приведенном примере указывает на то, что погодная обстановка в данных регионах крайне опасна и несет непосредственную угрозу жизни людей.

Анализ частотности реализации отдельных значений цветообозначения *violett* в современном немецком политическом дискурсе показал следующие результаты: «политическая принадлежность, а именно принадлежность к немецкой партии *Die Violetten*» (40 %), «общественное объединение *Aktionsbündnis Amoklauf Winnenden*» (26 %), «предупреждение в ситуации опасности высшей степени (при природных катастрофах)» (34 %).

Анализ языковых фактов позволил определить, что цветообозначение *violett* фигурирует в публицистике политической тематики не так часто по сравнению с остальными базовыми цветообозначениями. Процент употребления данного цветообозначения от общего числа проанализированных примеров составил 6,9 %.

4. Выводы

Проведенное исследование функционального потенциала базовых цветообозначений *rot, orange, gelb, grün, blau, violett* в немецком политическом дискурсе показало, что все из них имеют политическую окраску, демонстрируя реализацию как традиционных, так и новых значений, отражающих современные реалии общественно-политической жизни Германии. Самыми частотными среди указанных цветообозначений являются цветообозначения *grün* и *rot*, что связано, в первую очередь, с высоким уровнем дискуссии в немецких политических кругах по проблемам экологии и напряженности не только в разных странах мира, но и в связи с протестными настроениями в самой Германии.

Полученные результаты исследования расширяют имеющиеся в политической лингвистике и современной германистике сведения о семантическом пространстве базовых цветообозначений в немецком языке, иллюстрируя их политическую окраску.

Список литературы / References

Бабайцев А. В. Политический символизм цвета // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. № 3. С. 56–62. [Babaytsev,

- Andrey. (2007) *Politicheskiy simbolizm tsveta* (Political Symbolism of Color). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 3, 56–62. (In Russian)].
- Борисова Д. Н. К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 21. С. 32–37. [Borisova, Daria N. (2008) K probleme vybora termina dlya nazvaniya form tsvetooboznacheniya v yazyke (To the Problem of Choosing a Term for the Name of Color Designation Forms in the Language). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 21, 32–37. (In Russian)].
- Василевич А. П. Цветообозначения как проблема терминологии и перевода // Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначения в языках разных систем). М.: Наука, 1987. С. 59–87. [Vasilevich, Aleksandr P. (1987) Tsvetooboznacheniya kak problema terminologii i perevoda (Color Meanings as a Problem of Terminology and Translation). *Issledovaniye leksiki v psikholingvisticheskom eksperimente (na materiale tsvetooboznacheniya v yazykakh raznykh sistem)* (Study of Vocabulary in a Psycholinguistic Experiment (Based on Color Meanings in Languages of Different Systems)). Moscow: Nauka, 59–87. (In Russian)].
- Василевич А. П. Язык и культура: сопоставительный анализ группы слов — цветообозначений // Этнопсихолингвистика. М.: Наука, 1988. С. 58–63. [Vasilevich, Aleksandr P. (1988) Yazyk i kul'tura: sopostavitelnyy analiz gruppy slov — tsvetooboznacheniy (Language and Culture: Comparative Analysis of a Group of Words — color Meanings). *Etnopsikholingvistika* (Ethnopsycholinguistics). М.: Nauka, 58–63. (In Russian)].
- Вендина Т. П. Семантико-символическая парадигма цвета в контексте словообразования // *Etnolingwistyka*. Lublin, 2000. № 12. С. 189–203. [Vendina, Tatiana P. (2000) Semantiko-simvolicheskaya paradigma tsveta v kontekste slovoobrazovaniya (Semantic-symbolic Paradigm of Color in the Context of Word Formation). *Etnolingwistyka*. Lublin, 12, 189–203. (In Russian)].
- Зольникова Ю. В. Цветовые фразеологизмы как фрагмент идиоматической картины мира русского и немецкого языков: на материале лексикографических источников: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Тюмень, 2010. [Zolnikova, Yuliya V. (2010) *Tsvetovyye frazeologizmy kak fragment idiomaticheskoy kartiny mira russkogo i nemetskogo yazykov: na materiale leksikograficheskikh istochnikov* (Color Designation Phraseologisms as a Fragment of the Idiomatic Picture of the World of Russian and German Languages: on the Material of Lexicographic Sources: PhD Thesis in Philology) 10.02.20. Tyumen. (In Russian)].
- Керимов Р. Д. Лингвосимволика цвета в немецкоязычной политической культуре // Политическая лингвистика. 2013. № 2. С. 107–124. [Kerimov, Ruslan D. (2013) Lingvosimvolika tsveta v nemetskoyazychnoy politicheskoy kulture (Linguosymbolics of Color in German-speaking Political Culture). *Political Linguistics Journal*, 2, 107–124. (In Russian)].
- Кукушкина А. Т., Гайдукова Т. М. Цветообозначения в современном немецком языке (человек и части его тела): монография. Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009. [Kukushkina, Aleksandra T., Gaydukova, Tamara M. (2009) *Tsvetooboznacheniya v sovremennom nemetskom yazyke (chelovek i chasti ego tela): monografiya* (Color Meanings in Modern German (Man and Parts of His Body): monograph). Nizhny Novgorod: NGLU im. N. A. Dobrolyubova. (In Russian)].

- Кулинская С. В. Цветообозначения: национально-культурные особенности функционирования: на материале фразеологии и художественных текстов русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 2002. [Kulinskaya, Svetlana V. (2002) *Tsvetooboznacheniya: natsionalno-kulturnyye osobennosti funktsionirovaniya: na materiale frazeologii i khudozhestvennykh tekstov russkogo i angliyskogo yazykov* (Color Meanings: National-cultural Features of Functioning: on the Material of Phraseology and Artistic Texts of Russian and English: PhD Thesis in Philology) 10.02.19. Krasnodar. (In Russian)].
- Никонова Ж. В., Соловьева Е. В. Лингвокультурная специфика современного немецкого политического дискурса (на примере текстов дебатов в бундестаре) // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 75–82. [Nikonova, Zhanna V. & Soloveva, Ekaterina V. (2019) Lingvokul'turnaya specifika sovremennogo nemeckogo politicheskogo diskursa (na primere tekstov debatov v bundestage) (Linguocultural Specifics of the Modern German Political Discourse (Based on Texts of Bundestag Debates). *Political Linguistics Journal*, 2 (74), 75–82. (In Russian)].
- Свешиникова Г. С. Типологический анализ фразеологических единиц с компонентами-прилагательными, обозначающими цвет (на материале немецкого, английского и шведского языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 1969. [Sveshnikova, Galina S. (1969) *Tipologicheskiy analiz frazeologicheskikh edinit s komponentami-prilagatelnyimi, oboznachayushchimi tsvet (na materiale nemetskogo, angliyskogo i shvedskogo yazykov)* (Typological Analysis of Phraseological Units with Adjective Components Denoting Color (on the Material of German, English and Swedish): PhD Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Altmann, Hans. (1999) Zur Semantik der Farbadjektive im Deutschen. In: Schindler, W.; Untermann, J. (Hgg.): *Grippe, Kamm und Eulenspiegel*. Festschrift für Elmar Seebold zum 65. Geburtstag. Berlin / New York, 1–21. (In German).
- Bernhart, Toni. (2008) Die Vermessung der Farben in der Sprache. *Z Literaturwiss Linguistik*, 38, 56–78. (In German).
- Braem, Harald. (1985) *Die Macht der Farben*. Herbig: Wirtschaftsverlag Langen-Müller. (In German).
- Gericke, Lothar. (1970) *Das Fenomen Farbe*. Berlin: Enzyklopädie. (In German).
- Gericke, Andreas. (1990) *Erlebnis Farbe. Farbwirkung. Farbassoziation. Farbsymbolik*. Berlin. (In German).
- Gipper, Helmut. (1957) Über Aufgabe und Leistung der Sprache beim Umgang mit Farbe. *Die Farbe*, 6, 23–48. (In German).
- Heller, Eva. (2005) *Wie Farben wirken. Farbpsychologie. Farbsymbolik. Kreative Farbgestaltung*. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag. 2. Auflage. (In German).
- Kaiser, Anne. (2006) *Ästhetik der politischen Farben — Farbenlehre als Mittel der politischen Inszenierung*. München: GRIN Verlag. Retrieved from: <https://www.grin.com/document/76347>. (In German).
- Lehmann, Beat. (1998) *ROT ist nicht „rot“ ist nicht [rot]: Eine Bilanz und Neuinterpretation der linguistischen Relativitätstheorie*. Tübingen: Narz. (In German).
- Ludwig, K.-D. (1966) *Die Farbenbezeichnungen in der deutschen Gegenwartssprache Text*. Sprachpflege, 12, 241–245. (In German).
- Riedel, Ingrid. (1999) *Farben in Religion, Gesellschaft, Kunst und Psychotherapie*. Stuttgart: Kreuz. (In German).

- Schüler, Bernd. (2006) *Farben als Wegweiser in der Politik*. Retrieved from: <http://www.bpb.de/apuz/29753/farben-als-wegweiser-in-der-politik?p=all> (In German).
- Späti, Christina. (2010) Politische Farben. *Historisches Lexikon der Schweiz (HLS)*, Version vom 22.12.2010. Retrieved from: <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/041631/2010-12-22/>. (In German).
- Wittmers, Edith, Pfütze, Max. (1967) Farbbezeichnungen der Mode in beiden deutschen Staaten. *Sprachpflege, Zeitschrift für gutes Deutsch*, 7, 136–140. (In German).

Источники языкового материала / Language material resources

- (BZ) Braunschweiger Zeitung. *Corpus Search, Management and Analysis System*. Retrieved from: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/> (In German).
- (taz) die tageszeitung. *Corpus Search, Management and Analysis System*. Retrieved from: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/> (In German).
- (DZ) Die Zeit (Online-Ausgabe). *Corpus Search, Management and Analysis System*. Retrieved from: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/> (In German).
- (FOCUS) FOCUS. *Corpus Search, Management and Analysis System*. Retrieved from: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/> (In German).
- (HM) Hamburger Morgenpost. *Corpus Search, Management and Analysis System*. Retrieved from: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/> (In German).
- (MM) Mannheimer Morgen. *Corpus Search, Management and Analysis System*. Retrieved from: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/> (In German).
- (NN) Nürnberger Nachrichten. *Corpus Search, Management and Analysis System*. Retrieved from: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/> (In German).
- (RZ) Rhein-Zeitung. *Corpus Search, Management and Analysis System*. Retrieved from: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/> (In German).
- (SDZ) Süddeutsche Zeitung. *Corpus Search, Management and Analysis System*. Retrieved from: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/> (In German).

УДК 811.11.2'42:811.112.2'27:811.112.2'38
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-si-93-102

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ ТИПА «ФЕЙК-НЬЮС» (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Ж. В. Никонова¹, Е. В. Соловьева²

¹Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

В статье с позиций лингвистической прагматики и её центральной концепции — теории речевых актов — анализируется тип текстов «фейк-ньюс». Специфика данного типа текстов заключается в том, что, онтологически являясь носителем фактологической информации, новостные тексты типа «фейк-ньюс» содержат заведомо ложную информацию, умышленно помещенную в оболочку реальных событий и часто имеющую провокативный характер. Чаще всего данный тип текста функционирует в политическом дискурсе, приобретая глобальный характер. Авторами обосновывается актуальность и практическая значимость лингвистического исследования феномена фейков, обусловленная необходимостью поиска эффективных инструментов для идентификации и выявления истинной природы фейковых новостей, а также особенностей их функционирования в сфере политической коммуникации. На материале современного немецкого политического дискурса прослеживается тенденция использования текстов «фейк-ньюс» с целью дискредитирования, очернения и понижения авторитета определенных политических сил и отдельных политических деятелей, рассматриваются основные характеристики текстов типа «фейк-ньюс». Выявляются проблемы лингвистического исследования и верификации текстов «фейк-ньюс» для выработки моделей их описания и практических рекомендаций пользователям по их обнаружению в дискурсе. Обосновывается высокий объяснительный потенциал теории речевых актов, предлагающей эффективные инструменты изучения механизма манипулирования и дискредитации в текстах типа «фейк-ньюс» через понятия иллокутивной силы, иллокутивного акта и перлокутивного эффекта высказывания. Проводится анализ иллокутивной структуры фейковых сообщений, по результатам которого делается вывод о том, что высокий перлокутивный эффект фейковых новостей в современном немецком политическом дискурсе обусловлен интеграцией ложного пропозиционального содержания в иллокутивную структуру «утверждения», строящуюся в соответствии с конститутивными правилами иллокуции типа текста «новость». Оцениваются перспективы лингвистического исследования «фейк-ньюс» текстов в парадигме теории речевых актов, связанные с выявлением языковых маркеров намеренного искажения истинности пропозиционального содержания новостного текста.

Ключевые слова: «фейк-ньюс»; немецкий политический дискурс; теория речевых актов; пропозициональное содержание; иллюкуция.

On the Linguistic Analysis of Fake News Texts in German Political Discourse

Zhanna V. Nikonova¹, Ekaterina V. Soloveva²

¹N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

²N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article analyzes fake news texts from the perspective of linguistic pragmatics and its key concept, speech act theory. The specificity of fake news lies in the fact that, while ontologically functioning as a carrier of factual information, this type of text contains intentionally false information deliberately presented as real facts, often rendered provocative. Linguistic study of the fake news phenomenon is especially relevant since there is a clear demand for effective tools that would help disclose fake news texts, understand their nature, and describe functional features of such texts in political communication. Analyzing the modern German political discourse, the authors identify a trend of using fake news texts to vilify and destroy the authority and reputation of certain political forces and describe a number of key features of fake news texts. The article outlines issues related to the linguistic study and verification of fake news texts with the hope to develop reliable models for describing this text type and to develop practical guidelines that would enable users to detect fake news in discourse. The study justifies the high explanatory potential of the speech act theory which offers objective means to examine the manipulation mechanism in fake news texts in terms of the illocutionary force and the perlocutionary effect of an utterance. The analysis of the illocutionary structure of fake news messages leads to the conclusion that false propositional content in conjunction with the constitutive rules of the illocution “statement” of the text type “news” is conditional on the high perlocutionary effect of fake news in the modern German political discourse. The article evaluates the prospects of studying fake news texts from within the paradigm of the speech act theory and links them to identifying linguistic markers of deliberate distortion of the true propositional content.

Key words: fake news; German political discourse; speech act theory; propositional content; illocution.

1. Введение

Современная эпоха предлагает человеку и обществу множество вызовов, требующих, прежде всего, изучения и осмысления. Особое место в этой связи занимают проблемы выживания и безопасности.

Противостояние, эскалация напряженности, открытые, в том числе военные, конфликты, клевета, травля стали обычными спутниками отношений не только между людьми и общественными группами, но и между отдельными государствами и коалициями стран. В этой обстановке рождаются и развиваются специфичные формы коммуникации, демонстрирующие по форме и, казалось бы, по содержанию текста типовые признаки, отличные от его истинной природы. Назовем условно это явление, по аналогии с биологическими феноменами, текстовой мимикрией.

Понятие мимикрии, восходящее к трудам Г. Уолтера по зоологии, служит в биологической науке для обозначения случаев чрезвычайно внешнего сходства между видами животных, принадлежащих к различным родам, семействам и отрядам, которое вырабатывается в ходе эволюции в основном с целью выживания. В настоящее время в науке отмечаются случаи мимикрии не только у животных, но и у растений и даже у людей. В частности, отмечается, что в природе встречаются особи, использующие мимикрию не для защиты, а для нападения. Общеизвестным является факт растений-убийц, которые благодаря своей яркой эффектной форме привлекают насекомых и, используя особенности своего строения и ферментов, заманивают их внутрь цветка, откуда они уже не могут выбраться и используются растением в качестве питания.

Подобный перенос убийственного свойства мимикрии на формы человеческой коммуникации мы наблюдаем в настоящее время на примере такого феномена, как «фейк-ньюс», который привлек внимание исследователей относительно недавно (само выражение появилось в английском языке в 2016–2017 годах). Новостной текст, будучи по своим онтологическим характеристикам носителем фактологической информации, содержит в данном случае ложную информацию, часто искусно вкрапляемую в оболочку действительных событий или имеющую заведомо постановочный провокативный характер.

На текущий момент фейковые новости официально получили статус одной из угроз национальной безопасности многих государств наряду с пандемией и изменением климата. Активно разрабатывается и ужесточается антифейковое законодательство, поддерживаются и стимулируются научные разработки эффективных методик распознавания и разоблачения фейковых текстов. Становится очевидным, что фейки, распространяющиеся намного быстрее настоящих новостей, представляют собой глобальный вызов современному обществу (Иссерс 2014; Карасик 2017; Ефанов 2018; Аиртон, Позетти 2019; Головацкая 2019; Кошкарова 2018; Кошкарова, Бойко 2020) и требуют пристального изучения лингвистов с целью поиска эффективных инструментов для идентификации и доказательств истинной природы фейковых новостей. Это определяет актуальность настоящей работы, целью которой является освещение объяснительного потенциала теории речевых актов и апробация данной методологии в отношении установления факта псевдоновостного характера изучаемого феномена.

2. Характеристика материала и методов исследования

Предметом исследования выступают лингвистические особенности текстов типа «фейк-ньюс», изучаемые на материале современного немец-

кого политического дискурса с позиций лингвопрагматики и теории речевых актов. В рамках современной теории речевых актов, признаваемой концептуальным ядром лингвистической прагматики, исследователями разрабатываются и апробируются объективные инструменты изучения специфических типов текстов, имеющих особую актуальность в контексте современной лингвистической безопасности.

В широком понимании фейки представляют собой «медиапродукты в формате новостной журналистики, но с неопределенным истинностным значением, которые конструируются влиятельными акторами и распространяются влиятельными медиа-агентами для достижения политических или коммерческих целей, легитимируются авторитетными новостными медиа и воспринимаются целевыми группами как достоверные новости из надежных источников» (Пономарев 2019: 128). Активное изучение феномена «фейк-ньюс» в лингвистике позволило выделить на настоящий момент основные характеристики текстов данного типа, а именно: нарушение принципов нейтральности и объективности в плане выражения новостных сообщений (повышенная эмоциональность, субъективность, оценочность), манипуляции с фактами (замалчивание, акцентирование, подмена, фикция и др.), кричащие провокационные заголовки, ссылки на авторитетные анонимные источники, применение автором тактики навешивания ярлыков, включение в текстовую структуру помимо констатирующих сообщений также предположений, догадок и прогнозов деструктивного характера (Корецкая 2017а, 2017б; Суходолов, Бычкова 2017; Жук Д.А., Жук Д.В., Третьяков 2018; Иванищева 2018; Чанышева 2018; Николаева 2019).

Исследователи отмечают факты возникновения фейк-ньюс текстов в разных типах дискурса — рекламном, научном, политическом. Современный политический дискурс представляет собой самую частотную сферу функционирования фейков (Balmas 2014; Conroy, Rubin, Chen 2015; Grieve 2018; Schmid, Lennart, Walter 2018; Statista 2018; Arendt, Heim, Beck 2019; Marquardt 2019; Roy, Fiete, Chi, Sarani 2019; Oshikawa, Qian, Yang Wang 2020).

Политическая коммуникация, направленная на осуществление борьбы за власть, ставит перед собой цель оказания максимального и эффективного воздействия на реципиента любой ценой (Никонова, Соловьева 2019). Мимикрируя под достоверное новостное сообщение, основанное на реальном факте, данный тип текста претендует на истинность, по крайней мере, именно ее ожидает неискушенный читатель, встречаясь с новостным продуктом.

Современный немецкий политический дискурс, к сожалению, не является счастливым исключением из тенденции широчайшего распростра-

нения фейк-ньюс. Как показывает анализ эмпирического материала, ведущие немецкие издания совсем не гнушаются трансляцией фейков в своих новостных блоках. Часто в таких публикациях четко прослеживается цель дискредитирования, очернения и понижения авторитета определенных политических сил и государств на международной политической арене.

Одним из самых показательных фейковых скандалов нашего времени в немецкой качественной прессе стало так называемое «дело Клааса Релотиуса» — успешного публициста, лауреата многих престижных премий, 7 лет работавшего в штате журнала *Der Spiegel*, по прошествии которых он был разоблачен своими же коллегами по цеху как беспринципный изобретатель и транслятор фейковых новостей, автор фейковых сюжетов и персонажей, которые в течение длительного времени представлялись широкому кругу читателей журнала как реальные и достоверные, из-за чего журналист был подвержен общественной критике, лишен полученных наград и уволен из издания. Абсолютным фейком официально признана серия его репортажей о судьбе сирийского мальчика, одинокого борца с режимом Асада, который якобы находился на связи с упомянутым журналистом в течение нескольких лет и снабжал его горячими новостями и подробностями о ситуации в военной Сирии. Для наглядного иллюстрирования механизма создания фейковой новости в газетной статье приведем фрагмент этой истории из репортажа, принадлежащего перу упомянутого журналиста:

*Mouawiya Syasneh war 13 Jahre alt, als er Baschar al-Assad öffentlich beleidigte und zur **Ikone der syrischen Revolution** wurde. Heute, nach sieben Jahren im Krieg, wartet er als junger Mann in der **Rebellenhochburg Daraa** auf die vielleicht **letzte Schlacht gegen das Regime**. Redakteur Claas Relotius konnte nicht mehr nach Daraa hinein, deshalb begleitete er Syasneh über Wochen hinweg am Handy, ließ sich per Livevideo durch **Viertel aus Ruinen** führen und bekam so mit, wie die syrische Armee von Tag zu Tag näher rückte. Als **Bomben auf Daraa fielen**, fragte ihn Mouawiya Syasneh: „Stimmt es, dass Russland, Assads **Verbündeter**, gerade zur Weltmeisterschaft im Fußball **einlädt**?“ (Der Fall Relotius. Die Original-Texte und die Ergebnisse der Überprüfung. Der Spiegel, 22 Juni 2018).*

В приведенном контексте автором успешно конструируется образ фейкового персонажа как героя, борца за свободу родной страны, противостоящего жестокой и деспотичной системе. Для этого журналист использует, как мы видим в примере, героизирующие метафоры *икона сирийской революции, оплот повстанцев, последняя битва с режимом, кварталы из руин*. Однако данный фейковый эпизод не ограничивается зарисовкой образа страдающего героя, для большей убедительности автор

помещает в статье также фейковую цитату — несуществующие слова несуществующего персонажа: *А правда ли, что Россия — союзник Асада, как раз сейчас приглашает к себе на чемпионат мира по футболу?* Эта фраза содержит косвенное обвинение России в участии в военных действиях на стороне репрессивного режима, а также косвенный упрек мировой общественности, допустившей проведение футбольного соревнования столь высокого ранга в таком «дискредитировавшем себя» государстве. Голосом персонажа при этом говорит все тот же журналист, что позволяет ему эффектно манипулировать сознанием доверчивого читателя.

Следует отметить, что участие России в сирийском конфликте далеко не единственная благодатная почва для создания фейковых новостей и историй в современной немецкой публицистике. Другой такой темой, рождающей вокруг себя многочисленные фальсификации в прессе, является позиция российского государства относительно пропаганды нетрадиционных сексуальных ориентаций, которую немецкие журналисты определяют не иначе как «официальную гомофобию». Однако в этой тематике излюбленным приемом создания фейковых новостей является уже не фальсификация факта (как в случае с Релоциусом), а субъективная интерпретация реального эпизода. Рассмотрим один из таких примеров — фрагмент статьи из издания *ZEIT ONLINE*, описывающей задержание российской полицией мужчины с радужным флагом во время эстафеты олимпийского огня:

*Beim Fackellauf in Russland haben Sicherheitsleute einen Mann mit **Regenbogenflagge auf den Boden geworfen**. Er wurde festgenommen, weil er **gegen Homophobie protestierte**.*

*Ein homosexueller Aktivist ist beim olympischen Fackellauf in Russland festgenommen worden, weil er eine **Regenbogenfahne zeigte**. Freunde von Pawel Lebedew haben Fotos ins Internet gestellt, die zeigen, wie Lebedew mit der Fahne von Sicherheitsleuten überwältigt wird. Mit seiner Aktion **habe er gegen die wachsende Homophobie in Russland demonstrieren wollen**, sagte Lebedew. (Homosexueller Demonstrant beim Fackellauf festgenommen. ZEIT ONLINE, 14 Januar 2014).*

Изучение широкого контекста этой истории позволяет выяснить, что реальный факт заключался в том, что во время эстафеты мужчина с флагом ЛГБТ выбежал за ограждение, нарушив тем самым общественный порядок и создав угрозу безопасности проведения мероприятия. По этой причине нарушитель был схвачен представителями службы безопасности. Однако, как мы видим, в истории немецкого журналиста акценты существенно смещены, и тем самым у читателя создается совсем иное впечатление от восприятия данного сюжета. Задержанный мужчина называется не кем

иным как *активистом* (слово несет в себе положительную оценку), совершенный им поступок обозначается как *акция, протест, демонстрация*, действия силовиков по отношению к нему описываются как *бросили на землю*, а факт выхода нарушителя за ограждение и вовсе умалчивается (фото, свидетельствующие об этом, позднее появились в Сети как опровержение данной новости). Таким образом, в указанном эпизоде на основе реального факта путем искажения его и смещения акцентов также создается ложный, псевдогероический образ борца с консервативной и авторитарной системой, так часто используемый немецкими журналистами ведущих изданий для транслирования определенных оценок и идей в массовое сознание читателя. И, как мы видим, лингвистические средства стоят на службе автора текста в его намерении дискредитировать оппонента.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Проведенное исследование показывает, что последовательный и всесторонний лингвистический анализ текстов типа «фейк-ньюс» обуславливает возможность выработки моделей их описания и практических рекомендаций пользователям по их обнаружению в дискурсе.

Изучение конкретных примеров текстов типа «фейк-ньюс» позволяет выделить и сформулировать основные проблемы лингвистического анализа данного феномена на современном этапе, главной из которых является то, что фейк в тексте можно выявить на основе прецедентов-опровержений только постфактум.

Определенные трудности представляет собой также отбор объективных параметров для анализа текстов такого типа.

Следует отметить, что достаточно эффективным подходом к решению обозначенных проблем выступает теория речевых актов, предлагающая объективные инструменты изучения механизма манипулирования в текстах типа «фейк-ньюс».

В частности, проведенный нами анализ иллокутивной структуры текстов фейк-ньюс выявляет тот факт, что ложное пропозициональное содержание в комбинации с конститутивными правилами иллокуции «утверждения» типа текста «новость», постулирующими истинность суждения, создает условия для особой успешности текстов типа «фейк-ньюс», определяемой их высоким перлокутивным эффектом.

Научный поиск в данном направлении с опорой на имеющийся в лингвистической прагматике опыт изучения проблемы истинности / ложности речевого акта даст, на наш взгляд, искомый результат по выявлению языковых маркеров намеренного искажения истинности пропозиционального содержания текстов «фейк-ньюс», которые, как было по-

казано выше, объективно обнаруживаются при лингвистическом анализе практического материала.

Список литературы / References

- Аиртон Ш., Позетти Дж.* Журналистика, «фейковые новости» и дезинформация: Руководство по академической и профессиональной подготовке журналистов. UNESCO, 2019. [Ireton, Cheryl & Posetti, Julie (2019) *Zhurnalistika, «fejkovye novosti» i dezinformaciya: Rukovodstvo po akademicheskoy i professional'noj podgotovke zhurnalistov* (Journalism, 'Fake News' & Disinformation: Handbook for Journalism Education and Training). UNESCO. (In Russian)].
- Головацкая О. Е.* Значение и происхождение термина «Fake news» // Коммуникология. 2019. Том 7. № 2. С. 139–152. doi 10.21453 / 2311-3065-2019-7-2-139-152. [Golovackaya, Olga E. (2019) *Znachenie i proiskhozhdenie termina «Fake news»* (The Meaning and the Origin of “Fake News” Concept). *Communicology*, 7, 2, 139–152. (In Russian)]. DOI: 10.21453 / 2311-3065-2019-7-2-139-152.
- Ефанов А. А.* Функционирование псевдо-новости в полях телевидения и Интернета: типология, практики, социальные эффекты // Коммуникология. 2018. Том. 6. № 1. С. 156–165. [Efanov, Aleksandr A. (2018) *Funkcionirovanie psevdo-novosti v polyah televideniya i Interneta: tipologiya, praktiki, social'nye efekty* (Fakes on Television and Internet: Typology, Practices, Social Effects). *Communicology*, 6, 1, 156–165. (In Russian)].
- Жук Д. А., Жук Д. В., Третьяков А. О.* Методы определения поддельных новостей в социальных сетях с использованием машинного обучения // Информационные ресурсы России. 2018. № 3. С. 29–32. [Zhuk, Denis V., Zhuk, Daria A., & Tretyakov, Arseny O. (2018) *Metody opredeleniya poddel'nyh novostej v social'nyh setyah s ispol'zovaniem mashinnogo obucheniya* (Methods for Determining Fake News in Social Networks Using Machine Learning). *Information Resources of Russia*, 3, 29–32. (In Russian)].
- Иванищева О. Н.* Фейковые новости как новая форма пропаганды // Человек. Культура. Образование. 2018. № 4. С. 104–109. [Ivanishcheva, Olga N. (2018) *Fejkovye novosti kak novaya forma propagandy* (Fake News as a New Form of Propaganda). *Human. Culture. Education*, 4, 104–109. (In Russian)].
- Иссерс О. С.* Медиафейки: между правдой и мистификацией // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 112–123. [Issers, Oksana S. (2014) *Mediafejki: mezhdu pravdoj i mistifikaciej* (Mediafake: between Truth and Hoax). *Communication studies*, 2, 112–123. (In Russian)].
- Карасик В. И.* Фактоиды как лингвокультурное явление // Политическая лингвистика. 2017. № 3 (63). С. 21–30. [Karasik, Vladimir I. (2017) *Faktoidy kak lingvokul'turnoe yavlenie* (Factoids as a Linguocultural Phenomenon). *Political Linguistics Journal*, 3 (63), 21–30. (In Russian)].
- Корецкая О. В.* Фейковые новости как объект изучения медиалингвистики (на материале англоязычных СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017а. № 9 (75): в 2-х ч. Ч. 1. С. 118–120. [Koreckaya, Olga V. (2017a) *Fejkovye novosti kak ob'ekt izucheniya medialingvistiki (na materiale angloyazychnyh SMI)* (Fake News as the Object of Study of Media-linguistics (by the Material of English Media). *Philology. Theory & Practice*, 9 (75), 1, 118–120. (In Russian)].

- Корецкая О. В. Концепт POST-TRUTH как лингвистическое явление современного англоязычного медиадискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017б. № 7 (73): в 3-х ч. Ч. 3. С. 136–138. [Koreckaya, Ol'ga V. (2017б) Koncept POST-TRUTH kak lingvisticheskoe yavlenie sovremennogo angloyazychnogo mediadiskursa ("Post-truth" Concept as a Linguistic Phenomenon of the Modern English Media-discourse). *Philology. Theory & Practice*, 7 (73), 3, 136–138. (In Russian)].
- Кошкарлова Н. Н. Фейковые новости: креативное решение или мошенничество? // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (191). С. 14–18. [Koshkarova, Natal'ya N. (2018) Fejkovyе novosti: kreativnoe reshenie ili moshennichestvo? (Fake News: Creative Decision or Fraud?). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2 (191), 14–18. (In Russian)].
- Кошкарлова Н. Н., Бойко Е. С. Фейк, я тебя знаю: лингвистические механизмы распознавания ложной информации // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 77–82. [Koshkarova, Natal'ya N. & Bojko, Elena S. (2020) Fejk, ya tebya znayu: lingvisticheskie mekhanizmy raspoznavaniya lozhnoj informacii (Fake, I Know You: Linguistic Tools to Distinguish Mendacious Information). *Political Linguistics Journal*, 2 (80), 77–82. (In Russian)]. DOI: 10.26170/pl20-02-08
- Николаева А. В. Языковые особенности фейковых публикаций // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3. С. 55–59. [Nikolaeva, Anastasiya V. (2019) Yazykovye osobennosti fejkovyh publikacij (Language Features of Fake Publications). *Verhnevolzhski philological bulletin*, 3, 55–59 (In Russian)].
- Никонова Ж. В., Соловьева Е. В. Лингвокультурная специфика современного немецкого политического дискурса (на примере текстов дебатов в бундестаге) // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 75–82. [Nikonova, Zhanna V. & Soloveva, Ekaterina V. (2019) Lingvokul'turnaya specifika sovremennogo nemeckogo politicheskogo diskursa (na primere tekstov debatov v bundestage (Linguocultural Specifics of the Modern German Political Discourse (Based on Texts of Bundestag Debates). *Political Linguistics Journal*, 2 (74), 75–82. (In Russian)].
- Пономарев Н. Ф. Фейковые новости в контексте постправды воздействия // E-SCIO. 2019. № 6. С. 127–134. [Ponomarev, Nikolaj F. (2019) Fejkovyе novosti v kontekste postpravdy vozdejstviya (Fake News in the Context of Post Truth Impact). *E-SCIO*, 6, 127–134. (In Russian)].
- Суходолов А. П., Бычкова А. М. «Фейковые новости» как феномен современного медиапространства: понятие, виды, назначение, меры противодействия // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. № 2 (6). С. 143–169. [Suhodolov, Aleksandr P. & Bychkova, Anna M. (2017) «Fejkovyе novosti» kak fenomen sovremennogo mediaprostranstva: ponyatie, vidy, naznachenie, mery protivodejstviya (Fake News as a Modern Media Phenomenon: Definition, Types, Role of Fake News and Ways of Taking Measures against It). *Theoretical and practical issues of journalism*, 2 (6), 143–169. (In Russian)].
- Чанышева З. З. Лингвистика пост-правды как новое направление в политической лингвистике // Теория и практика языковой коммуникации. Уфа: УГАТУ, 2018. С. 307–312. [Chanysheva, Zulfira Z. (2018) Lingvistika post-pravdy kak novoe napravlenie v politicheskoy lingvistike (Post-truth Linguistics as a New Line of Research in Political Linguistics). *Theory and Practice of Language Communication*. Ufa: USATU, 307–312. (In Russian)].

- Arendt, Florian, Heim, Mario & Beck, Julia. (2019) Fake News, Warnhinweise und perzipierter Wahrheitsgehalt: Zur unterschiedlichen Anfälligkeit für Falschmeldungen in Abhängigkeit von der politischen Orientierung. *Publizistik* (64), 181–204. (In German).
- Balmas, Meital. (2014) When fake news becomes real: Combined exposure to multiple news sources and political attitudes of inefficacy, alienation, and cynicism. *Communication Research*, 41(3), 430–454. DOI: 10.1177/0093650212453600
- Conroy, Niall J., Rubin, Victoria L. & Chen, Yimin. (2015) Automatic Deception Detection: Methods for Finding Fake News. *Proceedings of the Association for Information Science and Technology*, 52(1), 1–4. DOI:10.1002/pa2.2015.145052010082
- Grieve, Jack. (2018, September 06) The Language of Fake News. *The Birmingham Brief*. Retrieved from <https://www.birmingham.ac.uk/news/thebirminghambrief/items/2018/09/the-language-of-fake-news.aspx>.
- Marquardt, Dorota. (2019) Linguistic Indicators in the Identification of Fake News. *Mediatization Studies*. 3, 95–114.
- Oshikawa, Ray, Qian, Jing & Yang Wang, William. (2020) A Survey on Natural Language Processing for Fake News Detection. *ArXiv*. Retrieved from <https://arxiv.org/pdf/1811.00770.pdf>.
- Roy, Pradosh K., B, Fiete, Chi, Ho & Sarani, Minh. (2019) Linguistics, Machine Intelligence and Detection of Fake News. *Researchgate*. Retrieved from <https://www.researchgate.net/publication/333610231>.
- Schmid, Claudia E., Lennart, Stock & Walter, Svenja. (2018) Der strategische Einsatz von Fake News zur Propaganda im Wahlkampf. In Sachs-Hombach, Klaus, Zywiets, Bernd (Hg.): *Fake News, Hashtags & Social Bots. Neue Methoden populistischer Propaganda*. Wiesbaden: Springer VS (Aktivismus- und Propagandaforschung), 69–76. (In German).
- Statista. (2018) Fake News. Statista-Dossier zum Thema Fake News in Deutschland. Retrieved from: <https://de.statista.com/statistik/studie/id/42498/dokument/fake-news/> (In German).

Иллюстративный материал / Illustrations

- Der Fall Relotius. Die Original-Texte und die Ergebnisse der Überprüfung. *DER SPIEGEL*, 38. Retrieved from <https://www.spiegel.de/media/a3a46a28-7ac2-480e-b3a8-97366f1f4c1e/CR-Dokumentation.pdf>. (In German).
- Homosexueller Demonstrant beim Fackellauf festgenommen. *ZEIT ONLINE*, 18. Januar 2014, 22:25 Uhr. Retrieved from <https://www.zeit.de/politik/ausland/2014-01/russland-homosexueller-fackellaeuffer-festgenommen>. (In German).

УДК 81:1, 323.2

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-si-103-110

ЯЗЫК В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Е. П. Савруцкая, С. В. Устинкин

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Статья посвящена исследованию роли языка в формировании и сохранении исторической памяти как феномена духовной культуры, обеспечивающего преемственность в историко-культурном развитии народа. Закрепленная в языковых моделях как культурных кодах и социальных механизмах регламентации коммуникационных процессов и трансляции социокультурного опыта поколений историческая память сохраняет в массовом сознании социально значимую информацию, способствующую укреплению духа народа, его единению вокруг государства, охранению культурного наследия многонациональной России.

Ключевые слова: язык; историческая память; государство; цивилизация; культурные коды; социальные механизмы; национальная безопасность; преемственность; коммуникационные процессы.

Language in Historical Memory

Elizaveta P. Savrutskaya, Sergey V. Ustinkin

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article examines the role of language in the formation and preservation of historical memory as a phenomenon of intellectual culture which ensures continuity in the historical and cultural development of the people. Embedded in linguistic models as cultural codes and social mechanisms for regulating communication processes and transmitting the socio-cultural experience of generations, historical memory preserves in the mass consciousness the socially significant information that helps strengthen the spirit of the people, solidifies its unity around the national state, and ensures the protection of the cultural heritage of multinational Russia.

Key words: language; historical memory; state; civilization; cultural codes; social mechanisms; national security; continuity; communication processes.

1. Введение

В условиях развития современной цивилизации, для которой характерно увеличение доли виртуального над социальным, неминуемо происходят изменения в содержании и направленности коммуникационных процессов, способствующих появлению множества независимых систем, многочисленных субкультур и метаязыков культуры. Научно-технологическое развитие способствует накоплению отраженных в новой языковой картине

мира смыслов и значений, которые привносят в культуру и языковые модели новые направления и формы изменяющегося мира расширенной объективно виртуальной реальности (Макеев 2017). Характерные для глобализации унификация и стандартизация различных видов и форм инструментального и коммуникативного действия (Хабермас 2000: 247) формируют новый тип культуры, в которой национальное, традиционное удерживается, прежде всего, сохранением богатства национальных языков, политикой государства, влиянием семьи и институтов образования. В регламентации коммуникационных процессов, направленных на сохранение духовного богатства историко-культурного наследия народов и обеспечение устойчивой целостности социума, особую роль играл язык, благодаря которому в ходе истории осуществлялась духовная преемственность, происходило закрепление опыта социализации подрастающих поколений. Создаваемая языковая картина мира удерживает в активном состоянии сформировавшиеся в сознании людей образы мира, которые благодаря языку как важнейшему этнокультурному коду определяют границы самоидентификации субъектов исторического процесса, создают комплекс духовных практик, являющихся основанием такого величественного явления духовной культуры, как историческая память, удерживающая в многообразии культурно-кодовых систем основные исторические события прошлого. Данный аспект понимания исторической памяти близок к понятию памяти коллективной, тесно связанной с «формированием индивидуальной и коллективной идентичности, проблемами легитимности политических режимов, идеологического манипулирования, с моральными аспектами прошлого» (Социальная философия 2006: 328–331).

В контексте нового мирового порядка и новых направлений научно-технологических достижений сохранение исторической памяти как одной из важнейших задач стратегического развития нашей страны приобретает особую актуальность в связи с тем, что глобализационные процессы оказывают заметное влияние на размывание основ и критериев этнокультурной и гражданской идентичности.

Поиск наиболее эффективных средств обеспечения национального единства выдвигается на передний план научно-исследовательской и практической деятельности в работе с различными группами населения России. Как показывает практика, особого внимания к себе в рассматриваемом контексте требует молодежь. В этой связи социокультурную значимость все более приобретает необходимость сохранения принципов историко-культурного наследия и духовно-нравственной преемственности, существующих в образах, языке, символике и других видах знаковых систем, составляющих социокультурные механизмы исторической памяти.

Крайнее обострение международных отношений, война на Кавказе, ситуация с коронавирусной пандемией усилили внимание к проблемам поиска наиболее эффективных форм регулирования коммуникационными процессами. Негативные последствия глобализации, углубление международной и эпидемиологической напряженности усугубляются трансформацией системы этнокультурных кодов, веками выполнявшими роль социальных механизмов духовно-нравственной преемственности и этно-культурной идентичности. Не меньшую трудность в реализации программ воспитания молодежи в условиях переходного периода к новым цивилизационным отношениям представляет и тот факт, что на подходе к вступлению в самостоятельную жизнь, требующую огромного багажа знаний и ответственности перед обществом, государством, своим народом, оказываются молодые поколения, воспитываемые в новой языковой среде, формирующейся в условиях нового цифрового мира и нового мирового порядка.

2. Характеристика материала и методов исследования

В современных условиях цивилизационного развития общества новые информационно-коммуникативные технологии потеснили многие традиционные, веками сохранявшие культурное своеобразие народов этнокультурные коды на периферию общественных процессов. Очевидно, что в этих условиях происходит отчетливо проявляющаяся тенденция усиления культурно- и системообразующей роли языка в обеспечении целостности социумов и социокультурной преемственности. Языковая реальность все более начинает занимать лидирующие позиции в формировании жизненного мира человека, порождая новый тип коммуникативного поведения, новую конфигурацию культурно-коммуникативного пространства современной цивилизации. Системообразующая и культуросохраняющая роль языка обеспечивают возможности сохранения социокультурной преемственности и понимания смыслов используемых знаковых систем и норм поведения применительно к конкретным этнокультурным условиям развития человека, общества и государства. В этой связи, по оценке Б. Уорфа, следует признать влияние языка на деятельность людей «не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих законах и в повседневной оценке им тех или иных явлений» (Уорф 2003: 156).

Как знаковая система, сформировавшаяся в ходе историко-культурного развития народов, язык является своего рода формой выражения обобщенного опыта поколений. Благодаря языку происходит переход общественно значимых смыслов в индивидуальное сознание

личности, осуществляется закрепление социальных значений в структуре мотивации поведения, сохраняется историческая память. Однако под влиянием новых информационно-коммуникативных технологий современная языковая картина мира оказывает многостороннее воздействие не только на процессы получения знаний. Новые информационно-коммуникативные технологии в корне изменяют обеспечиваемые институтами образования и семьи привычные методы обучения и воспитания (Шмидт, Коэн 2013: 30–32, 47–50). В современных условиях организация социальных практик и регламентация коммуникационных процессов осуществляется преимущественно с помощью новых технологий, основная нагрузка по использованию которых связана с развитием новых языковых средств и метаязыков культуры. Повышенные нагрузки, выпадающие на вербальную коммуникацию, объяснимы и тем, что в комплексе взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер обеспечения национальной безопасности осуществления стратегического сдерживания, особое место занимают такие формы международного взаимодействия, как переговоры, соглашения, установление диалога между враждующими сторонами. Иными словами, языковое взаимодействие, установки на тактику «договориться» является каналом связи, снижающим потенциал возможных военных действий с применением современных видов вооружения.

Об этой особенности стратегического сдерживания говорится в документе «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», в котором отмечается, что Российская Федерация «обеспечивает национальную оборону, исходя из принципов рациональной достаточности и эффективности, в том числе за счет методов и средств невоенного реагирования, механизмов публичной дипломатии и миротворчества, международного военного сотрудничества» (Стратегия 2009).

3. Результаты исследования и их обсуждение

В контексте рассматриваемых проблем повышения роли языкового взаимодействия в современном мире в целом и в сохранении исторической памяти в частности методологически важным условием понимания актуальности рассматриваемых вопросов является установление особенностей, сложившихся в ходе истории связей между языком, культурой и нормами поведения. Особенности этих связей определяют направленность деятельности людей, личностно формирующихся в той

или иной языковой среде. Осуществляемая с помощью языка связь настоящего с прошлым и будущим сохраняет то духовное содержание, которое обеспечивает воздействие прошлого на настоящее. Закрепленные в языке факты и явления прошлого позволяют понять смыслы исторических событий, их трансформации в ходе исторического развития. Историзм речевой культуры как особой формы социальности и сохранения историко-культурных смыслов является важнейшим средством обеспечения связи времен и поколений, сохранения исторической памяти. Как замечал Ю. М. Лотман, уничтожающая сила времени меркнет перед силой и устойчивостью запечатленной в языке исторической памяти, которая благодаря языковой картине мира обеспечивает связь прошлого и будущего через настоящее. Созданные богатствами языкового многообразия тексты как многосмысловые образования обладают способностью «сохранять память» не только «в своих предшествующих контекстах», но и быть генератором новых смыслов. «Это создаваемое текстом вокруг себя смысловое пространство вступает в определенные соотношения с культурной памятью (традицией), отложившейся в сознании аудитории, обретая новую семиотическую жизнь» (Лотман 1996: 21–22).

Прошлое, по мнению Л. Н. Гумилева, — это не «личное переживание» и не мечта. «Ибо настоящее — только момент, мгновенно становящийся прошлым <...>» (Гумилев 2002: 408). Все неповторимое и прекрасное в человеческой истории при определенных обстоятельствах, по мнению Л. Н. Гумилева, исчезает, гибнет. «Но против гибели выступает Память; а коллективная память этносов — это и есть история культуры» (Гумилев 2003: 415). Явление прошлого в системе культуры настоящего является знаком не только другого времени, но и символом той связи, которая обеспечивает эту связь (Гумилев 2003: 419).

В условиях глобализации проблема сохранения исторической памяти как духовного скрепа времен и поколений, как нравственного содержания историко-культурной традиции народа приобрела особую значимость в связи с развитием информационно-коммуникативных технологий нового цифрового мира.

С конца XX — первых десятилетий XXI вв. отчетливо обозначились новые тенденции цивилизационного развития общества и вызванная ими трансформация ценностных ориентаций массового, в первую очередь молодежного, сознания. Под влиянием разрушительной силы новых информационно-коммуникативных технологий комплекс социальных практик, направленных на сохранение определяющих признаков исторической памяти, начал претерпевать существенные изменения в

плане вытеснения значительной части этнокультурных кодов, обеспечивающих в ходе историко-культурного развития народов воспроизводство национальных образов мира. Наиболее отчетливо эти изменения коснулись коммуникативной сферы «расширенной объективно-виртуальной реальности» (Макеев 2017), особенности которой явились причиной возникновения массы трудностей в сохранении исторической памяти и культурных кодов, ее формирующих и регламентирующих.

4. Заключение

Таким образом, сложившиеся связи между языком, культурой и нормами поведения раскрывают не только роль языка в формировании культурных кодов и сохранении исторической памяти. Выявление особенностей социокультурной роли языка, наиболее достоверно раскрывающейся в сохранении исторической памяти, отчетливо проявляется в условиях нового цифрового мира. Дело в том, что в ходе историко-культурного развития народов происходило синхронное существование и развитие норм поведения и их отражение в языке, т. е. в процессах формирования поведенческой культуры существовала неразрывная связь между нормами поведения и их выражением в языковых моделях. Однако темпы развития предметно-вещественной реальности, изменение норм инструментального, а также коммуникативного действия и темпы развития языковых моделей всегда были различны. Так, для многообразия проявлений поведенческих норм в сферах инструментального и коммуникативного действий характерны быстрота сменяемости принятых норм и оценок в зависимости от контекста социокультурных, политических или экономических условий. В языке же всегда происходило жесткое ограничение свободы выбора, т. е. отмечалось строгое следование сложившейся языковой традиции словоупотребления. Консерватизм языка способствует сохранению сложившихся в ходе истории значений и смыслов как основы исторической памяти и возможности историко-культурной преемственности в ряду поколений. Язык удерживает в памяти истории национально-культурное своеобразие народов. Выраженные в языковых моделях образы национальных культур транслировали на новые поколения соответствующее понимание социокультурных смыслов и значений историко-культурного развития народов и его отражение и сохранение в этно-языковой картине мира (Кожин 2001). Эта особенность языка позволяет определить рассматриваемый феномен как механизм духовной преемственности и этнокультурной идентичности, являющихся необходимым условием сохранения целостности социума, его культуры и исторической памяти.

Список литературы / References

- Гумилев Л. Н. Искусство и этнос // Собр. соч. в 12 т. СПб: СЗКЭО Кристалл, 2003. Т. 9. [Gumilev, Lev N. (2003) *Iskusstvo i etnos* (Art and Ethnos). *Sobranie sochinenij v 12 tt.* (Collected Works in 12 Volumes). Saint Petersburg: SZKEO Kristall. (In Russian)].
- Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Азбука-классика, 2002. [Gumilev, Lev N. (2002) *Etnogenez i biosphere Zemly* (Ethnogenesis and the Earth's Biosphere). Saint Petersburg: Azbuka Klassika. (In Russian)].
- Кожин В. В. История Руси и русского слова. Опыт беспристрастного исследования. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 75–76. [Kozhinov, Vadim V. (2001) *Istoriya Rusi i russkogo slova. Opyt bespristrastnogo issledovaniya* (History of Russia and the Russian Word. An Experience of Impartial Research). Moscow: EKSMO-Press, 75–76. (In Russian)].
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — текст — семиосфера — история. М.: «Языки русской культуры», 1996. [Lotman, Jurij M. (1996) *Vnutri myslyashih mirov. Chelovek — text — text — semiosphere — istoria* (Inside Thinking Worlds. Human — Text — Text — Semiosphere — History). Moscow: Languages of Russian culture. (In Russian)].
- Макеев С. Н. Феномен социального общения в пространстве расширенной объективно-виртуальной реальности. дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2017. [Makeyev, Sergej N. (2017) *Fenomen sotsialnogo obshcheniya v prostranstve rasshirennoy obyektivno-virtualnoy realnosti* (The Phenomenon of Social Communication in the Space of Expanded Objective-Virtual Reality): dis. ... kand. filos. nauk. (PhD Thesis in Philosophy). Nizhny Novgorod. (In Russian)].
- Социальная философия: Словарь / Сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. 2-е изд. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая Книга, 2006. [Kemerov, Vyacheslav E., Kerimov, Tptyg Kh. (eds.) (2006) *Sotsialnaya filosofiya: Slovar* (Social Philosophy: Vocabulary). 2nd ed. Moscow: Akademicheskij Proyekt; Ekaterinburg: Delovaya Kniga. (In Russian)].
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, раздел IV, п. 26, 27 [Электронный ресурс] // Система Гарант. URL: <http://base.garant.ru/195521>. [Strategiya natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 12 maya 2009 g. № 537. razdel IV. p. 26, 27 (National Security Strategy of the Russian Federation until 2020. Approved with the Decree of the President of the Russian Federation 12 May 2009 № 537, section IV, pp. 26, 27) Retrieved from <http://base.garant.ru/195521> (In Russian)].
- Уорф Б. Л. Отношения норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. М.: АСТ; СПб: TerraFantastica, 2003. С. 157–201. [Uorf, Benjamin L. (2003) *Otnosheniya norm povedeniya i myshleniya k yazyku* (Relationship of Norms of Behaviour and Thinking to Language). *Yazyki kak obraz mira* (Languages as the Image of the World). Moscow: AST; Saint Petersburg: TerraFantastica, 157–201. (In Russian)].
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. [Khabermas, Yurgen. (2000) *Moralnoye soznaniye i kommunikativnoye deystviye*

(Moral Awareness and Communicative Action). Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)].

Шмидт Э., Козн Д. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. [Shmidt, Erik, Koen, Jared. (2013) *Novyy tsifrovoy mir. Kak tekhnologii menyayut zhizn lyudey. modeli biznesa i ponyatiye gosudarstva.* (New Digital World. How Technology is Changing People's Lives, Business Models and the Concept of the State). Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian)].

УДК 81'42

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-si-111-126

ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ АКТУАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ В РОССИЙСКИХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИА В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В. А. Тырыгина

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Предлагаемая статья рассматривает проблематику имеющую отношение к тому, как действительность может быть дискурсивно представлена в медиатекстах. Современная эпоха характеризуется стремительно возрастающим влиянием средств массовой информации на социально-политические изменения, происходящие в мире. Они моделируют события и явления окружающего мира. Деятельность такого рода связана с активным преобразованием реальности и конструированием новой реальности — медийной, при том неизбежно возникает вопрос о степени подлинности, адекватности представления, отражения мира в медиа. В структурных исследованиях проблема репрезентации действительности в медиадискурсе не является основной и затрагивается лишь частично, однако эта проблема становится центральной в критической лингвистике, где вводится понятие предвзятого, искаженного, основанного на предубеждении представления действительности в дискурсе. Лингвистический подход к анализу медиареальности отталкивается от идеи дискурсивного конструирования мира, которая вытекает из концепции социального конструирования мира. Целью исследования, описанного в предлагаемой статье, является изучение наименований предметных или признаковых сущностей, связанных с одними и теми же фактами и событиями, на материале российских, белорусских, европейских и американских интернет-медиа. Для достижения поставленной цели применялся метод сопоставительного анализа альтернативных номинаций. Полученные результаты подтверждают факт альтернативности в представлении реальности в медийном дискурсе. Теоретическая значимость результатов заключается в подтверждении идеи о том, что номинативный акт напрямую связан с творением «возможного мира» и может рассматриваться как вклад в развитие таких отраслей лингвистики, как когнитивная, дискурсивная, критическая и другие. Практическая значимость полученных результатов состоит в их возможном внедрении в соответствующие университетские курсы.

Ключевые слова: медиареальность; дискурсивное конструирование действительности; номинация; альтернативная номинация; социальное конструирование мира.

Discursive Construal of Current Events in Russian and English Language Media in the Light of Linguistic Security

Valentina A. Tyrygina

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article examines a number of issues pertaining to how reality can be discursively presented in media texts. The modern era is characterized by the rapidly increasing influence of the media on the socio-political changes taking place in the world. The media frequently model events and phenomena around us, and this type of activity is associated with actively transforming reality and constructing a new reality, *media reality*. All this inevitably raises the question how authentically or accurately the world is represented or reflected in the media. In structuralist studies, the representation in the media is not a key problem and thus is only partially touched upon. In critical linguistics, however, where the concept of biased, distorted, prejudiced representation of reality in discourse is introduced, this problem becomes central. The linguistic approach to the analysis of media reality is based on the idea of discursive construal of the world, which derives from the concept of social design of the world. The purpose of the study presented in this article is to examine the names of subjects or attributes associated with the same facts and events but featured in different Internet media. Using the method of comparative analysis of alternative nominations, the author analyzes media texts from Russian, Belarusian, European, and American sites, and the results of the analysis confirm the fact of alternativeness in the reality representation in the media discourse. The theoretical significance of the results lies in confirming the idea that the choice of nomination is directly related to the creation of the “possible world” and thus contributing to the field of cognitive, discursive, and critical linguistics. The practical value of the results lies in their possible introduction into relevant university courses.

Key words: media reality; discursive construal of the world; nomination; alternative nomination; social design of the world.

1. Введение

Вопрос представления действительности в дискурсе поднимался уже на самом раннем этапе его изучения; в определение дискурса изначально входит его понимание как особого способа видения и упорядочения действительности, реализуемого в разнообразных дискурсивных практиках. Проблема репрезентации действительности в медиадискурсе в структурных исследованиях не является основной и затрагивается лишь частично, однако эта проблема становится центральной в критической лингвистике, где вводится понятие предвзятого, искаженного, основанного на предубеждении представления действительности в дискурсе. На базе новых информационных технологий в XXI веке стремительно развиваются как традиционные СМИ — печать, радио, телевидение, — так и новейшие, связанные с появлением и распространением сети Интернет, что привело к созданию единого информационного пространства, особой виртуальной среды, образованной совокупностью информационных потоков. Современная эпоха характеризуется стремительно возрастающим влиянием

средств массовой информации на социально-политические изменения, происходящие в мире. Они моделируют события и явления окружающего мира. Деятельность такого рода связана с активным преобразованием реальности и конструированием новой реальности — медийной.

Медиакартина мира формируется различными средствами массовой информации, которые, согласно Е. Н. Комарову, представляют ее варианты: телекартину мира, радиокартину мира, картину мира, репрезентируемую прессой, а в связи с развитием Интернета заложены основы виртуальной картины мира. Таким образом, медиакартина мира существует в своих вариантах, а через них представлена в конкретных реализациях — медиатекстах. Медиакартина мира отражает процессы постоянного изменения политической, экономической, социальной и культурной реальности, становящейся все более комплексной, информационно насыщенной и сложной для восприятия и описания (Комаров 2014: 123). В последние десятилетия именно воздействующая функция наиболее последовательно и полно реализуется в медийном дискурсе. Если понимать дискурс как «связный текст, взятый в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; текст, взятый в событийном аспекте», то медиадискурс — это текст, который участвует в реальных условиях коммуникации; учитывает социальные, психологические, культурные факторы; адресован конкретной аудитории (Комаров 2014: 123). Стратегия современных медиа реализуется таким образом, чтобы удовлетворить разнообразные интересы реципиента, сделать медиасообщения неотъемлемой частью его повседневной жизни с учетом ритма жизни среднестатистического потребителя информации. Медиатексты оказывают, по мнению многих ученых, огромное влияние на формирование в обществе системы взглядов на мир, представленной определенной совокупностью ценностей. СМИ в силу своей специфики не способны абсолютно полно и объективно воспроизвести существующую действительность, а изображаемая ими реальность отличается от эмпирической реальности. Событие, произошедшее в реальности, отражается средствами массовой информации, становясь медиасобытием, которое лишь отчасти следует за реальностью, но во многом является произвольным субъективным видением. «Картина мира, формируемая средствами массовой информации, далеко не адекватна объективной реальности. Она формируется субъектами информационной деятельности» (Богуславская 2008: 27). Информация преломляется сквозь призму редакционной политики, специфики канала коммуникации и личности журналиста. Исследователи медийного дискурса отмечают, что увеличение скорости коммуникационных процессов, постоянный рост объема информации, суггестия, избирательность,

фрагментарность в освещении событий ведут к созданию определенного конструкта над социальной реальностью — медиареальности (Гаврилов 2014: 39). Примечательно, что на эту особенность медиа обратил внимание еще У. Липпман в начале XX века, отметив, что новостные сообщения создают особый мир, который может отличаться от действительности, поскольку новости не отражают события во всей их полноте, а главным образом предоставляют информацию о самом факте этих событий (Липпман 2004: 332–338). Кроме того, что медиа формируют картину мира субъективно, фрагментарно, избирательно, они, зачастую ссылаясь на себя, т. е. в процессе самореференции (Луман 2000), отчасти теряют связь с реальностью, транслируя «отраженное отражение», — в результате реципиент сталкивается с искаженными представлениями о мире. Все это вместе взятое ставит вопрос о степени подлинности, адекватности представления, отражения мира в медиа. Уместно упомянуть в этой связи постмодернистскую точку зрения, согласно которой медиа создают медиареальность как реальность симулякров, реальность образов, потерявших связь с денотатом (реальным явлением).

Лингвистический подход к анализу медиареальности отталкивается от идеи дискурсивного конструирования мира. Понятие дискурсивного конструирования мира С. Н. Плотникова объясняет следующим образом: «По аналогии с понятием социального конструирования мира мы ввели понятие дискурсивного конструирования мира, базирующееся на положении о том, что в процессе конструирования мир создается говорящим или пишущим как «мир-со-мной», т. е. свойства этого мира зависят от говорящего / пишущего, что отличает «мир-со-мной» от «мира-без-меня», подвергаемого не конструированию, а мониторингу» (Плотникова 2014). Дискурсивное конструирование напрямую связано с социальным конструированием: если реальность социально конструируется в повседневной жизни людей, то дискурс непосредственно участвует в этом процессе, существование в мире — это также существование в языке. На это указывают авторы теории социального конструкционизма П. Бергер и Т. Лукман — «язык реализует мир в двояком смысле слова: он его постигает, и он его производит» (Бергер, Лукман 1995: 104). Из утверждения следует, что люди постоянно производят свой социальный мир не только благодаря своим действиям, но и благодаря языку; сама «проговоренность» делает реальность, поскольку то, что не проговаривалось, не существует.

С когнитивной точки зрения каждый акт речи представляет собой *the construal of the world* — некое «творение» или «конструирование» мира (Кубрякова 2004: 522), поскольку говорящий осуществляет процесс категоризации предметных и признаковых сущностей участвующих в описы-

ваемом объекте или описываемой ситуации, говорящий осуществляет выбор перспективы или точки отсчета, по отношению к которой характеризуется данный объект или же данная ситуация. Поэтому, утверждает Е. С. Кубрякова, «и текст, и дискурс должны рассматриваться прежде всего как творящие новые “возможные миры”, а все принимающие участие в этом процессе языковые формы — как служащие построению такого возможного мира» (Кубрякова 2004: 522).

2. Характеристика материала и методов исследования

Настоящее исследование проводилось на материале российских, белорусских, европейских и американских интернет-медиа: «Коммерсант», «Ведомости», «Росбалт», «Российская газета», *RT, Nexta, Nexta Live, BBC, The New York Times, The Washington Post, Radio free Europe, Radio Liberty, Euronews, Newsru.com, Deutsche Welle*; рассматриваемый период с августа 2020 по март 2021 года. Целью работы являлось изучение наименований предметных или признаковых сущностей, связанных с одними и теми же фактами и событиями, участвующих в описываемом объекте или ситуации в различных интернет-медиа. Для достижения поставленной цели применялся метод сопоставительного анализа альтернативных номинаций. Под номинацией в данном исследовании понимается знаковая репрезентация, сущность которой заключается в обобщении, замещении и идентификации объектов реальности. Процесс номинации, по словам В. Н. Телия, представляет собой образование языковых единиц, служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений (Телия 1990: 336). Г. В. Колшанский определяет номинацию как отношение языковых единиц к неязыковым реалиям, «закрепление за языковым знакомых понятия — сигнификата, отражающего определённые признаки денотата» (Колшанский 1977: 101). Всякий объект действительности получает наименование в силу того, что человеческому разуму свойственна группировка, упорядочение. Это находит отражение в когнитивной (гносеологической) функции языка, направленной на познание и описание мира. Как отмечает Е. С. Кубрякова, то, что «схвачено» знаком, то есть словом, и получило название и имя в языке, обладает для человека исключительной значимостью и играет в осуществлении мыслительных процессов основополагающую роль (Кубрякова 2004: 305).

Под вторичной номинацией подразумевается «использование уже имеющихся в языке номинативных средств» для новых наименований. При этом результаты вторичной номинации могут быть как конвенционально закреплёнными значениями слов, так и окказиональным употреблением

лексем (Телия 1977: 129). Альтернативная номинация является разновидностью вторичной номинации. При описании одного и того же объекта разными языковыми средствами используется ряд альтернативных номинаций. При этом важно отметить, что акты номинации могут протекать при непосредственном взаимодействии с прагматическими факторами, которые оставляют свой след в сигнификате (Телия 1990: 336), — то или иное отношение именующих к обозначаемому: эмоциональное, оценочное, ориентацию именующего на социальные условия речи или формы существования языка и его функционально-стилистическую дифференциацию и т. д. Теоретическая значимость результатов заключается в верификации и подтверждении идеи о том, что номинативный акт непосредственно напрямую связан с процессами творения «возможного мира» и в этой плоскости может рассматриваться как вклад в развитие таких отраслей лингвистики, как когнитивная, дискурсивная, критическая и другие. Практическая значимость полученных результатов состоит в их возможном внедрении в соответствующие университетские курсы.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Справедливо утверждение, состоящее в том, что «механизм функционирования СМИ предполагает не только и даже не столько отражение окружающей действительности, сколько, и это гораздо более важно, ее интерпретацию, комментарий, оценку, способствующую созданию определенного идеологического фона» (Добросклонская 2008). Так, в крупнейшем белорусском интернет-медиа *Nexta* и *Nexta Live* освещаются протестные события, спровоцированные нарушениями на выборах. Для исследователя дискурсивного конструирования действительности интерес представляет выбор используемых номинаций, которые журналисты используют для называния сотрудников правоохранительных органов. В самом начале протестов 9–11 августа 2021 года в постах интернет-издания для обозначения милиционеров использовались стилистически и аксиологически нейтральные именные группы, например, «сотрудники милиции», «силовики», «ОМОНовцы». С развитием ситуации редакция интернет-медиа перешла от нейтрального описания событий к эмоциональному и идеологически ориентированному характеру освещения реальности. По отношению к представителям правоохранительных органов стали применяться негативно нагруженные лексические единицы: «фашисты», «каратели» и новообразования с ассоциативным шлейфом: «лукашисты», «тихари» и т. п. Подобные характеристики, сопровождаемые на регулярной основе видеоматериалами, стали применяться, как это стало известно позднее, не случайно. Интернет-издание взяло на себя роль координатора событий и «ру-

пора» идей, близких как протестующим на улицах Минска и всей республики, так и самой редакции. Это было сделано для того, чтобы сломать существовавший стереотип, разрушить медийную картину, которую строили официальные медиа республики на протяжении многих лет и построить другую картину, показывающую, что в действительности недовольных ситуацией большинство. Реальное событие может не совпадать с медиасобытием, причем различия могут создаваться специально, преднамеренно (Подорога 2006).

Современным медиа присущи «фрагментирование информационного потока», многоканальность и скорость доставки информации. События подаются разнородным потоком, исключая возможность полного понимания и восприятия картины мира в целом, с ее упрощениями и искажениями. Эта технология была осуществлена при освещении протестов в Белоруссии, где новости с мест событий поступали каждую минуту. Быстрота и многоканальность (телевидение, Интернет, пресса) доставки медиасообщений формировали сопричастность реципиента к происходящему, его сопереживание и, в конечном итоге, вызывали доверие к подаваемой информации, а на деле — манипулятивной интерпретации события (Хлопков 2009).

Последние события в России служат примером того, как медиа формируют реальность посредством своих ресурсов, в которые включаются и лингвистические. Одним из них является отравление Алексея Навального. В статье газеты «Коммерсант» от 20 августа 2020 г. сообщается, что врачи не уверены в том, что основной диагноз именно отравление, напротив, в статье на сайте *BBC* журналисты принимают точку зрения соратников Навального и считают, что это было именно отравление по политическим мотивам. Это утверждение вписывается в медийную картину мира, создаваемую британскими медиа, в которых русофобские настроения преобладают над пророссийскими взглядами.

Так, в статье *BBC* после отравления Алексея Навального о нём пишут как о *Russia's foremost opposition figure* — самой заметной оппозиционной персоналии (*BBC*, 24.09.2020), в то время как издание *Russia Today* пишет о Навальном как о *блогере*, который был госпитализирован в Омске (*RT*, 20.08.2020).

Прямая соотнесенность между референтом и именем (знаком) отсутствует: следовательно, к одному и тому же референту (лицу) как носителю множества психологических и социальных, профессиональных, этических и т. п. характеристик говорящий может отсылать, используя палитру номинаций (*сын, студент, спортсмен, волонтер, скрипач* и т. д.). В процессе дискурсообразования субъект дискурса осуществляет номинативный вы-

бор, который прагматически обусловлен, интенционально задан, выбор знака определяется идеологическими установками. Таким образом, справедливо утверждать, что выбор номинации — это один из инструментов дискурсивного конструирования реальности. В процессе дискурсообразования селекция в пользу атрибутивной номинации *Russia's foremost opposition figure* многократно увеличивает значимость, политическую весомость обозначаемого лица, благодаря тому, что в атрибут включается прилагательное с абсолютной семантикой *foremost* в сочетании со словом *Russia*. Противопоставляемая ему номинативная единица *блогер* вытесняет потенциальную сему политической весомости и влияния в пользу обозначения рода деятельности.

Наряду с номинацией *opposition figure* используется номинация-синоним *Kremlin critic*, в которой определяемый элемент *critic* конкретизирует, сужает область отсылки словом *Kremlin*.

There were chants demanding **the Kremlin critic's** release as well as calls for President Vladimir Putin to step down (Radio free Europe / Radio Liberty). **Kremlin critic** Navalny loses appeal and is found guilty of defamation (Euronews).

Обратимся к следующей группе номинаций: *jailed opposition leader*, *Russia's number-one prisoner*, *the opposition politician*

...protests ... to demand the release of **jailed opposition leader** (RFE / RL).

Russia's number-one prisoner, the opposition politician Alexei Navalny, is serving his sentence in a penal colony east of Moscow (DW).

В номинации *jailed opposition leader* в качестве стержневого элемента (head word) используется группа *opposition leader*, которая возвышает статус референта, приписывает ему очень высокое положение, навязывает адресату определенное видение роли и значимости данного лица, дискурсивно конструируя реальность в заданном ключе. В номинативной группе *Russia's number-one prisoner, the opposition politician* главный коммуникативный вес переносится в атрибутирующий, определяющий элемент *Russia's number-one*. Статус референта квалифицируется максимально высоко, выше быть не может. Однако важно обратить внимание на слова *jailed*, *prisoner* в номинациях *jailed opposition leader* и *Russia's number-one prisoner* — они вступают в смысловое столкновение со словами *leader*, *Russia's number-one*, имплицитно мысль о существовании тоталитарного репрессивного режима.

На либерально-ориентированных русскоязычных сайтах сохраняется обозначенная тенденция, т. е. повторяются номинации *оппозиционер*, *отравленный политик*.

Песков опровергал информацию о том, что Кремль запретил чиновникам и руководителям госкомпаний упоминать *оппозиционера* публично.

Какие ассоциации с **отравленным политиком** у российской аудитории пытаются вызвать Дмитрий Песков, Сергей Лавров и другие официальные лица, корреспонденту «Росбалта» объяснил доцент кафедры политической психологии факультета психологии СПбГУ Александр Конфисахор (Росбалт).

В пророссийских изданиях отсылки к данному референту (лицу) осуществляются через альтернативную номинацию *берлинский пациент*:

«Берлинский пациент» разыгрывает роль жертвы в расчете на реакцию западных СМИ (РГ, 24.01.2021).

Мы безусловно заинтересованы в установлении причин произошедшего с **«берлинским пациентом»**, — сказал Песков (newsru.com).

Данная альтернативная номинация построена на метонимическом перифразе, она радикально понижает статус референта, и, следовательно, дискурсивно конструирует другую медийную реальность. Названная номинация отталкивается от обозначения несущественного временного признака, связанного с референтом, а именно, от факта пребывания пациента в течение некоторого промежутка времени в берлинской клинике.

Встречаются другие альтернативные номинации: *персонаж, которого упомянули, тот, кого вы назвали, Саакашвили в российском издании*.

«По всей видимости, это связано с отношением к этому человеку, которое президент и не скрывал», — предположил Песков. В ходе большой пресс-конференции в 2017 году Путин называл Навального так: **«персонаж, которого упомянули»**, **«тот, кого вы назвали»**, **«Саакашвили в российском издании»** (newsru.com).

Можно говорить о том, что в процитированных именных группах прослеживается дискредитирующая стратегия: именованная *персонаж, которого упомянули, тот, кого вы назвали* намеренно лишены каких-либо характеристик, сводят к нулю значимость референта; именование *Саакашвили в российском издании* лишает референта собственных достоинств, указывает на его вторичность, кроме того, в качестве копируемой модели упоминается имя политика со скандальной репутацией.

Еще одним значимым событием в России, которое получило резонанс и за рубежом, стало голосование по поправкам к Конституции РФ. Была развернута масштабная кампания по приглашению к участию в нем, в итоге результаты голосования были названы Дмитрием Песковым, пресс-секретарём президента РФ «триумфальными».

В Кремле «считают **триумфом**» результаты общероссийского голосования по поправкам к Конституции, заявил журналистам пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков (Ведомости, 02.07.2020).

«Состоялся **триумфальный референдум** о доверии президенту Путину», — пояснил он. Легко было спрогнозировать **высокий уровень интереса к поправкам**, добавил он. «Но такую **высочайшую явку** и такой **высочайший уровень поддержки** было спрогнозировать очень сложно», — отметил Песков (Там же).

Итак, голосование по поправкам к Конституции РФ обозначается через номинации *триумф*, *триумфальный референдум*, они далее подкрепляются именными группами с суперлативными атрибутами: *высокий уровень интереса*, *высочайшую явку*, *высочайший уровень поддержки*.

Однако в статье *The New York Times*, которая вышла чуть позже, результаты по поправкам к Конституции были освещены несколько иначе, а именно — на фоне ареста губернатора Сергея Фургала:

*Mr. Putin won a **tightly scripted referendum** less than four weeks ago that rewrote the Constitution to allow him to stay in office until 2036;*

*But the **vote**, seen as **fraudulent** by critics and many analysts, provided little but a **fig leaf** for public **disenchantment with corruption**, **stifled freedoms** and **stagnant incomes** made worse by the pandemic* (NY Times, 25.07.2020).

Номинация *tightly scripted referendum* «жестко прописанный референдум» помещается в негативно окрашенный контекст, цель которого не прямая дискредитация события через последующие именные группы: *vote*, *seen as fraudulent*, *a fig leaf*, *stagnant incomes*. Взятые в совокупности, они дискурсивно сконструировали медийную вторичную реальность, существующую параллельно с первичной.

Нельзя обойти вниманием такое важное политическое событие, как выборы президента в США. За право представлять американский народ борются два серьезных кандидата — Дональд Трамп, действующий президент США, и Джо Байден. Традиционно подобное событие неизменно проходит с тесным медийным сопровождением, различными спекуляциями и скандалами. Так, журналисты *The New York Times* ставят под сомнение шансы Трампа занять кабинет президента во второй раз. В статье рядом с именем Трампа употребляется слово *bravado* (NY Times, 18.10.2020), что как в русском, так и в английском языках означает одно и то же — бесцельное, дерзкое действие. В контексте президентских выборов, в котором, согласно опросам, Трамп немного уступает Байдену, такая характеристика действующего президента США может создать соответствующее отношение к его текущему стилю управления и может склонить неопределившихся избирателей на сторону оппонента.

The Washington Post регулярно публикует репортажи о предвыборных ралли, дает своим читателям информацию прежде всего о выступлениях демократического кандидата Джо Байдена. В его выступлениях посредством номинаций конструируется будущее с Байденом как спасение для страны и, соответственно, будущее без него — как гибель страны. С этой целью применяются антитезы *race-focused a divider vs a healer a pro-military pro-union unifier vs a loser a uniter vs a divider*:

Biden paints Trump as a race-focused divider and himself as a healer during Pittsburgh rally (The Washington Post, 03.11.2020);

During a speech given to campaign volunteers in the Pittsburgh suburbs on Monday afternoon, Democratic presidential nominee Joe Biden painted himself as a pro-military, pro-union unifier, called President Trump a loser, and said that no matter how many times Trump “repeats the lie, I will not ban fracking. I never said I would” (The Washington Post, 07.11.2020);

Biden also said he would rebuild the middle class, and continued to pitch himself as a uniter and Trump as a divider (The Washington Post, 02.11.2020).

В плане семантики члены каждой из названных бинарных оппозиций являются контекстуальными антонимами. Номинации *a divider, a loser* приписывают референту индивидуальные характеристики, могущие повлечь раскол страны и ее поражение, эти смыслы заложены в денотативном слое значения этих слов на уровне первичной номинации. На уровне же вторичной номинации (использование уже имеющихся в языке номинативных средств для новых наименований), транспонирования, переосмысления возникает коннотативный слой, индуцирующий негативную оценку. Таким образом использование вторичной альтернативной номинации дискредитирует лицо, которому она атрибутируется.

4. Выводы

Итак, в данной статье была проанализирована дискурсивная практика, применяемая в медиасфере, цель анализа состояла в выявлении ресурсов, вовлеченных в построение одного из «возможных миров». Лингвистический подход к анализу дискурса, в отличие от философии, социологии, психологии и пр., имеет дело прежде всего с рассмотрением языковых форм или, точнее, с активизацией, с выбором в зависимости от смыслового задания конкретных форм из имеющегося альтернативного ряда средств.

Выполненный анализ использования альтернативных номинаций в медиатекстах на сайтах российских, белорусских, европейских и американских интернет-медиа показывает, что для наименования одних и тех же объектов, фактов, процессов, событий вовлекается широкий диапазон но-

минативных возможностей, альтернативных наименований. Альтернативное наименование может использоваться с различными целями:

- охарактеризовать объект с разных сторон: номинация осуществляется в форме определённых дескрипций посредством приписывания (выделением, созданием, привнесением в текст) атрибутов, которые в дальнейшем закрепляются и могут использоваться наряду с именами собственными;
- передать оценочные характеристики и позицию адресанта по отношению к номинируемому референту;
- дискредитировать, дискредитирующий эффект достигается с помощью специально подобранных номинаций, наполненных особой семантикой и вызывающих необходимые адресанту ассоциации;
- уйти от истины посредством альтернативной номинации, альтернативная номинация может служить механизмом нарушения истинности высказывания для создания искаженной картины мира в случае информационного противостояния между противоборствующими сторонами.

Каждый акт обозначения требует от адресанта осуществлять выбор той или иной перспективы или точки отсчета, по отношению к которой характеризуется данный объект или же данная ситуация, и в этом смысле дискурс конструирует мир. Через выбор альтернативной номинации автор может формировать определённые убеждения, обеспечивать осмысление адресатом того или иного явления, отражать политическую реальность, участвовать в её преобразовании, направленном в ту или иную сторону, нужную адресанту.

Выявление и описание механизмов «лингвистических ловушек» есть непосредственный вклад в широком смысле слова в область, занимающуюся исследованиями лингвистической безопасности.

Список литературы / References

- Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания; пер. с англ. яз. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. [Berger, Peter. Lukman Tomas. (1995) *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniia* (Social Construction of Reality. Treatise on the Sociology of Knowledge. In Rutkiewicz E.(trans). М.: Medium. (In Russian)].
- Богуславская В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. М.: УРСС Эдиториал, 2008. [Boguslavskaja, Vera V. (2008) *Modelirovanie teksta: lingvosociokul'turnaja koncepcija. Analiz zhurnalistских tekstov* (Text Modeling: Lingvosociocultural Concept. Analysis of Journalistic Texts). Moscow: USS Editorial. (In Russian)].
- Гаврилов А. А. Медийная картина мира как результат отражения реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 5–2 (43),

- С. 39–41. [Gavrilov, Aleksandr A. (2014) *Medijnaja kartina mira kak rezul'tat otrazhenija real'nosti* (Media Picture of the World as a Result of Reflection of Reality). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. voprosy teorii i praktiki* (Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Studies). Tambov: Gramota, 5–2 (43), 39–41. (In Russian)].
- Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. [Dobrosklonskaja, Tatiana G. (2008) *Medialingvistika: sistemnyj podkhod k izucheniju jazyka SMI: sovremennaja anglijskaja mediarech'*: ucheb. posobie. (Medialinguistics: a Systematic Approach to the Study of the Language of the Media: Modern English Media: studies.). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].
- Комаров Е. Н. К вопросу о роли СМИ в формировании медиа-картины мира // *Lingua mobilis*. 2014. № 3 (49). С.122–130. [Komarov, Evgenij N. (2014) К вопросу о роли СМИ в формировании медиа-картины мира (To the Question of the Role of the Media in Shaping the Media Picture of the World). *Lingua mobilis*, 3 (49), 122–130. (In Russian)].
- Колишанский Г. В. Лингво-гносеологические особенности языковой номинации // *Языковая номинация (Общие вопросы)*. М.: Наука, 1977. С. 99–146. [Kolshanskij, Gennadij V. (1977) *Lingvo-gnoseologicheskie osobennosti jazykovoj nominacii* (Lingvo-gnosological Features of the Language Nomination). *Jazykovaja nominacija (Obshhie voprosy)* (Language Nomination (General Issues). Moscow: Nauka, 99–146. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Ин-т языкознания РАН. М.: Языки славянской культуры, 2004. (Язык. Семиотика. Культура). [Kubryakova, Elena S. (2004) *Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira*; RAN, In-t jazykoznanija (Language and Knowledge: On the Way to Learning about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the Cognition of the World; RAS. linguistics Institute). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. Language. Semiotics. Culture. (In Russian)].
- Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. [Lippman, Walter. (2004) *Obshchestvennoe mnenie* (Public Opinion). М.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie». (In Russian)].
- Луман Н. Теория общества // *Теория общества: сб. статей*. М., 2000. С. 200–201. [Luman, Niklas. (2000) *Teorija obshhestva* (Theory of Society). In *Teorija obshchestva: sb. statej* (Theory of Society : Collection of Papers). Moscow, 200–201. (In Russian)].
- Плотникова С. Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета, серия «Филологические науки»*. Волгоград, 2014. № 5 (90). С. 41–46. [Plotnikova, Svetlana N. (2014) *Diskursivnoe konstruirovanie kak teoreticheskoe ponjatie* (Discursive Design as a Theoretical Concept). *Izvestija of the Volgograd State Pedagogical University, series «Philological Sciences»*, 5 (90), 41–46. (In Russian)].
- Подорога В. А. Событие в системе массмедиа // *Современные медиа: теория, история, практика*. М.: РГГУ, 2006. [Podoroga, Valerij A. (2006) *Sobytie v sisteme*

- massmedia (Event in the Mass Media System). *Sovremennye media: teorija, istorija, praktika* (Modern Media: Theory, History, Practice). М.: RGSU, 2006. (In Russian)].
- Хлопков К. А. Влияние СМИ на массовое сознание // Материалы XXXVIII научно-технической конференции по итогам работы профессорско-преподавательского состава СевКавГТУ за 2008 г. Т. 2. Общественные науки. Ставрополь: СевКавГТУ, 2009. [Hlopkov, Kirill A. (2009) Vlijanie SMI na massovoe soznanie (Influence of the Media on Mass Consciousness). *Materialy XXXVIII nauchno- tehničeskoj konferencii po itogam raboty professorsko-prepodavatel'skogo sostava SevKavGTU za 2008g. T. 2. Obshchestvennye nauki* (Proceedings of XXXVIII Scientific and Technical Conference on the Results of the Work of the Professorial Staff of SevKavGTU for 2008. Vol. 2. Social Sciences). Stavropol': SevKavGTU. (In Russian)].
- Телия В. Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Telija, Veronika N. (1990) Nominacija (Nomination). In YArceva, Viktoria N. (ed.) *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. Jazykoznanie* (Linguistic Encyclopedic Dictionary. Linguistics). М.: Sovetskaja jenciklopedija, 1990. (In Russian)].
- Телия В. Н. Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация (Виды наименований) / Под ред. Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой. М.: Наука, 1977. С. 129–221 [Telija, Veronika N. (1977) Vtorichnaja nominacija i ejo vidy (Secondary Nomination and Its Types). In Serebrennikov, Boris A., Ufimceva, Anna A. (eds.) *Jazykovaja nominacija (Vidy naimenovanij)* (Language Nomination (Types of Titles)). М.: Nauka, 129–221. (In Russian)].

Источники языкового материала / Language material resources

- Попавшим в немилость режима белорусам блокируют банковские счета [Электронный ресурс] // Nexta, белорусское интернет-издание. URL: https://t.me/s/nexta_tv (дата обращения: 01.09.2020). [Popavshim v nemilost' rezhima belorusam blokiruyut bankovskie scheta (2020, September 01) (Bank Accounts of the Belorussian Fallen into Disfavour of the Regime Will Be Blocked). *Nexta, belorusskoe internet-izdanie* (Nexta Channel, Belarusian online publication). Retrieved from https://t.me/s/nexta_tv (In Russian)].
- Интервью основателя Телеграм-канала Nexta Юрию Дудю [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jrOxsjdeccw> (дата обращения: 07.10.2020) [Interv'ju osnovatelja Telegram-kanala Nexta Juriju Dudju (2020, October 07) (Interview of Nexta TV Channel Founder to Yuri Dud'). Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=jrOxsjdeccw> (In Russian)].
- Врачи не уверены, что состояние Алексея Навального вызвано отравлением [Электронный ресурс] // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4459695> (дата обращения: 06.10.2020) [Vrachi ne uvereny, chto sostojanie Alekseja Naval'nogo vyzvano otravleniem (2020, October 06) (Doctors Are not Sure that Alexei Navalny's Condition Has Been Caused by Poisoning). *Kommersant*. Retrieved from: <https://www.kommersant.ru/doc/4459695> (In Russian)].
- Navalny's Team Sees Kremlin behind Attack (2020, October 06). *BBC*. Retrieved from: <https://www.bbc.com/news/world-europe-53918502>.
- Источник сообщил подробности госпитализации Навального [Электронный ресурс] // Russia Today. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/775677-istochnik->

- gospitalizaciya-navalny (дата обращения: 01.09.2020) [Istochnik soobshil podrobnosti gospitalizacii Naval'nogo (2020, September 01) (The Source Provided Details of the Hospitalization of Navalny). *Russia Today*. Retrieved from: <https://russian.rt.com/russia/news/775677-istochnik-gospitalizaciya-navalny> (In Russian)].
- Alexei Navalny: How His Team Found Novichok Bottle Evidence in Tomsk (2020, October 08). *BBC*. Retrieved from <https://www.bbc.com/news/world-europe-54246004>
- Minsk, Moscow, And Beyond: Belarus Protests Reverberate On Russian Streets (2021, March 12). *RFE / RL*. Retrieved from <https://www.rferl.org/a/31072626.htm>
- To Discredit Navalny Protesters, Russia Spreads 'Myth' Of Mass Youth Participation (2021, March 13). *Euronews*. Retrieved from <https://www.euronews.com/tag/alexei-navalny>
- Alexei Navalny Describes Harsh Conditions in Russian Penal Colony (2021, March 04). *DW*. Retrieved from <https://www.dw.com/en/alexei-navalny-describes-harsh-conditions-in-russian-penal-colony/a-56910497>
- Эксперт объяснил, почему Кремль упорно называет Навального «берлинским пациентом» [Электронный ресурс] // Росбалт, инф. агентство. URL: <https://www.rosbalt.ru/russia/2020/09/15/1863560.html> (дата обращения: 18.03.2021) [Jekspert ob''jasnil, pochemu Kreml' uporno nazyvaet Naval'nogo «berlinskim pacientom» (2021, March 18) (Expert Explains Why Kremlin Persistently Calls Navalny a "Berlin patient"). *Rosbalt*. Retrieved from <https://www.rosbalt.ru/russia/2020/09/15/1863560.html> (In Russian)].
- Много шума из Европы [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/01/24/berlinskij-pacient-razygryvaet-rol-zhertvy-v-raschete-na-reakciiu-zapadnyh-smi.html> (дата обращения: 11.02.2021) [Mnogo shuma iz Evropy (2021, February 11) (A Lot of Noise from Europe). *Rossijskaia gazeta*. Retrieved from <https://rg.ru/2021/01/24/berlinskij-pacient-razygryvaet-rol-zhertvy-v-raschete-na-reakciiu-zapadnyh-smi.html> (In Russian)].
- Тот, кого нельзя называть: в Кремле придумали новый псевдоним для Навального — «берлинский пациент» [Электронный ресурс] // Newsru.com. URL: <https://yandex.ru/turbo/newsru.com/s/russia/03sep2020/berlinpatient.html> (дата обращения: 21.02.2021) [Tot, kogo nel'zia nazyvat': v Kremle pridumali novyj psevdonim dlya Naval'nogo (2021, February 21) (The One Who Cannot Be Called by Name: Kremlin Has Invented a New Nickname for Naval'ny — 'Berlin Patient'). *Newsru.com*. Retrieved from <https://yandex.ru/turbo/newsru.com/s/russia/03sep2020/berlinpatient.html> (In Russian)].
- Как в Кремле называют Навального [Электронный ресурс] // Newsru.com. URL: <https://yandex.ru/turbo/newsru.com/s/russia/03sep2020> (дата обращения: 01.10.2020) [Kak v Kremle nazyvajut Naval'nogo (2020, October 01) (The Way the Kremlin Calls Naval'ny). *Newsru.com*. Retrieved from <https://yandex.ru/turbo/newsru.com/s/russia/03sep2020> (In Russian)].
- Кремль назвал итоги голосования «триумфальным референдумом о доверии Путину» [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2020/07/02/833821-kreml-nazval-itogi> (дата обращения: 05.09.2020) [Kreml' nazval itogi golosovanija «triumfal'nym referendumom o doverii Putinu» (2020, September 05) (Kremlin Calls Vote Results a "Triumphal Referendum on Trust in Putin"). *Vedomosti*. Retrieved from

- <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2020/07/02/833821-kreml-nazval-itogi> (In Russian)].
- Protests Swell in Russia's Far East in a Stark New Challenge to Putin (2021, March 12). *NY Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2020/07/25/world/europe/russia-protests-putin-khabarovsk.html>.
- In public, Team Trump Projects Confidence. In Private It's a Different Story (2021, March 12). *NY Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/live/2020/10/18/us/trump-vs-biden/in-public-team-trump-projects-confidence-in-private-its-a-different-story>.
- Trump-Biden-live Updates (2021, March 12). *The Washington Post*. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/elections/2020/11/03/trump-biden-live-updates/>.
- Trump-Biden-live Updates (2021, March 12). *The Washington Post*. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/elections/2020/11/07/trump-biden-live-updates/>.
- Trump-Biden-live Updates (2021, March 12). *The Washington Post*. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/elections/2020/13/07/trump-biden-live-updates/>.

УДК 351/354

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-si-127-138

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ И ДАС — ДИСТАНЦИОННЫЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СЕРВИСЫ В ОБРАЗОВАНИИ

С. В. Устинкин, И. М. Кувакова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Статья посвящена описанию роли лингвистической безопасности в обществе «цифровой» эры и преимуществу одной из новаций, связанной с применением дистанционных альтернативных сервисов (ДАС) в образовании, в т. ч. для реализации программ обучения (ДО, ДПО), в целях развития сообществ территорий, в рамках мультиинновационного подхода. Подход предполагает выполнение инициатив Президента РФ и создание механизмов достижения показателей госпрограммы «Новое качество жизни 2024» — социального благополучия населения России, партнеров «ближнего круга» и стран — членов содружеств с опорой на проект ООН в сфере образования в целях устойчивого развития и коллективной безопасности, включая лингвистическую безопасность.

Ключевые слова: управление; устойчивое развитие; мультиинновационный подход; «образ будущего»; дистанционный альтернативный сервис (ДАС); Программы развития населения территорий «Новое качество жизни 2024»; многомерность; пространство «общего дома»; коллективная безопасность; лингвистическая безопасность.

Linguistic Security of Russia and DAS (Distance Alternative Services) in Education

Sergey V. Ustinkin, Irina M. Kuvakova

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article describes the role of linguistic security in the digital era society and the advantages of the innovation associated with using distance alternative services (DAS) in education with the purpose of implementing training programs and developing communities within specific territories. The multi-innovative approach, described in the article, presupposes implementing the initiatives of the President of the Russian Federation and developing mechanisms for achieving the goals specified in the national program “New Quality of Life 2024” which seeks to improve the social wellbeing of the population of Russia, of partners within the “inner circle,” and of member countries of the commonwealths identified in the UN project in the field of education, aimed at sustainable development and collective security, including linguistic security.

Key words: management sustainable development; multi-innovative approach “image of the future”; remote alternative service (DAS); Development programs for the population of the territories “New quality of life 2024”; multi-dimensionality space of the “common home”; collective security linguistic safety.

1. Введение

Лингвистическая безопасность в обществе начала «цифровой» эры должна рассматриваться как многомерная область научного языкознания и высокоразвитая интегративная система, как ключевой цивилизационный институт и программно-междисциплинарный комплекс, имеющий высокие методолого-теоретические и прикладные достижения, но не лишенный при этом многочисленных и трудных проблем осмысления современности (Воротников 2014; Кувакова, Устинкин 2018).

Проблемное пространство языкознания и его самостоятельная область — лингвистическая безопасность характеризуются сложным взаимодействием, пересечением, смешением тематических полей (теоретическая, прикладная, практическая, пр.), конкретных целей и задач, стоящих в первой трети XXI в., — *от* вопросов «самостоятельного существования как единой науки», что в основном и отражало ее сущность вплоть до конца XIX в., или «утраты методологической монолитности» и «свидетельств кризиса лингвистики» *до* «теоретической лингвистики», изучаемой как «многополюсная дисциплина» с огромным потенциалом широкого разнообразия «точек роста», мира «национальных языков и культур» или проблемы «Куда ж нам плыть?...» (Ю. С. Степанов, Ю. Л. Воротников, Р. М. Фрумкина, Нгуен Ван Хьеп) (Воротников 2014).

Стратегия ООН для сферы образования с целью решения многообразия проблем современности «<...> в интересах устойчивого развития» продуцирует начало работы над новым этапом институционализации, тесно связанной с ключевыми факторами человеческого развития и труда: интеллектуального и научно-технического, технологического, «цифро»-экономического, пр. (Кувакова 2009).

2. Характеристика материала и методов исследования

В общественном движении к будущему, которое создается сегодня силами народов разных государств мира в соответствующем социально-политическом климате всеобщей напряженности, и, как следствие, в весьма неустойчивой социокультурной среде, наполненной экономическими вызовами и геополитическими рисками, огромную

ценность представляет практика профессионального управления по меньшей мере тремя группами процессов.

Первая группа процессов связана с естественной и направляемой как извне, так и изнутри самоорганизацией людей (семья, группа, пр.), в которой принимают участие широкие массы населения, решающие вопросы бытия, — удовлетворения насущных потребностей, бытовой повседневности и труда, выбора «образа будущего». *Вторая группа*, тесно связанная с предыдущей, объединяет программы развития сфер науки, техники, образования, реальных секторов экономики и благополучия разных слоев населения. *Третья группа* процессов — модернизации системы образования, профессионализации и управления развитием человеческого потенциала (Маршак, Кувакова, Соседов 2010; Кувакова 2007), предопределяющего состояние жизненных целей и окружающей атмосферы, движение предприимчивой, деловой среды и решение вопросов человеческой коммуникации, где воспроизводятся, воспитываются и обучаются новые поколения людей, профилируется и функционирует трудовой ресурс — главный источник благополучия любого общества, цивилизации.

Проблематика общественного российского пространства многомерна, а угрозы неопределенности и рисков усиления противоречий, связывающих цивилизационные тенденции и сложные отношения элит, лидеров и народов разных стран, влияют на оценку «образа будущего» сегодня и жизненные смыслы ближайшей перспективы. Так, само «слово» (логос), его «энергия», «позитивная заряженность», опирающиеся на научно-практическое видение многомерного пространства «общего дома» и «философию жизни» человека, занимают особое место в сознании и выборе моделей поведения людей (Кувакова 2007; Кувакова, Устинкин 2018). Растерянное, отягощенное «вирусными угрозами» и неясной перспективой мятущееся сознание личности или, что имеет важное значение в современном мире, решения «манипулируемого субъекта» не способны четко осознать риски и угрозы, своевременно отреагировать на них, упредить и создать благоприятные условия для созидательного социально-экономического развития, динамичного роста. Среди средств обеспечения коллективной безопасности выделим лингвистический инструментарий, наряду с набором способов и практик успешного решения насущных проблем, а, по сути, путь построения архитектуры устойчивого развития территорий, региональных объединений стран и мира в целом. Здесь особым потенциалом располагают инновационные модели эффективного взаимодействия и достижение каждой из

заинтересованных сторон своих качественно-количественных результатов развития, неотделимых, что все хорошо понимают, от вопросов научно-технического и управленческого новаторства (Кувакова 2007; Иванов 2006) — владения, распоряжения, использования и воспроизводства преимуществ ресурсного, человеческого и профессионального капиталов, перспектив территориального соседства, механизмов обмена научной информацией и сотрудничества. Устойчивое развитие, качество жизни и положение человека труда в нашей стране и в разных странах мира, что, очевидно, взаимообусловлено и, в первую очередь, предопределяется интегральным смешением ментальной, интеллектуальной и смысловой составляющими, ценностно содержательным выбором людей, хотя, как известно, существует переплетающееся множество иных микро-, мезо- и макрофакторов, определяющих логики «восходящего» или «нисходящего» движений обществ — интеллектуальных, социокультурных, ресурсных, научно-образовательных, технических, технологических, экономических, гео- и политических...

Очевидно, что многие моменты развития современного мира прямо зависят от благополучия и духовно-интеллектуального потенциала населения, качества (степени, уровня) жизни и обученности человека, возможностей свобод и личностного роста, что и направляет по большому счету концентрацию усилий обществ и состояние национальных экономик, описывает контур цивилизационных перспектив, стабильности и легитимности порядка в мире. Тому же служат и практика управления или решения вопросов общественного движения и развития, промышленного и экономического роста, затрагивающие всех без исключения — заинтересованных лиц и стороны взаимодействий, области знания, отрасли и сферы жизнедеятельности, которые обычно рассматриваются как участники социальной самоорганизации, определяющие выбор путей развития, установления порядка и суть правил коммуникации, норм и поведения сообществ, либо приемов безопасного конструктивного взаимопонимания и сотрудничества, либо конфронтации.

Акты выбора — важнейшие элементы современной жизнедеятельности, отражают умение решать проблемы политического и делового языка, диалога, создания человеческих связей и трактовки международной «буквы закона».

Выбор решений, как преимущественно приоритетов частного, сугубо национальной автономии, акцент на абсолютном суверенитете, инициациях одностороннего порядка в ущерб долгосрочным отношениям

партнерства и сотрудничества, равно как и настаивание на «своих условиях», не требуют, как правило, движений к взаимопониманию. Тем не менее история учит, что претензии исчезают, когда растрачиваются ресурсы, теряются преимущества и иссякают силы, а поэтому никто не отменил практику уважения традиций, компаративной деловой и предприимчивой коммуникации, основанной на движении к взаимовыгодным отношениям, открытости и доверию, что и есть «<...> интеллектуальный продукт человека, государства и цивилизации» (Кувакова 2007).

Все решения, как известно, нужны и «хороши вовремя»; каждое из них принимается в сложных условиях необходимости обоюдного или, как в современном мире, многостороннего согласия, что практически невозможно вне широкой коммуникации, обмена идеями и мнениями, обсуждения и общих, сближающих — профессиональных принципов построения отношений, содержательного анализа, диалога и согласованных сценариев, качественных критериев и методов оценок, что относится и к хорошо известным в каждой стране внутренним вопросам, и к целому ряду вызовов мирового уровня — «диффузии» власти и населения, личности и общества, языков и культур.

Есть множество вопросов, для решения которых требуется согласие и мирный, откровенный, взаимоуважительный разговор на «одном языке» — *от* совместного противодействия вызовам и поиска ответов на угрозы времени: бедности, нищеты и невежества, дискриминации и лингвистического насилия — *до* обеспечения коллективной безопасности, демократических прав и свобод, устранения крайних проявлений несправедливости, борьбы с коррупцией...

А главное, обновленный порядок в обществе и мире вполне достижим, только элитам и народам нужно выйти на путь поиска взаимопонимания — «восхождения» во всех сферах общественной жизни — мировоззренческой (идеологической), экономической, гео- и политической и социальной. Здесь участие российского общества, граждан обязательно, поскольку путь — *от* просвещения и воспитания нового, подающего надежды поколения молодежи *до* обучения всех желающих из числа населения (13+ — 60+) предполагает их подготовку и участие в создании благоприятных условий для личностного и профессионального развития (карьерного роста), реализации своих чаяний и требований к качеству (уровню) комфортности среды места жительства; для открытия новых горизонтов общего, коллективного (территориального) благополучия и соответственно неуклонного роста своего личного

достатка. Но и далее — высокая мотивация «блага для всех», интерес и уважение к истории, языкам и культурам других стран и континентов постепенно приведут к новому витку сознательной организации, иным типам мотивации и стимулам движения — к расширению опыта «дискуссии на одном языке», возможностям «живого» общения, предприимчиво-деловой коммуникации и плодотворного диалога людей разных государств и поколений, вероисповеданий, воззрений и профессий. Снижение мировоззренческих и языковых барьеров сможет помочь выбору общего «образа будущего», привлекательного, приемлемого для каждого и всех, разных обществ и стран; движению к единению усилий и совместному строительству «общего дома» — высокого качества и комфортности духовно-интеллектуальной, социокультурной и социально-политической среды — от муниципалитета (местного самоуправления), территории (региона) в своем государстве до всего населения мира.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Полагаем, многомерность современного языкознания и выделившийся в его лоне особый «жанр управленческой деятельности» — управление лингвистической безопасностью — есть объективное свидетельство, фактически прямое указание на феномен и действие закономерностей социальной самоорганизации (Кувакова 2019), определяющих выбор траекторий как всех областей познания, так и производных от них и созданных человеком сообществ — всех ранее существовавших и существующих территориальных общностей, народонаселения государств, а также всего мирового человечества.

Самоорганизация поля проблем науки о языке обусловила, во-первых, рост объемов и масштабов знаний; во-вторых, лавинообразное расширение предметов, объектов и методов лингвистических исследований; в-третьих, усложнение количественно-качественных характеристик языкового анализа, что, как следствие, в-четвертых, предопределило многопрофильный контент прикладного и практического опыта, а в-пятых, обусловило развертывание семантического контента и профессиональное «восхождение» языкового научного сотрудничества. Так, новые возможности беспредельных горизонтов познания, с одной стороны, и остро стоящие вопросы выживания цивилизации, судеб стран и блага народов, с другой, теснейшим образом переплелись в широкую проблематику языкознания с тематическим контекстом реальности и ее «болевыми точками» — национальной и коллективной безопасностью, на пересечении которых выделилась область самостоятельных исследова-

ний — лингвистическая безопасность, имеющая ряд принципиальных черт гуманитарных наук, во многом определяющих вместе с другими традиционными и вновь создаваемыми, «цифровыми» сферами общественной жизни, смыслоценностные ориентиры прошлого, широкие возможности настоящего и образования для будущего в единой логике «цивилизационного кода» саморазвития человечества.

Это яркое и убедительное свидетельство объективной «встроенности» языкознания в цивилизационную эволюцию самоорганизации человека и развития образования и общества со всеми присущими их динамичному движению новыми открытиями, «маршрутами» и «плодоносными побегами на общем стволе науки о языке» (Ю. Л. Воротников); опытом, пробами и ошибками, связанными с естественными попытками профессиональных сообществ разных отраслей знаний и практики очертить главные области и выявить основные проблемы субъекта и его роли, места в современном мире. Все это подлежит подробному анализу — специальным научным, лингвистическим, семантическим, социокультурным, социально-политическим, экономическим и прочим исследованиям как приоритетным для разработки новаторских механизмов, апробирования и воплощения в реальности привлекательного «образа будущего» и нового качества жизни — благого и безопасного мира.

Первая область проблем связана со смыслоценностными ориентирами человека и общества, что определяет состояние экономики, политики и управления в мире. Вопросы не только формулируют «языковой смысл» или отражают «структуру смыслового строя языка», но и определяют главные цели, приоритеты, то есть то, к чему призывают и куда зовут ныне живущие и будущие поколения людей, идущие первым на смену. Вторая область проблем — об участии в жизнедеятельности человека и общества так называемых «сложных семантических структур», которые и российскими, и зарубежными специалистами изучаются в виде «<...> культуроспецифических конфигураций универсальных смысловых элементов — врожденных человеческих концептов» (А. Вежбицкая), восходя к античным образцам «врожденных идей» (Платон), которые априори присутствуют в сознании, «предшествуют» мышлению (восприятию, рассуждению) и обуславливают выбор жизненных ориентиров, составляющих «язык мысли». Третья область проблем связана с качественным «весом» оценок, например, валидностью — достоверностью, обоснованностью методов исследования и, как следствие, доказательствами того или иного влияния «<...> врожденных

семантических примитивов» наряду со сложными смыслоценностными конструкциями — «языковыми структурами» или их «универсальностью», как «имеющей место во всех языках» (Ю. Д. Апресян). Отсюда еще одна самостоятельная, мало разработанная и не технологизированная область — трактовка, интерпретация, привязка роли субъекта к контексту современной жизни и ее «системообразующих смыслов».

Безусловно, на этом перечень проблем лингвистического пространства не исчерпывается, но позволяет выделить один из весьма существенных моментов. Во-первых, кто сможет помочь человеку разобраться и правильно сориентироваться в широком предложении разноценностных контекстов, за которыми, как правило, следует решение и поступок. Во-вторых, можно ли и как научить человека, население моделям «тренированной интроспекции», — «<...> наблюдению за собственным языковым сознанием (А. Вежбицкая), то есть самостоятельно и критически (но без крайностей) осмысливать личное и общественное (социальное, экономическое, политическое, культурное...) мирочувствие, представления и ощущения близких людей, сложные моменты жизненного выбора или собственной активности и пр., например, средствами линейной, «ступенчатой декомпозиции» (Ю. Д. Апресян) (Воротников 2014; Кувакова, Устинкин 2018).

Идеи и перспективы самоорганизации раскрываются в насущной необходимости бытия, закономерностях и прогнозах создания «устойчивого общества людей», среди механизмов которого «интеграция» (сменивший «интернационализацию» и др.), что связано с целями развития лингвистической безопасности, сфер науки и образования, с движением ко взаимопониманию, более тесному и взаимовыгодному сотрудничеству на принципах партнерства, и долгосрочного предприимчиво-делового взаимодействия, взаимосодействия, а в идеале — человеческого дружелюбия и доброделания.

Полагаем, что началу объективно нового этапа сотрудничества (Иванов 2006; Кувакова, Соседов 2009) по достижению условий устойчивого развития и коллективной безопасности на любой территории нашей страны и в дружественных России государствах — партнерах «ближнего круга» и членах содружеств — может способствовать выбор мультиинновационного подхода.

Мультиинновационный подход предлагает континуум направленных (управляемых) процессов разработки, обоснования и выбора комплексных социально-экономических, социально-политических, социокультурных и в перспективе — языковых (свободное владение, применение,

документооборот) изменений, которые воспроизводятся как естественная потребность и профессиональный «продукт» на фундаменте теоретического концепта феномена социальной (общественной) самоорганизации. Обоснованность опирается на сложное сочетание разного рода теоретических и практических образцов: идей, концепций, теорий, моделей социального, экономического и институционального роста, механизмов хозяйствования, коммуникации и развития, смешение которых предлагается спроектировать, адаптировать, исходя из специфики территорий, и применять в сферах само- и управления — государственного, регионального, муниципального, местного. Подход, по некоторым оценкам, весьма продуктивен в достижении неуклонного роста качества (уровня) жизни всего населения, проживающего на конкретной территории, в обеспечении социальной защищенности, экономических и политических прав и свобод граждан и, как следствие, коллективной безопасности России, партнеров «ближнего круга» и стран — членов содружеств. Проект разработан в целях содействия языковой политике, реализации инициатив Президента РФ в части программы «Новое качество жизни 2024», развития малого и среднего предпринимательства с опорой на проект ЕЭК ООН «<...> для образования в интересах устойчивого развития» в глобальном масштабе (Стратегия ЕЭК).

4. Заключение

Мультиинновационный подход и программа «Новое качество жизни 2024» представляют особую модель (инкорпоративной) самоорганизации населения, используют достижения в областях разных отраслей научного знания и информационно-цифровых технологий; опираются на кооперацию вузов и всех заинтересованных организаций, на взаимную продуктивную работу по проектированию, запуску и развертыванию ДАС — *дистанционных альтернативных сервисов*. ДАС ориентирован на обеспечение, например, потенциальных потребностей рынка в области повышения квалификации, дополнительного и профессионального образования, другого, не конкурирующего с существующими, но способного содействовать быстрой самоорганизации партнерств, товариществ, территориальных автономий, т. е. взаимовыгодной совместной деятельности во всех областях общественной жизни и сферах малого и среднего бизнеса, в т. ч. по проектированию, созданию и открытию новых высокооплачиваемых рабочих мест. Как следствие, данный подход призван содействовать закреплению в стране атмосферы добродетели, невостребованный потенциал которого, ярко

характеризующий менталитет населения России, чрезвычайно высок. Последнее, отчетливо отвечая на естественные зов-потребности общественной самоорганизации, к примеру, явлено в душевной щедрости и человеческой сопричастности, в высочайших образцах профессионального мастерства и подлинных примерах милосердия, которые проявились в период пандемии COVID в работе медиков и движении волонтеров.

Создание ДАС как, например, одной из подпрограмм местного, муниципального, регионального и государственного управления не только не конкурирует с известными предложениями на рынке образования, но в определенной степени дополняет их, раскрывая имеющиеся возможности и пути для более широкого энергичного просветительского, воспитательного, образовательно-профессионального вовлечения всего населения — всех категорий и возрастов — в совместное строительство нового будущего. И здесь важен контент (актуальные для современности проблемы точных и гуманитарных наук, человека как актора языкознания, религиоведения, этики и эстетики; популярные вопросы экономики, финансов и управления, государственного и муниципального контроля и пр.), неотъемлемой частью которого становится общее повышение грамотности и интереса к жизни, уровня лингвистической безопасности и профессионализма.

Список литературы / References

- Воротников Ю. Л.* Наука о русском языке в начале XXI века: приоритетные области и перспективы развития // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция (Москва, 16–19 сентября 2014): Доклады и сообщения / Отв. ред. А. Н. Биткеева, В. Ю. Михальченко. М.: Тезаурус–Языки народов мира, 2014. С. 29–38. [Vorotnikov, Yuriy L. (2014) Nauka o russkom yazyke v nachale XXI veka: prioritetnye oblasti i perspektivy razvitiya (The Scientific Research on the Russian Language at the Beginning of the XXI Century: Priority Areas and Prospects of Development). In Bitkeeva, Aysa A., Mikhilchenko, Vida Yu. (eds.) *Yazykovaya politika i yazykovyye konflikty v sovremennom mire: Mezhdunarodnaya konferentsiya* (Moskva. 16–19 sentyabrya 2014): Doklady i soobshcheniya (Language Policy and Language Conflicts in Contemporary World: International Conference (Moscow, 2014, September 16–19): Reports and Messages. Moscow: Tezaurus–Yazyki narodov mira, 29–38. (In Russian)].
- Кувакова И. М.* Профессионализм и управление человеческими, трудовыми ресурсами — интеллектуальный продукт человека, государства и цивилизации // Российское предпринимательство: история и современность: Материалы III Международной межвузовской студенческой научно-практической конференции. 10–11 мая 2007 г., Москва, РАП. М.: Российская Академия предпринимательства;

- Агентство печати «Наука и образование», 2007. С. 157–161. [Kuvakova, Irina M. (2007) Professionalizm i upravleniye chelovecheskimi. trudovymi resursami — intellektualnyy produkt cheloveka. gosudarstva i tsivilizatsii (Professionalism and Management of Human, Labor Resources — an Intellectual Product of a Person, State and Civilization). *Rossiyskoye predprinimatelstvo: istoriya i sovremennost: Materialy III Mezhdunarodnoy mezhvuzovskoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 10–11 maya 2007 g. Moskva. RAP* (Russian Entrepreneurship: History and Contemporaneity: Proceedings of III International Interuniversity Scientific and Practical Conference for Students, 2007, May 10–11, Moscow, RAP). Moscow: Rossiyskaya Akademiya predprinimatelstva; Agentstvo pechaty «Nauka i obrazovaniye», 157–161. (In Russian)].
- Кувакова И. М. Процессы институционализации и самоорганизации в сфере образования: вопросы научной методологии: монография / под общ. науч. ред. А. Л. Маршака. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2009. [Kuvakova, Irina M. (2009) *Protsessy institutsionalizatsii i samoorganizatsii v sfere obrazovaniya: voprosy nauchnoy metodologii: monografiya pod. obshch. nauch. red. A. L. Marshaka* (Institutionalization and Self-organization Processes in Education: Issues of Scientific Methodology: Monograph. In Marshak, Arkadi L. (ed). Tambov: Tambov State Technical University. (In Russian)].
- Кувакова И. М. Явление социальной самоорганизации, «картина мира» и их объективное отражение в общественном мироустройстве // Ученые записки: Роль и место цивилизационного предпринимательства в экономике России, Т. 18. № 1. М.: Российская академия предпринимательства; Агентство печати «Наука и образование», 2019. С. 235–240. [Kuvakova, Irina M. (2019) Yavleniye sotsialnoy samoorganizatsii. «kartina mira» i ikh obyektivnoye otrazheniye v obshchestvennom miroustroystve (The Phenomenon of Social Self-organization, “Picture of the World” and Their Objective Reflection in the Social World Order). *Uchenyye zapiski: Rol' i mesto tsivilizatsionnogo predprinimatel'stva v ekonomike Rossii* (Scientific Notes: Role and Place of Civilizational Entrepreneurship in Economy of Russia). Moscow: Rossiyskaya akademiya predprinimatelstva; Agentstvo pechaty «Nauka i obrazovaniye», vol. 18, 1, 235–240. (In Russian)].
- Кувакова И. М., Устинкин С. В. Язык как институт и инструмент умо- и самостроения будущего мира // Власть. 2018. Т. 26. № 7. С. 173–182. [Kuvakova, Irina M., Ustinkin, Sergey V. (2018) Yazyk kak institut i instrument umo- i samostroyeniya budushchego mira (Language as an Institution and a Tool for the Mind and Self-Construction of the Future World). *Vlast*, vol. 26, 7, 173–182. (In Russian)].
- Маршак А. Л., Кувакова И. М., Соседов Г. А. Система образования в условиях модернизации современного российского общества: проблемы социальной многомерности. М.: Издательский дом «Спектр», 2010. [Marshak, Arkadi L., Kuvakova, Irina M., Sosodov, Gennadi A. (2010) *Sistema obrazovaniya v usloviyakh modernizatsii sovremennogo rossiyskogo obshchestva: problemy sotsialnoy mnogomernosti* (The Education System in the Context of Modernization of Modern Russian Society: Problems of Social Multidimensionality). Moscow: Izdatelskiy dom «Spektr». (In Russian)].
- Нгуен Ван Хьен. О некоторых аспектах изучения языков национальных меньшинств во Вьетнаме / Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция (Москва, 16–19 сентября 2014): Доклады и сооб-

шения / Отв. ред. А. Н. Биткеева, В. Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. М.: Тезаурус–Языки народов мира, 2014. С. 45–48. [Nguyen Van Hiep. (2014) O nekotorykh aspektakh izucheniya yazykov natsionalnykh menshinstv vo Vyetname (Some Urgent Issues in Studying the Languages of Ethnic Minorities in Vietnam). In Bitkeeva, Aysa A., Mikhachenko, Vida Yu. (eds.) *Yazykovaya politika i yazykovyye konflikty v sovremennom mire: Mezhdunarodnaya konferentsiya* (Moskva. 16–19 sentyabrya 2014): Doklady i soobshcheniya (Language Policy and Language Conflicts in Contemporary World: International Conference (Moscow, 2014, September 16–19): Reports and Messages. Moscow: Tezaurus–Yazyki narodov mira, 45–48. (In Russian)].

Социальная инноватика в управлении: муниципальные финансово-производственные группы: учебное пособие для вузов / В. Н. Иванов, С. Б. Мельников, И. М. Кувакова [и др.] / Под общей ред. В. Н. Иванова, С. Б. Мельникова. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Муниципальный мир, 2006. [Ivanov, Valentin N., Melnikov, Sergej B., Kuvakova, Irina. M (2006). *Sotsialnaya innovatika v upravlenii: munitsipalnyye finansovo-proizvodstvennyye gruppy: uchebnoye posobiye dlya vuzov* (Social Innovation in Management: Municipal Financial and Production Groups: a Textbook for Universities). In Ivanov, Valentin N., Melnikov, Sergei B. (eds.) 4th ed. Moscow: Munitsipalnyi mir. (In Russian)].

Стратегия ЕЭК ООН для образования в интересах устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL: <http://www.geogr.msu.ru/science/projects/our/docs/index.php> (дата обращения: 12.01.2020). [Strategiya EEK OON dlya obrazovaniya v interesakh ustoychivogo razvitiya (2020, January 12) (UNECE Strategy for Education for Sustainable Development). Retrieved from <http://www.geogr.msu.ru/science/projects/our/docs/index.php> (In Russian)].

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 811.161.1'272

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-si-139-152

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В МОДУСЕ МУЛЬТИЛИНГВИЗМА

Б. А. Жигалев¹, А. А. Прохорова²

¹Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

²Ивановский государственный энергетический университет
им. В. И. Ленина, Иваново, Россия

В статье рассматривается проблема лингвистической безопасности России в логике интеграции в мировое сообщество. В условиях современных социально-экономических и политических реформ в нашей стране складывается новая языковая ситуация. С одной стороны, наблюдается отказ от монолингвизма и развитие русско-национального полилингвизма, с другой стороны, определяется явная ориентация на продвижение мультилингвизма как следствия сближения с Европой. Европейский союз активно продвигает политику мультилингвизма, призывая обучающихся граждан к расширению своих лингвистических репертуаров. Поступающие в российские университеты молодые европейцы, как и представители других стран, не входящих в ЕС, в большинстве своем мультилингвально и предлагаемый к освоению в вузе русский язык оказывается для них «ещё одним» иностранным. В своём стремлении продвинуть русский язык и культуру посредством вовлечения иностранных студентов педагоги отечественной высшей школы старательно создают особую лингвистическую среду, максимально активизируя все возможные технологии и средства, организуя множество русскоязычных курсов, внеаудиторных мероприятий. Однако, несмотря на такой серьёзный подход, многие иностранные обучающиеся воспринимают это как навязывание, ограничивающее их в изучении других языков и культур. Авторы статьи видят решение данной проблемы в ракурсе применения мультилингвального подхода в качестве механизма «мягкого вовлечения и продвижения» русского языка и культуры среди иностранных обучающихся. Анализируется опыт внедрения данного подхода в условиях технического вуза на примере обучения будущих инженеров русскому языку как иностранному. Описываются функциональные характеристики встраиваемых в курс русского языка мультилингвальных блоков (фасилитационный, акселерационный, коммуникативный, организа-

ционный, переносимый). Выделяются преимущества и перспективы мультилингвального подхода в деле формирования лингвистической безопасности.

Ключевые слова: лингвистическая безопасность; национальная идентичность; культурная интеграция; мультилингвизм; мультилингвальный подход.

Linguistic Security of Russia in the Mode of Multilingualism

Boris A. Zhigalev¹, Anna A. Prokhorova²

¹N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

²Ivanovo State Power Engineering University, Ivanovo, Russia

The article examines the problem of linguistic security of Russia within the logic of integration into the world community. A new language situation is developing in the context of modern socio-economic and political reforms in Russia. While, on the one hand, there is a rejection of monolingualism and a tendency towards the development of Russian national polylingualism, on the other hand, there is a clear orientation towards promoting multilingualism as a consequence of rapprochement with Europe. The European Union is actively promoting the policy of multilingualism, encouraging learners to expand their linguistic repertoires. Like other representatives of non-EU countries, young Europeans entering Russian universities are mostly multilingual, and for them the Russian language offered as part of their university course is just another foreign language. To promote the Russian language and culture through educating foreign students, faculty members of Russian universities seek to create a special language environment, activating all possible means and technologies to optimize the process, teaching Russian courses for international students, and organizing engaging extra-curricular activities. Despite such serious efforts, however, many foreign students perceive this as an imposition that limits them in the study of other languages and cultures. The authors of the article see a potential solution to this problem in using a multilingual approach as a mechanism for “*subtle engagement and promotion*” of the Russian language and culture among foreign students. They offer a case study of implementing this approach in a technical university where Russian is taught as a foreign language to future engineers and describe the functional characteristics of multilingual modules built into the Russian language course (facilitative, accelerative, communicative, organizational, and transferable), highlighting the advantages and prospects of the multilingual approach in the formation of linguistic security.

Key words: linguistic security; national identity; cultural integration; multilingualism; multilingual approach.

1. Введение

Современные геополитические изменения, итогом которых становится расширение масштабов международной и внутренней миграции, рост академической и трудовой мобильности, развитие Интернета и новых технологий связи, упрочение культурных, социальных, деловых и научных контактов обеспечивают беспрецедентный по объему обмен информацией. Разноязычные коммуникативные и этнокультурные взаимодействия, стремление к сохранению самобытности народов и стран, а также использование этих тенденций в геополитической борьбе приводит

к появлению проблем, связанных с лингвистической безопасностью личности и государства. В условиях происходящей цивилизационной трансформации многоязычного мира интеракция между странами и политика неконфликтного сосуществования множества разнородных культурных групп внутри государства должны базироваться на тщательном изучении внешних и внутренних лингвокультурных процессов.

Поскольку к числу основных объектов обеспечения лингвистической безопасности России относится единый государственный русский язык и языки других народов, населяющих Россию, то внутренней ключевой проблемой лингвистической безопасности нашей страны является обеспечение устойчивого развития общегосударственного языка во взаимодействии с языками других народов (Халеева 2006). Отметим, что многонациональность Российской Федерации зачастую воспринимается как фактор, подрывающий единство государства, как источник нестабильности. Однако гармоничное сосуществование и взаимодействие различных народов России много лет доказывает, что многонациональность государства может быть своеобразной «иммунной защитой» от опасностей глобализации и угроз столкновения цивилизаций XXI века (Жигалев, Устинкин 2015).

Анализ актуальной литературы по языковой политике (Казарян 2013; Смирнова 2013; Алпатов 2014) показывает, что в условиях современных социально-экономических и политических реформ в нашей стране складывается новая языковая ситуация. С одной стороны, наблюдается отказ от монолингвизма и развитие русско-национального многоязычия (полилингвизма), с другой стороны, определяется явная «ориентация на продвижение мультилингвизма как следствия интеграции в мировое разноязычное сообщество» (Михальченко 2010; Селиверстова 2015).

2. Материалы и методы

В настоящее время Европейский союз активно продвигает политику мультилингвизма (Edwards 2004; Li 2008; Paradowski 2011; Aronin, Singleton 2012; Schjerve, Vetter 2012; Lauridsen 2013; Otwinowska, De Angelis 2014), призывая обучающихся граждан к расширению своих лингвистических репертуаров. Об этом свидетельствует обновленная система общеевропейских компетенций, наполненная идеями плюрилингвизма и плюрикультурности (Common European Framework of Reference: Learning, Teaching, Assessment 2018: 28). Новое поколение граждан считает себя частью мультилингвальной и объединенной Европы. Мультилингвизм является культурным и лингвистическим вызовом, «основанием европей-

ской интеграции» и «лингвистического разнообразия», лежащих в «основе солидарности и благосостояния» (Kemp 2009; Ammon 2010; Cenoz, Gorter 2011; Edwards 2012; Cenoz 2013). Знание двух или даже трёх иностранных языков для европейских школьников и студентов сегодня является нормой.

Таким образом, поступающие в российские университеты молодые европейцы, как и представители других стран, не входящих в ЕС, в большинстве своем мультилингвальны, и предлагаемый к освоению в вузе русский язык оказывается для них «ещё одним» иностранным. В своём стремлении продвинуть русский язык и культуру посредством вовлечения иностранных студентов педагоги отечественной высшей школы старательно создают особую лингвистическую среду для того, чтобы данный контингент обучающихся чувствовал русское гостеприимство, знал русские обычаи и традиции, отмечал русские праздники, понимал русскую душу и т. д.

В этой связи организуются многочисленные проекты, состоящие из ряда культурно-образовательных и других мероприятий, способствующих формированию позитивного отношения к России, распространению русского языка в мире, росту контингента желающих изучать русский язык и познакомиться с русской культурой, повышению мотивации иностранных студентов к изучению русского языка (Токарева, Фалина 2013). Подобные мероприятия обычно носят комплексный характер и включают занятия по русскому языку в соответствии с уровнем владения русским языком; экспресс-курсы русского языка для иностранных граждан, не владеющих русским языком; знакомство с русской культурой: русские народные промыслы, путешествия по городам России, театрализация на основе русских народных песен и сказок, русская кухня, русский речевой этикет; русский язык в играх; русскоязычные викторины и многое другое.

Несмотря на такой серьёзный подход к продвижению русского языка и культуры, при опросе будущих инженеров, прибывших на обучение в Ивановский государственный энергетический университет из-за рубежа, выяснилось, что многие (40 % опрошенных) отмечают переизбыток информации о России и русскоязычных событиях, а некоторые даже выражают недовольство от непонимания, для чего их так усиленно «погружают» исключительно в русскую культуру, «заставляют» участвовать во всех связанных с этим мероприятиях и «ограничивают» изучением русского в качестве иностранного языка.

В этой связи возникает проблема, решение которой напрямую зависит от педагогов, лингвистов, специалистов в области культуроведения, страноведения, методики обучения русскому языку как иностранному, а именно — *каким образом «мягко» вовлечь иностранных студентов в изу-*

чение и продвижение русского языка и культуры без использования политики «навязывания»?

Президент В. В. Путин поручил до 2024 года «удвоить количество иностранных студентов, приезжающих учиться в Россию» (РГ 2020). Данный тезис лег в основу приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», цель которого состоит в повышении привлекательности и конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг. Ожидается, что к 2025 году количество иностранных студентов превысит 700 тысяч человек (Паспорт 2017).

В 2021 году Россотрудничество предлагает ввести новый сервис для поступающих в российские вузы абитуриентов «Образование иностранцев в РФ», который позволит студентам из других стран подавать заявки по упрощенной схеме, что, по прогнозам начальника управления реализации проектов в сфере образования и науки Россотрудничества М. С. Попова, поможет существенно увеличить поток прибывающих на обучение иностранных граждан как из стран СНГ, так и дальнего зарубежья (РГ 2020).

В задачи Россотрудничества также входит представление иностранным абитуриентам преимуществ региональных вузов, которые предлагают перспективные образовательные программы, организованные в более комфортной и безопасной академической среде, чем в столичных высших учебных заведениях. М. С. Попов также отмечает, что самыми востребованными на сегодняшний день являются направления подготовки в области медицины и инженерного дела.

Примечательно, что правительство РФ оказывает специальную поддержку тем учреждениям, которые осуществляют эффективную подготовку специалистов (отечественных и иностранных), давая им профессиональные знания и формируя новые, востребованные в современных условиях компетенции. В частности, последние должны учитывать кросс-культурный мультилингвальный характер будущей профессиональной деятельности студентов, делая их не только конкурентоспособными на мировом рынке труда, но и формируя у них способность и готовность выполнять в мировом сообществе новую функцию — «межкультурных агентов».

3. Результаты исследования и их обсуждение

В этой связи интересен опыт работы кафедры русского и иностранных языков Ивановского государственного энергетического университета имени В. И. Ленина» (далее — ИГЭУ), который получен

в ходе организации и развития мультилингвальной деятельности иностранных обучающихся.

Уточним, что ИГЭУ является крупным образовательным, научным и производственным центром, в котором обучаются студенты — будущие инженеры. Обучение русскому и другим иностранным языкам (английскому, французскому, немецкому) в данном высшем учебном заведении осуществляется с опорой на интегрированную модель, доминанта которой состоит в реализации принципов мультилингвального подхода к организации учебной деятельности. В недавнем исследовании, посвящённом мультилингвальному обучению студентов технического вуза (Прохорова 2019, 2020), было установлено, что указанный выше подход обладает рядом особых характеристик (см. Табл. 1), которые позволяют применять его в том числе в логике обучения иностранным языкам и русскому языку как иностранному.

Таблица 1. Особенности мультилингвального подхода

МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКОМ ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ	➤ обладает большим потенциалом с компетентностным и личностно-деятельностным подходами
	➤ усиливает лингвистическую составляющую образовательного процесса в техническом вузе
	➤ обеспечивает переход к реальному освоению механизма разноязычного взаимодействия
	➤ позволяет овладеть стратегиями успешной разноязычной коммуникации и разрешения проблем меж- и кросс-культурного характера
	➤ определяет результативно-целевую направленность образования иностранных студентов — будущих мультилингвальных инженеров

Мультилингвальный подход позволяет рассматривать русский язык и культуру в сопоставлении с другими языками и инокультурами, ненавяз-

чиво и мягко встраивая его в формирующуюся лингвосистему иностранных обучающихся. Кроме того, внедрение вышеупомянутого подхода предполагает обновление общей учебной деятельности будущих представителей технической интеллигенции, прибывших на обучение из зарубежных стран, поскольку помимо изучения русского языка и культуры, обучающиеся имеют возможность совершенствовать другие, ранее изучаемые языки, а также осваивать (по своему желанию) новые, востребованные в соответствующей отрасли народного хозяйства иностранные языки, предлагаемые к изучению в вузе. В процессе мультилингвального обучения личность овладевает способностью рассматривать себя в качестве «проводника в мировое сообщество» и воспринимать себя как субъекта «полилога культур», осознавать свою собственную роль и ответственность в судьбе России и других стран.

Вместе с тем, выступая в качестве носителей собственной культуры и языка, иностранные обучающиеся овладевают способностью прогнозировать и предотвращать возможные социокультурные и межкультурные проблемы, ведущие к созданию ложных стереотипов; формулировать аргументирующие убеждения, ведущие к поиску компромисса; избегать возникновения вербальной агрессии; решать возникшие социокультурные и межкультурные инциденты; строить мосты в мир российского и международного инжиниринга через позитивный ди- и полилог.

Многие работодатели среди ключевых компетенций, которыми должен обладать конкурентоспособный инженер любого направления подготовки, часто выделяют способность работать в команде, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия; способность к коммуникации в устной и письменной формах на родном и иностранных языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия и др. Поэтому обучение иностранных студентов технического вуза должно отвечать как требованиям постоянно трансформирующегося многоязычного социума, так и профессионального сообщества крупных работодателей, которые они выдвигают к российским и зарубежным соискателям.

Мультилингвальное обучение иностранных студентов в ИГЭУ предполагает введение помимо курса русского языка дополнительных мультилингвальных блоков, которые включают ряд мультилингвальных внеаудиторных мероприятий, ориентированных на решение проблемных ситуаций и совместное лингвистическое творчество.

Например, для студентов бакалавриата организуются: круглый стол по проблемам мультилингвизма; межфакультетская конференция «Европейский день языков»; конкурс стихов и песен на разных языках *Multilin-*

gual Voice, викторина «Мультилингвальный гид в англоязычный мир»; мультилингвальный баттл «Технарь против лирика»; мультилингвальная R_{DEF}-ИТР-студия: «Ты меня понимаешь?» и др.

Для обучающихся в магистратуре предлагаются следующие мероприятия: вечер кросс-культурных парадоксов со всего мира «Невозможное возможно»; мультилингвальный марафон по озвучиванию разноязычных тематических короткометражных фильмов; путеводитель по международной переписке *Guide to International Letter Writing*, битва мультилингвальных полилогов «Убеди меня...»; конкурс переводов «Я инженер-мультилингв»; мультилингвальная игра «Цифровой эрудит» и др.

Разработка содержания мультилингвальных блоков осуществлялась с опорой на опыт европейской системы образования, в которой курсы обучения подразделяются: на *основные*, составляющие часть базовой образовательной программы, *связанные*, поддерживающие базовую программу; *непрофилирующие*, то есть необязательные курсы (Болонский процесс: нарастающая динамика (документы международных форумов и мнения европейских экспертов) 2002).

Кроме того, учитывались положения Концепции непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 года, в логике которой осуществляется синхронизация образовательных и карьерных траекторий для обеспечения актуальности и востребованности профессионально значимых умений, компетенций и квалификаций работников, что предполагает организацию основных (базовых) и дополнительных (специальных) учебных курсов.

В содержание курса обучения русскому языку для иностранных студентов технического вуза встраивается ряд актуальных для будущей инженерной деятельности блоков, которые его дополняют, расширяют, углубляют, интенсифицируют, обогащают разноязычным коммуникативным и коммуникационным контентом. Речь идёт о введении таких блоков, как:

а) *фасилитационный* (от англ. *facilitate* — «помогать, направлять, облегчать»), позволяющий организовывать конструктивное меж- и кросс-культурное общение с учётом лингвистических и культурных особенностей коммуникантов, овладевать технологиями эффективной коммуникации, находить верный метод совместного созидательного и результативного взаимодействия с представителями иных культур и языков;

б) *акселерационный* (от лат. *acceleratio* — «ускорение»), интенсивно поддерживающий связь между языками и новыми технологиями как двигателями современного ускоренного научно-технического прогресса. Данный блок ориентирован на обучение быстрому поиску и вычленению значимой разноязычной информации, а также на обработку и трансформацию

собранного материала, генерацию собственного текста сообщения, в том числе при виртуальном общении, имеющем опосредствованный компьютером характер и реализующемся с помощью телекоммуникационных систем.

Таким образом, иностранные обучающиеся помимо *базового блока* (ИЯ1) «Русский язык как иностранный» — предмета, составляющего ядро программы, осваивают *фасилитационный блок*, — помогающий вхождению в мультилингвальный кросс-культурный континуум (+ИЯ2, +ИЯ3) и построению конструктивных ди- и полилогов с носителями русского языка и представителями иносоциумов; *коммуникативный блок*, — углубляющий содержание программы посредством мультилингвальной дискуссионной деятельности, которая ориентирована на выявление и сопоставление точек зрения, позиций представителей русской культуры и других лингвосоциумов, в подборе и предъявлении убедительной аргументации; *акселерационный блок*, — ориентированный на интенсивное развитие и совершенствование мультилингвальной коммуникативной компетенции в логике работы со стремительно развивающимися и появляющимися новыми цифровыми, информационно-коммуникационными, компьютерными и другими технологиями, а также расширяющейся сферы применения мультилингвальных навыков в ракурсе виртуального (скоростного) обмена информацией; *переносимый блок*, — обогащающий содержание программы посредством подключения практической (проектной, игровой и др.) мультилингвальной деятельности, предполагающей перенос знаний в процесс реального академического и профессионального сотрудничества; и *организационный блок*, предназначенный для самостоятельной организации мультилингвальной деятельности во внеурочное время, самоорганизации, самообучения, самосовершенствования.

В целях мониторинга результатов самостоятельного обучения осуществляется проверка внеурочной мультилингвальной активности обучающихся. В этой связи студенты ведут «Дневник мультилингвальных достижений и трудностей». В первой графе мультилингвального дневника «Достижения» иностранные студенты регистрируют все виды разноязычной деятельности, которые им удавалось осуществить за неделю (Например, просмотр фильма на русском или другом иностранном языке; переписка с носителем русской или иной культуры в социальной сети; заказ продукции с русскоязычного или другого иноязычного сайта; работа с русскоязычным или прочим иноязычным приложением и др.).

Во второй графе «Трудности» обучающиеся фиксировали лингвистические, кросс-культурные, речевые и прочие сложности, которые возникали во время данного вида деятельности. Раз в месяц дневники просмат-

риваются и анализируются преподавателем, результаты анализа обсуждаются в группах и / или в индивидуальном порядке, осуществляется поиск путей преодоления затруднений. Основные выделяемые обучающимися трудности обобщены в таблице (см. Табл. 2).

Таблица 2. Мультилингвальные трудности иностранных студентов

Параметры трудностей	Описание трудностей
Трудности в коммуникативной сфере	<p>1) в разноязычных ди- и полилогах личного и этикетного характера, детальных расспросах, при описании и характеристике представителей иносоциумов, в кросс-культурных конфликтах в вузе;</p> <p>2) при восприятии на слух русскоязычных высказываний узкотехнической направленности, при использовании языковой догадки, при использовании невербальных средств общения;</p> <p>3) при чтении узкоспециализированных русскоязычных текстов в ресурсах Интернет;</p> <p>4) при написании технической и деловой документации на русском языке (инструкций, инструктажей, рекомендаций, претензий, служебных записок, обоснований, перспективных планов и пр.)</p>
Трудности в использовании языковых средств	<p>1) графические трудности, связанные с оформлением русскоязычных текстов в плане орфографии и пунктуации;</p> <p>2) при произнесении звуков, выделении ударения в словах, членении предложений на смысловые части, соблюдении интонации и др.;</p> <p>3) при запоминании лексических единиц: технической и этикетной лексики, при распознавании частей речи / словообразовательных элементов; при использовании лексики нужной тематики в общении;</p> <p>4) при составлении предложений основных коммуникативных типов, постановке вопросов, использовании вопросительных слов; при конструировании предложений с соответствующим типом порядка слов.</p>

Трудности в выполнении учебных действий	1) при выполнении заданий с ограничением времени и объёма; 2) трудности в выборе стратегий обучения: при работе с текстом; при поиске, переработке и генерации разноязычной информации; в ходе самостоятельной подготовки к работе с разноязычными источниками.
---	--

4. Заключение

Эффективность мультилингвального подхода в логике продвижения русского языка в техническом вузе зависит от многих факторов. Прежде всего все разноязычные проекты и входящие в них мероприятия, имеющие образовательную, научную, методическую направленность, должны рассматриваться организаторами и исполнителями в качестве инструментов, содействующих выведению русского языка в разряд прогрессивного, значимого и бесконечно интересного для изучения. Обучение русскому языку как иностранному в условиях технического вуза имеет свою специфику, которая определяется разной степенью мотивации иностранных студентов, желанием использовать родной или изучаемые ранее иностранные языки в учебном процессе, обучением в многонациональных разноязычных группах, планом организации общей академической деятельности будущих инженеров.

Многолетний опыт работы в высшей школе доказывает, что успешность продвижения русского языка среди иностранных обучающихся во многом зависит от педагогического мастерства и личностных качеств преподавателя, его способности учитывать лингвокультурные и этнопсихологические особенности студентов. Необходимо принимать во внимание и то, что обучение в школе у многих представителей зарубежных стран носило мультилингвальный характер, и монолингвальная политика российского вуза озадачивает, настораживает и даже пугает многих из них.

Русский язык, как и русскую культуру в целом, невозможно навязать, её можно лишь полюбить. Для этого необходимо позиционировать русский язык не как «самый» или «лучший» среди всех языков, а в контрасте с другими иностранными языками — как оплот мира и дружбы многих наций, как один из богатейших мировых языков, как не менее конкурентоспособный и статусный среди прочих существующих языков, как более востребованный в русле данной отрасли народного хозяйства нежели другие иностранные языки. Именно такой подход видится наиболее оптимальным, справедливым и надёжным в деле формирования лингвистической безопасности России.

Список литературы / References

- Агранович М. Заграница берет урок [Электронный ресурс] // Российская газета, 25.02.2020. URL: <https://rg.ru/2020/02/25/kakie-proekty-pomogut-privlech-v-rossiiu-zarubezhnuiu-molodezh.html> [Agranovich, Maria (2020). Zagrantsa берет урок (Foreign Countries Take a Lesson). *Rossiyskaya gazeta*, 25.02.2020. Retrieved from <https://rg.ru/2020/02/25/kakie-proekty-pomogut-privlech-v-rossiiu-zarubezhnuiu-molodezh.html> (In Russian)].
- Алпатов В. М. Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция (Москва, 16–19 сентября 2014 г.): Доклады и сообщения / Отв. ред. А. Н. Биткеева, В. Ю. Михальченко. М.: Тезаурус – Языки народов мира, 2014. С. 11–24. [Alpatov, Vladimir M. (2014) Jazykovaja politika v Rossii i mire (Language Policy in Russia and Abroad). In Bitkeeva, Aysa A., Mikhachenko, Vida Yu. (eds.) *Jazykovaya politika i yazykovyye konflikty v sovremennom mire: Mezhdunarodnaya konferentsiya (Moskva. 16–19 sentyabrya 2014): Doklady i soobshcheniya* (Language Policy and Language Conflicts in Modern World: International Conference (Moscow, 2014, September 16–19): Reports and Messages. Moscow: Tezaurus–Yazyki narodov mira, 11–24. (In Russian)].
- Болонский процесс: нарастающая динамика и многообразие (документы международных форумов и мнения европейских экспертов) / Под научной редакцией проф. В. И. Байденко. М., 2002. [Baydenko, Valentin I. (ed.) (2002) *Bolonskij protsess: narastayushchaya dinamika i mnogoobrazie (dokumenty mezhdunarodnykh forumov i mneniya evropeyskikh ekspertov)* (Bologna Process: Increasing Dynamics and Diversification (Documents of International Forums and Opinions of European Experts). Moscow. (In Russian)].
- Жигалев Б. А., Устинкин С. В. Лингвистическая безопасность как фактор обеспечения устойчивого развития Российской Федерации // Власть. 2015. № 10. С. 32–41. [Zhigalev, Boris A., Ustinkin, Sergej V. (2015) Lingvisticheskaya bezopasnost' kak faktor obespecheniya ustojchivogo razvitiya Rossijskoj Federacii (Linguistic Security as a Factor of Ensuring the Sustainable Development of the Russian Federation). *Vlast'*, 10, 32–41. (In Russian)].
- Казарян А. Н. Государственная языковая политика в современной России как основа сохранения национальной идентичности в контексте мировых глобализационных процессов: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2013. [Kazaryan, Artur N. (2013) *Gosudarstvennaya yazykovaya politika v sovremennoj Rossii kak osnova sohraneniya nacional'noj identichnosti v kontekste mirovyh globalizacionnyh processov* (State Language Policy in Modern Russia as a Basis for Preserving National Identity in the Context of Global Globalization Processes): PhD Thesis (in Politics) Synopsis: 23.00.02. Rostov-on-Don. (In Russian)].
- Михальченко В. Ю. Национальные языки в эпоху глобализации: языки России и Монголии // Вопросы филологии. 2010. № 1 (34). С. 7–34. [Mihal'chenko, Vida Yu. (2010) Nacional'nye yazyki v epohu globalizacii: yazyki Rossii i Mongolii (National Languages in the Era of Globalization: the Languages of Russia and Mongolia). *Voprosy filologii*, 1(34), 7–34. (In Russian)].

- Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/DkOXerfvAnLv0vFKJ59ZeqTC7ycla5HV.pdf> [Passport prioritetnogo proekta "Razvitie eksportnogo potentsiala rossijskoj sistemy obrazovaniya" (Passport of the Priority Project "Development of the Export Capacity of the Education System of Russia"). Retrieved from <http://static.government.ru/media/files/DkOXerfvAnLv0vFKJ59ZeqTC7ycla5HV.pdf> (In Russian)].
- Прохорова А. А. Методическая система мультилингвального обучения студентов технического вуза: дис. ... д-ра. пед. наук: 13.00.02. Нижний Новгород, 2020. [Prohorova, Anna A. (2020) *Metodicheskaya sistema mul'tilingval'nogo obucheniya studentov tekhnicheskogo vuza* (Methodological System of Multilingual Training of Technical University Students): Doctoral Thesis (in Pedagogy) Synopsis: 13.00.02. Nizhny Novgorod. (In Russian)].
- Селиверстова О. А. Внешняя языковая политика как неотъемлемый компонент концепции «мягкой силы»: сравнительно-сопоставительный аспект // Вестник МГОУ. 2015. № 4. С. 232–240. [Seliverstova, Oksana A. (2015) *Vneshnyaya yazykovaya politika kak neot'emlemyj komponent koncepcii «myagkoj sily»: sravnitel'no-sopostavitel'nyj aspekt* (Foreign Language Policy as an Integral Component of the Concept of "soft power": Comparative Aspect). *Vestnik MGOU*, 4, 232–240. (In Russian)].
- Смирнова Т. П. Современная языковая политика Европейского Союза и Российской Федерации: сравнительный анализ // Политическая лингвистика. № 3 (45), 2013. С. 183–186. [Smirnova, Tat'yana P. (2013) *Sovremennaya yazykovaya politika Evropejskogo Soyuza i Rossijskoj Federacii: sravnitel'nyj analiz* (Modern Language Policy of the European Union and the Russian Federation: Comparative Analysis). *Politicheskaya lingvistika*, 3 (45), 183–186. (In Russian)].
- Токарева Г. В., Фалина В. А. Использование эффективных технологий развития творческих инициатив иностранных студентов в целях расширения возможностей изучения русского языка // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». Том 4, 2013. С.333–335. [Tokareva, Galina V., Falina, Vera A. (2013) *Ispol'zovanie effektivnyh tekhnologij razvitiya tvorcheskikh iniciativ inostrannyh studentov v celyah rasshireniya vozmozhnostej izucheniya russkogo yazyka* (Application of Effective Technologies for Developing Creative Initiatives of Foreign Students to Expand the Opportunities for Learning the Russian language). *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Seriya «Gumanitarnye nauki»*, 4, 333–335. (In Russian)].
- Халеева И. И. Лингвистическая безопасность России // Вестник Российской Академии Наук. 2006. Том 76. № 2. С. 104–111. [Haleeva, Irina I. (2006) *Lingvisticheskaya bezopasnost' Rossii* (Linguistic Security of Russia). *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*, 76 (2), 104–111. (In Russian)].
- Указ Президента Российской Федерации (от 7 мая 2012 г. № 599) «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» [Электронный ресурс]. URL: <http://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-07052012-n-599/> (дата обращения 14.04.2018). [Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii (2012) № 599 «O merah po realizacii gosudarstvennoj politiki v oblasti obrazovaniya i nauki» (2012, Aprile 14) (Decree of the President of the Russian Federation No. 599 of May 7, 2012

- “On Measures to Implement State Policy in the Field of Education and Science”)]. Retrieved from: <http://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-07052012-n-599/>.
- Ammon, Ulrich. (2010) World Languages: Trends and Futures. In N. Coupland (ed.). *The Handbook of Language and Globalization*. Blackwell Publishing Ltd., 101–122.
- Aronin, Larissa, & Singleton, David M. (2012) *Multilingualism*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
- Cenoz, Jasone. (2013) *Defining Multilingualism. Annual Review of Applied Linguistics*. Cambridge University Press, 33, 3–18, 0267-1905/13. DOI: 10.1017/S026719051300007X.
- Cenoz, Jasone, & Gorter, Durk. (2011) Focus on Multilingualism: A Study of Trilingual Writing. *Modern Language Journal*, 95, 356–369.
- Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment* (2019, February 23). Companion Volume with new Descriptors. Strasbourg: Council of Europe, 2018. Retrieved from: <https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989>.
- Edwards, Viv. (2004) *Multilingualism in the English-Speaking World*. Oxford, UK: Blackwell.
- Edwards, John. (2012) *Multilingualism: Understanding Linguistic Diversity*. London, UK: Continuum.
- Kemp, Charlotte. (2009) Defining Multilingualism. In L. Aronin & B. Hufeisen (eds.). *The Exploration of Multilingualism: Development of Research on L3, Multilingualism, and Multiple Language Acquisition*. Amsterdam, the Netherlands: John Benjamins Publishing, 11–26.
- Lauridsen, Karen. (2013) Multilingualism — A Necessary Absent Component in Europe 2020? *Sustainable Multilingualism*, 3, 12–18.
- Li, Wei. (2008) Research Perspectives on Bilingualism and Multilingualism. In W. Li & M. Moyer (eds.). *The Blackwell Handbook of Research Methods on Bilingualism and Multilingualism*. Oxford, UK: Blackwell, 3–17.
- Prokhorova, Anna. (2019) Multilingual Approach to Power Engineering Students’ Language Teaching. *European Journal of Natural History*, 4, 41–45.
- Otwinowska, Agnieszka, & De Angelis, Gessica (eds.). (2014) Introduction. Towards Education for Multilingualism. *Teaching and Learning in Multilingual Contexts: Sociolinguistic and Educational Perspectives*. Bristol: Multilingual Matters, 11–21.
- Paradowski, Michał B. (2011) Multilingualism — Assessing Benefits. In A. Komorowska (ed.). *Issues in Promoting Multilingualism: Teaching — Learning — Assessment*. Warsaw: Foundation for the Development of the Education System, 335–354.
- Schjerve, Rindler, & Vetter, Eva. (2012) *European Multilingualism. Current Perspectives and Challenges*. Bristol, Tonayanda & North York: Multilingual Matters.

УДК 811.161.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-si-153-163

ЖАНРЫ ИНВЕКТИВЫ В ПУБЛИЧНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

М. А. Калинина

Волгоградский государственный институт искусств и культуры,
Волгоград, Россия

Актуальность исследования обусловлена повышенным интересом общественности и лингвистов к публичному дискурсу и коммуникативной личности, вербальное поведение которой расшатывает нормативные рамки и приводит к нарушениям лингвистической безопасности. Говорящий отдает предпочтение ненормативным языковым средствам, обладающим наиболее сильным коммуникативно-стилистическим зарядом, поскольку именно они поддерживают его стремление к самовыражению и привлекают внимание окружающих. К таким средствам относится инвектива. Отказ от нормативных экспрессивных средств также обусловлен умышленными или спонтанными коммуникативными намерениями личности унижить, осмеять, оскорбить собеседника, самоутвердиться, что сделать значительно проще с помощью инвективной лексики. На основании функций инвективы, ее паралингвистических и лингвистических особенностей, а также интенций говорящих в статье предпринимается попытка выделить инвективные жанры хейтинга и флейминга. Хейтинг оценивается как предумышленное коммуникативное действие, направленное на дискредитацию личности или ее социальную стигматизацию. Флейминг характеризуется спонтанностью и обусловлен коммуникативной эмоциональностью, конфликтностью и асоциальностью говорящего. В исследовании определяются риски использования вербальной агрессии, жанров инвективы и пейоративов в публичном коммуникативном пространстве. Подчеркивается важность регулирования данного вопроса со стороны законодательства, поскольку инвектива становится формой выражения языкового экстремизма, приводящей к физическому насилию, что подтверждается прецедентами. Необходимо введение обязательного автоматического и человеческого модерирования чатов пабликов соцсетей, форумов, сайтов, мессенджеров, телешоу и прочих ресурсов, поскольку это способно предотвратить негативные последствия инвективизации публичного дискурса и обеспечить лингвистическую безопасность участникам коммуникации.

Ключевые слова: инвектива; вербальная агрессия; языковой экстремизм; лингвистическая безопасность; хейтинг; флейминг; дискредитация; социальная стигматизация.

The Genre of Invective in Public Discourse

Marina A. Kalinina

Volgograd State Institute of Arts and Culture, Volgograd, Russia

The relevance of this research project lies in the increasing interest of the general public and professional linguists towards public discourse and the specific type of the communicative personality whose verbal behavior shakes up the normative framework and leads to violations of linguistic security. Such a speaker prefers non-normative linguistic means with the strongest communicative and stylistic charge, because they support her desire for self-expression and attract the attention of others; needless to say they often include invective. The rejection of normative expressive means is also due to the deliberate or spontaneous intention of the speaker to humiliate, ridicule, or offend the interlocutor and assert herself, which is much easier to do with invective vocabulary. Looking at the functions of the invective, its paralinguistic and linguistic features, and the intentions of the speakers, the article describes the invective genres of hating and flaming. Hating is viewed as a deliberate communicative action aimed at discrediting a person or at her social stigmatization. Flaming is characterized by spontaneity and is due to the speaker's communicative emotionality, asociality, and propensity towards conflicts. The author determines risks of using verbal abuse, invective genres, and pejoratives in public discourse, emphasizing the importance of regulating these through relevant legislation, since, as experience shows, invective may become a form of expressing linguistic extremism and lead to physical violence. The author discusses the immediate need of introducing mandatory moderation (both automated and manual) of chats on social networks, forums, public websites, messengers, TV shows and other media in order to prevent negative consequences of invectizing public discourse and to ensure linguistic security for communication participants.

Key words: invective; verbal abuse; linguistic extremism; linguistic security; hating; flaming; discrediting; social stigmatization.

1. Введение

Публичный дискурс и вопросы, касающиеся лингвистической безопасности, в настоящее время находятся под пристальным вниманием лингвистов, а рассмотрение этико-речевых норм не теряет своей актуальности уже в течение нескольких десятилетий. Среди современных языковых тенденций отмечается возросшая агрессивность речевого акта во всех сферах человеческой жизнедеятельности, в том числе и в публичном коммуникативном пространстве. Под публичным коммуникативным пространством нами понимается коммуникативная среда, где осуществляется речевая деятельность публичного характера (открытые выступления, телевизионные или радиопередачи, электронные издания, блоги, паблики в социальных сетях, группы в мессенджерах, подкасты и пр.). Широкое распространение получает инвектива как одна из форм проявления вербальной агрессии. К изучению вопроса ее функционирования как речевого жанра обращались в разное время

В. И. Жельвис, Н. Д. Голев, Б. Я. Шарифуллин и другие. Инвективу мы вслед за В. И. Жельвисом понимаем «как способ существования словесной агрессии, воспринимаемый в данной социальной подгруппе как резкий или табуированный» (Жельвис 2000: 197). Социальные группы в публичном коммуникативном пространстве разнообразны и могут быть дифференцированы по сфере интересов коммуникантов, возрастному, профессиональному, этническому и другим социальным признакам. Употребление и восприятие инвективы участниками группы обусловлено диапазоном рецептивной и продуцирующей способности говорящих: для одних она будет недопустима, а для других считается нормой. Это может определять степень агрессивности инвективы и ее жанровую характеристику.

2. Характеристика материала и методов исследования

Наше понимание публичного коммуникативного пространства обусловило выбор материала для исследования, в качестве которого послужили выборочные высказывания в различных пабликах социальной сети «ВКонтакте» (далее — ВК), которая входит в десятку самых популярных ресурсов Рунета (по данным MediaScope 2020) и занимает там четвертое место; а также система форумов «Двач», позиционирующая себя как анонимное коммуникативное пространство, где «можно общаться быстро и свободно, где любая точка зрения имеет право на жизнь» (Двач.ч). Исследование осуществлялось при помощи методов выборки, описания и анализа языкового материала. Намеренно исключались из выборки высказывания, содержащие обценную лексику, поскольку она рассматривалась как безадресная брань «на воздух» (Жельвис 2008).

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Наблюдение за коммуникативными моделями поведения лиц в социальных сетях, мессенджерах, форумах и прочих ресурсах; рассмотрение языкового материала, к которому прибегают коммуниканты, подтверждает известный факт о том, что современное публичное коммуникативное пространство характеризуется особым типом модальности высказываний, который создает максимально эксплицитный тип речевого поведения, провоцирует говорящих на проявление личностного начала, обуславливает свободу языкового воплощения замысла (Какорина 2008: 567). Это может быть связано с новым, особым статусом коммуникативной личности, характеризующимся этической неопределенностью: с одной стороны, она стремится к свободе самовыражения, с другой стороны, — ею управляет чувство

безнаказанности за нарушение общепринятых поведенческих норм, что может привести (Ахпашева 2016: 157) к речевой агрессии, которая по своему коммуникативному намерению способна быть как умышленной, так и спонтанной — в качестве ответной реакции на предыдущее высказывание. Некоторые исследователи (Гейко 2013: 139) считают, что нарушение норм «во всех сферах человеческой жизнедеятельности всегда привлекает внимание: человек психологически замечает отрицательные характеристики, считая, что они могут представлять опасность», при этом положительные свойства остаются незамеченными, поскольку воспринимаются как общепринятые и само собою разумеющиеся. Например, под постом в паблике «Спортхакерша» (ВК, 25.12.2019) *Самый нетолерантный бренд нижнего белья Victoria's Secret решил-таки на бодипозитивный подход и сделал своим ангелом curve-модель Лорену Дюран. Вот такая модель плюс-сайз мне точно импонирует!* один из комментариев: *Жирухи только навредили имиджу. И они объявили о закрытии шоу показа. Этот бренд не для жирух. Жирный ангел (хохочущий смайлик)*. Категоричный негативный комментарий, очевидно, носит намеренно оскорбляющий характер, несмотря на эксплицитную позитивную оценку автора поста, которая настраивает читающего на терпимость, моральную эластичность в отношении предмета обсуждения и коммуникативное смягчение в выражении мнения. Инвективная, обличающая функция используемых пейоративов (*жируха, жирный ангел*) не позволяет считать уместным их употребление в публичном дискурсе, поскольку «современный речевой идеал формируется в публичных коммуникациях» (Иссерс 2019: 181). Как следствие, это приводит к нарушению лингвистической безопасности, расшатыванию этико-речевых норм, т. к. аудитория начинает воспринимать инвективу как целесообразное средство общения. Исчезает осторожность в выборе слова, говорящий отдает предпочтение ненормативной языковой форме как обладающей эффектным и эффективным коммуникативно-стилистическим зарядом. Такой выбор становится регулярным, чему способствует языковая свобода последних десятилетий и «крайне негативная экспрессивность при обсуждении того, с чем не согласен говорящий, жесткость в оценке поведения собеседника и т. п.» (Брусенская, Куликова 2018: 16).

К характерным чертам инвективы относят особую иллокутивную силу высказывания, которая реализуется в гневном тоне говорящего, типами общения. Однако она может дифференцироваться по ряду критериев: функцией, которую выполняет та или иная инвектива, характером иллокутивного акта, совершаемым при произнесении

конкретного высказывания, обращениями, типами пейоративов, наклонением глагола, интонационным рисунком, пунктуацией. Соответственно, различный набор лингвистических и паралингвистических средств, используемых коммуникантами, определяет степень проявления речевой агрессии и позволяет на основании этого выделять жанры инвективы: *хейтинг* и *флейминг*.

Предлагаемая типология жанров инвективы носит условный характер и может изменяться, поскольку строится, исходя из возможных типических коммуникативных интенций говорящих. В основу нашей классификации легла точка зрения, изложенная в статье «Вербальная агрессия» (Жельвис 2011: 228), где автор ищет эквивалентные терминологические понятия в русской лингвокультуре англоязычным *hate speech* — букв. «слова, выражающие ненависть», «вокабуляр ненависти» и *fighting words* — букв. «слова, побуждающие к драке», «провоцирующий вокабуляр».

3.2. Хейтинг (от англ. *hate* — «ненависть») — критиканство и злобность — является постоянным или временным свойством говорящего, это некая негативная коммуникативная стратегия, установка, с которой человек вступает в коммуникацию, определяя в ней свою доминирующую роль. Хейтинг может быть обусловлен личными качествами человека, его психофизическим состоянием, стереотипными моделями поведения и прочими индивидуальными особенностями личности. Хейтинг также может быть отнесен к проблеме статусных отношений человека в языке, которая детально разработана и описана в современном языкознании Л. П. Крысиным, В. И. Карасиком, И. А. Стерниным. Исследователи Lenski (1954), Брум (1965) обращают внимание на историческую и этнографическую изменчивость характеристик статуса: «для современного индустриального общества такими характеристиками являются род занятий, величина дохода, уровень образования, этническая принадлежность; в условиях иных обществ и иных эпох на первый план могут выйти такие характеристики, как возраст, степень знатности или физическая сила» (цит. по [Карасик 2005: 31]). В связи с закономерностями коммуникативного поведения собеседник на начальном этапе общения может быть определен как хейтер. Задача хейтера — открыто продемонстрировать своё отрицательное (осуждающее, порицающее, презрительное и др.) отношение, что он делает как имплицитно (через пассивно агрессивные формы), так и эксплицитно (с использованием агрессивно уничижительной модели речевого поведения и пейоративной лексики).

Чаще всего с хейтингом можно столкнуться в интернет-комментариях, как например, под постом с размещенными фотографиями

пластичных нарядов Шинейд О’Двайер, который был опубликован в группе «Идеи для творчества» (ВК, 21.12.2019), встречаются следующие формы хейтинга. Имплиcitный хейтинг: *Никакого креатива я в этом безобразии не вижу!; Господи... какая то больная фантазия у дизайнера...; Одежда подчёркивающая все недостатки. Зачем?!; Эти наряды — абсолютная пошлость и безвкусица. Вы бы надели это? Я бы даже мусор в таком вынести постеснялась.* Эксплицитный хейтинг: *Больные на всю голову...; Что за ужас???; И что!? Чем удивили, чем порадовать на этот раз хотели? Маразм какой то! Бред!; Это не креатив — это ужас; Это отвратительно....; Максимальный дебилизм; Это жёсть товарищи... Такое ощущение, что мир катится в сторону психушки...* (Сохранены авторская орфография и пунктуация. — М. К.). Выбор стилистически окрашенной, пейоративной лексики (*дебилизм, жёсть, безобразие, пошлость, безвкусица, бред, ужас, маразм*), обилие восклицательных знаков и многоточий определяют обличительную, дискредитирующую функцию этого жанра инвективы. В целом мы склонны выделять два вида функциональной направленности хейтинга.

3.2.1. Дискредитация личности, которая понимается нами как выражение стереотипного или формирование намеренно ложного, осуждающего мнения относительно субъекта. Так, в комментариях к фотографии в паблике «Автолюбители» (ВК, 10.05.2017), на которой изображена женщина за рулем: *Уберите эту тупую блондинку от руля подальше, Баба за рулем... как баба на корабле ... не к добру* (Сохранены авторская орфография и пунктуация. — М. К.). Стилистически нейтральной номинации «женщина», «девушка» комментаторы предпочитают просторечные и грубые пейоративы *баба* и *тупая блондинка* с целью унижения достоинства, дискриминации по половому признаку.

3.2.2. Социальная стигматизация — «это процесс выделения или “клеймения” индивидов, навешивание социальных “ярлыков”» <...> на основании некоторых обозначенных внешних символически выраженных признаков» (Липай, Мамедов 2008: 43). Чаще социальная стигматизация встречается в оценке людей, относящихся к другим национальным культурам, как например, читаем в системе форумов «Двач» от 17.11.18: *Негры и так в целом дауны, а уж когда сегрегацию отменили, совсем все плохо стало. Те негры, которые в Америке, худшие из худших просто, это мусор, к которому уже страшно прикасаться.* Навешивание ярлыков, обладающих негативной семантикой (*дауны, мусор, худшие из худших*), не только мешает конструктивному диалогу, но и способствует разжиганию межнациональной розни, что противоречит коммуникативному кодексу и недопустимо в публичном коммуникативном пространстве.

Подобный деструктивный характер взаимодействия в виртуальном пространстве становится лингвокультурной приметой современного общества, что обусловлено возникновением нового типа личности — *Homo Virtualis* (Беляев 2012), который выбирает свое «виртуальное воплощение — альтер-эго» и «индивидуально и культурно значимые поведенческие стратегии» (Беляев 2012: 69–70). Виртуальное «Я» говорящего не всегда вписывается в традиционную этико-речевую модель, зачастую намеренно противоречит ей, проявляя своё стремление к самореализации.

3.3. Вторым жанром инвективы, согласно нашей гипотезе, является *флейминг*, или *флейм* (от англ. *flame*). Термин, первоначально возникший в игровом жаргоне как сообщение, не несущее никакой смысловой нагрузки и зачастую носящее оскорбительный характер; в настоящее время относимый к интернет-сленгу в значении «спор ради спора», обмен сообщениями в местах многопользовательского сетевого общения (напр. интернет-форумы, чаты, социальные сети и др.), представляющий собой словесную войну, нередко уже не имеющую отношения к первоначальной причине спора (Картаслов.ру). Отмечается, что сообщения флейма могут содержать личные оскорбления, которые направлены на дальнейшее разжигание ссоры. Исследователями (Зекерьяев, Джемилова, Чир-Чир 2017) обнаружено, что формирующими элементами виртуальной личности флеймера являются «асоциальность (как ценностный компонент), коммуникативная эмоциональность (как эмоциональный компонент) и конфликтность (как поведенческий компонент)» (Зекерьяев, Джемилова, Чир-Чир 2017: 66). Флейминг в результате может привести к возникновению конфликта между собеседниками, «включающего публичные оскорбления и эмоциональный обмен репликами между участниками», что обусловлено невозможностью сдерживать собственные эмоции и является «защитной реакцией на воспринимаемое оскорбление (не обязательно, чтобы собеседник действительно подразумевал оскорбление) или неприемлемое мнение, выраженное другими» (Солдатова, Рассказова, Чигарькова 2020: 5). Для иллюстрации достаточно вспомнить нашумевшую встречу на радио «Комсомольская правда» двух журналистов Николая Сванидзе и Максима Шевченко в 2018 году, которая закончилась дракой в прямом эфире.

Опасность флейминга состоит в чрезмерной эмоциональности, непредсказуемости реакций говорящих, которые могут привести к самым трагическим последствиям, как, например, это случилось в октябре 2020 года в Волгограде, где в результате переписки в родительском чате возник скандал, переросший в физическую расправу над человеком, закончившуюся его смертью. Выражение *Вопрос надо решать, а не сопли жевать* вызвало агрессивную реакцию собеседника: *Ты что, бессмертный?*

Такое мне писать, последовали угрозы: *Где бы ни был, я все равно тебя найду! И вот заранее тебе скажу — ты можешь заранее уже взять больничный!* (РИА Новости 2020), за чем последовало преследование и расправа над человеком. Данная ситуация позволяет говорить об инвективе в целом и о флейминге в частности как о форме языкового экстремизма. Прорисшествие, которое потрясло город, заставило задуматься о безопасности общения в мессенджерах, возникли разговоры о запрете чатов.

4. Заключение

Проблемой инвектизации публичного дискурса в настоящее время обеспокоены не только лингвисты, но и обыватели. Кажется очевидным, что администраторами пабликов, форумов, сайтов, телепрограмм, телешоу и т. п. могут намеренно создаваться прецеденты, где транслируются агрессивные модели коммуникативного поведения. Это обусловлено потребностями в расширении аудитории (увеличении числа подписчиков и просмотров) в целях монетизации бизнеса. Как нам кажется, вербальная агрессия и использование жанров инвективы в публичном коммуникативном пространстве, во-первых, требует строгой оценки и регулирования со стороны законодательства. Отсутствие правового статуса у инвективы стимулирует у говорящих бесконтрольное ее употребление, порождает трансформацию формы языкового экстремизма в форму физического насилия. Во-вторых, кажется необходимым введение строгой цензуры не только на обценную лексику, но и использование пейоративов. Мы убеждены, что обязательная человеческая и автоматическая модерация пабликов соцсетей, форумов, сайтов, мессенджеров, телешоу и прочих пространств публичной коммуникации способна предотвратить негативные последствия инвектизации публичного дискурса и обеспечить лингвистическую безопасность участникам коммуникации.

Список литературы / References

- Ахпашиева Н. М.* Этика и речевой этикет в социальных сетях: коммуникативные намерения и коммуникативные фрустрации // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: контаминация и конвергенция гуманитарной мысли: материалы XI Международной научно-практической конференции. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. 2016. С. 156–159.
[Ahpasheva, Natalia M. (2016) *Jetika i rechevoj jetiket v social'nyh setjah: kommunikativnye namerenija i kommunikativnye frustracii* (Ethics and Speech Etiquette in Social Networks: Communicative Intentions and Communicative Frustrations). *Aktual'nye problemy izuchenija jazyka, literatury i zhurnalistiki: kontaminacija i konvergencija humanitarnoj mysli: materialy XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (Topical Issues of Language Learning, Literature and Jour-

- nalism: Contamination and Convergence of Humanitarian Thought: Proceedings of XI International Scientific and Practical Conference). Abakan: N. F. Katanov Khakas State University, 156–159. (In Russian)].
- Беляев Д. А. Виртуальное net-бытие пост(сверх)человека // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3 (18). 68–73. [Belyaev, Dmitriy, A. (2012) Virtual'noe net-bytie post(sverh)cheloveka (Virtual Net-Being of Post(Over)Man). *Science Journal of Volgograd State University. Philosophy*, 3, 68–73 (In Russian)].
- Брусенская Л. А., Куликова Э. Г. Медийное пространство в свете этико-речевой нормы: влияние на коммуникативное поведение // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 2. С. 6–20. [Brusenskaja, Ludmila A., & Kulikova, Jella G. (2018) Medijnoe prostranstvo v svete jetiko-rechevoj normy: vlijanie na kommunikativnoe povedenie (Media Space in the Light of Ethic and Speech Norm: Its Impact on Communicative Behaviour). *Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika*, (Language Ecology and Communicative Practice), 2, 6–20. (In Russian)].
- Гейко Н. Р. Пейоратив публицистического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 80. № 21 (312). С. 137–140. [Gejko, Natalia R. (2013) Pejorativ publicisticheskogo diskursa (Pejorative of Publicistic Text). *Bulletin of Chelyabinsk State University. Filology*, Issue 80, 21 (312), 137–140. (In Russian)].
- Два.ч — свободное общение [Электронный ресурс]. URL: <https://2ch.hk/> (дата обращения 20.03.2021). [Dva.ch — svobodnoe obshchenie (2021, march 20). Retrieved from: <https://2ch.hk/>. (In Russian)].
- Жельвис В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Н. Д. Голев. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2000. С. 195–206. [Zhel'vis, Vladimir I. (2000) Slovo i delo: juridicheskij aspekt skvernosloviya (Word and Deed: Juridial Aspect of Filthy Language). *Jurislingvistika-2. Russkij jazyk v ego estestvennom i juridicheskom bytii: Mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov / отв. red. N. D. Golev* (Jurislinguistics-2. The Russian Language in Its Natural and Juridical Being: Interuniversity Collection of Scientific Works. In Golev, Nikolaj. D. (ed.)). Barnaul: Izdatel'stvo Altajskogo universita, 195–206. (In Russian)].
- Жельвис В. И. «Грубость»: проблемы классификации лексики // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингво-методический аспект): Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д.ф.н., проф. А. М. Мелерович. Москва–Кострома. М.: Изд-во Элпис, 2008. С. 71–76. [Zhel'vis, Vladimir I. (2008) «Grubost'»: problemy klassifikacii leksiki (“Rudeness”: Problems of Classifying the Lexical Unit). *Frazeologizm i slovo v nacional'no-kul'turnom diskurse (lingvisticheskij i lingvo-metodicheskij aspekt): Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija, posvjashhennaja jubileju d.f.n., prof. A.M. Melerovich*. (Phraseologism and Word in National and Cultural Discourse (Linguistic and Linguomethodical Aspect): International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Jubilee of Prof. A. M. Melerovich). Moscow–Kostroma, Moscow: Izdatel'stvo Elpis, 71–76. (In Russian)].

- Жельвис В. И. Вербальная агрессия // Юрислингвистика. 2011. № 1 (11). С. 228–233. [Zhel'vis, Vladimir I. (2011) Verbal'naja agressija (Verbal Aggression). *Jurislingvistika*, 1 (11), 228–233. (In Russian)].
- Зекерьяев Р. И., Джемилева Ф. Р., Чир–Чир Э. Р. Флейм и кибербуллинг как феномены коммуникативных девиаций в интернет-пространстве // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2017. № 4 (10). С. 64–67. [Zeker'jaev, Ruslan I., & Dzhemilova, F. R., & Chir–Chir, Je. R. (2017) Flejm i kiberbulling kak fenomeny kommunikativnyh deviacij v internet-prostranstve (Flame and Cyberbullying as Phenomena of Communication Deviation in the Internet Space). *Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Pedagogics. Psychology*, 4 (10), 64–67. (In Russian)].
- Иссерс О. С. Массовая речевая культура в аспекте медиатизации социальных коммуникаций // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 6. С. 177–188. [Issers, Olga S. (2019) Massovaja rechevaja kul'tura v aspekte mediatizacii social'nyh kommunikacij (Mass Speech Culture in Terms of Social Communications Mediatization). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 18, 6, 177–188. (In Russian)].
- Карасик В. И. Выражение статусных отношений средствами русского языка // Русский язык в современном обществе: (Функциональные и статусные характеристики). Сб. обзоров. Серия: Теория и история языкознания / отв. ред. Е. О. Опарина, Е. А. Казак. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 30–50. [Karasik, Vladimir I. (2005) Vyrazhenie statusnyh otnoshenij sredstvami russkogo jazyka (Expressing the Relations of Status with the Means of Russian). *Russkij jazyk v sovremennom obshhestve: (Funkcional'nye i statusnye harakteristiki). Sb. obzorov. Seriya: Teorija i istorija jazykoznanija*. In Oparina, Elena O., Kazak, Evgeniya A. (eds.) (2005) The Russian Language in Modern Society: (Functional and Status Characteristics). Collection of Reviews. Series: Theory and History of Linguistics). Moscow: INION RAN, 30–50. (In Russian)].
- Значение слова «флейм» [Электронный ресурс] // Картаслов.ру. URL: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D1%84%D0%BB%D0%B5%D0%B9%D0%BC> (дата обращения 20.03.2021). [Znachenie slova «flejm» (Meaning of the Word “Flame”). Kartaslov.ru (2021, March 21). Retrieved from: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D1%84%D0%BB%D0%B5%D0%B9%D0%BC> (In Russian)].
- Какорина Е. В. СМИ и интернет-коммуникация (интернет-форум как новый коммуникативно-речевой жанр) // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI вв. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 549–578. [Kakorina, Elena V. (2008) SMI i internet-kommunikacija (internet-forum kak novyj kommunikativno-rechevoj zhanr) (Mass Media and Internet-communication (Internet-forum as a New Communication and Speech Genre)). *Sovremennyj russkij jazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX-XXI vv.* (Modern Russian Language: Active Pro-

cesses on the cusp of XX and XXI centuries). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 549–578. (In Russian)].

Липай Т. П., Мамедов А. К. Социальная стигматизация: социокультурные аспекты // Труд и социальные отношения. 2008. № 11. С. 43–52. [Lipaj, Tatiana P., & Mamedov, Agamali K. (2008) Social'naja stigmatizacija: sociokul'turnye aspekty (Social Stigmatization: Sociocultural Aspects). *Trud i social'nye otnoshenija* (Labour and Social Relations), 11, 43–52. (In Russian)].

Опубликована переписка в родительском чате, за которую убили волгоградца [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20201101/chat-1582560028.html> (дата обращения 21.03.2021). [Opublikovana perepiska v roditel'skom chate, za kotoruju ubili volgogradca (Exchange of Messages in Parents' Chat for which a Volgograd Resident Was Killed Has Been Published). *RIA Novosti* (2020, November 1). Retrieved from: <https://ria.ru/20201101/chat-1582560028.html>. (In Russian)].

Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Чигарькова С. В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. Т. 2. № 2 (38). С. 3–20. [Soldatova, Galina U., & Rasskazova, Elena I., & Chigar'kova, Svetlana V. (2020) Vidy kiberagressii: opyt podrostkov i molodezhi (Types of Cyberaggression: Experience of Adolescents and the Youth). *National Psychological Journal*, vol. 2, 2 (38), 3–20. (In Russian)].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверкина Лариса Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики немецкого языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: averkina_l@lunn.ru

Барышев Николай Витальевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Липецкого государственного технического университета. E-mail: kaf-in@stu.lipetsk.ru

Бухаров Валерий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики немецкого языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: bucharov@lunn.ru

Голубева Надежда Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики немецкого языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: nagol@mail.ru

Гусейнова Иннара Алиевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого языка и перевода переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета. E-mail: ginnar@mail.ru

Жигалев Борис Андреевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, президент Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: zhigalev@lunn.ru

Калинина Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и литературы Волгоградского государственного института искусств и культуры. E-mail: m-kalinina@yandex.ru

Краева Ирина Аркадьевна, кандидат филологических наук, доцент, ректор Московского государственного лингвистического университета. E-mail: rectorat@linguanet.ru

Кувакова Ирина Михайловна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Международной междисциплинарной НИЛ «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: kuvakovaim1999@mail.ru

Лахгайн Барбара (Lachhein Barbara), старший преподаватель кафедры теории и практики немецкого языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова,

сотрудник Университета Дуйсбург-Эссен (Германия). E-mail: post@schellenberg17.de

Никонова Жанна Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики немецкого языка, ректор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: nikonova@lunn.ru

Прохорова Анна Александровна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков Ивановского государственного энергетического университета им. В. И. Ленина. E-mail: prohanna@yandex.ru

Савруцкая Елизавета Петровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: savrutsk@lunn.ru

Сдобников Вадим Витальевич, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: artist232@rambler.ru

Соловьева Екатерина Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной лингвистики Института филологии и журналистики Нижегородского государственного национального исследовательского университета им. Н. И. Лобачевского. E-mail: e.soloveva@flf.unn.ru

Тырыгина Валентина Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: vat@lunn.ru

Устинкин Сергей Васильевич, доктор исторических наук, профессор, начальник Международной междисциплинарной НИЛ «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: sv.ustinkin@gmail.com

Ястремская Инна Григорьевна, старший преподаватель кафедры теории и практики немецкого языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: yastremskaya-i@mail.ru

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Спецвыпуск

Редакторы:
Н. С. Чистякова
Ю. А. Белякова

Подписано в печать 30.12.2020. Формат 60х90 1/16.
Печ. л. 10,4. Тираж 500 экз.
Цена договорная. Заказ.

Типография НГЛУ
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а